Ю. А. Замошкин

ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКЕ

*

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Ю. А. Замошкин

ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКЕ

■

Опыт анализа ценностных
и политических ориентаций

Москва, «Мысль»
1980

66.3(7 США)
З-26

*Редакции
философской литературы*

З $\frac{10506-175}{004(01)-80}$ БЗ-7-3-80. 0302020300

Введение

Исследование взглядов, умонастроений, чувств, жизненных ожиданий и форм поведения американцев показывает крайнюю сложность и противоречивость эволюции ценностных и политических ориентаций личности в США. Это и не может быть иначе в крупнейшей капиталистической стране. В США разворачивается острая борьба различных классов, социально-политических группировок и сил. Происходят существенные изменения в производительных силах, социальной структуре и формах организации общества, в условиях труда и быта. Изменяется положение США в системе международных отношений и общее соотношение сил на мировой арене. Вместе с тем в США в сознании людей прочно укоренились привычки и традиции, созданные в предшествующие периоды развития страны.

На ценностные и политические ориентации личности в США и в других капиталистических странах влияет общий кризис капитализма, который вызывает все более и более серьезные экономические проблемы, рост безработицы и инфляции, который «поражает институты власти, буржуазные политические партии, расшатывает элементарные нравственные нормы»[1]. Одновременно под воздействием объективного и необратимого процесса развития в национальном и международном масштабе производственных, социальных, политических и идеологических отношений совершается обновление личности, ее сознания, чувств, ориентаций.

Настоящая работа представляет собой попытку анализа сложных и противоречивых процессов, происходящих в сознании масс, в личности рядового американца

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 29.

под влиянием событий и процессов, характеризующих общесоциальную и политическую жизнь общества. Этот анализ одновременно и социально-психологический и социологический, поскольку личность как динамическая система рассматривается в ее живой, органической связи с социальной системой, с обществом в целом, исследуемым в его динамике, поэтому данное исследование оказывается в какой-то мере историческим, выявляет типы личности, возникавшие в истории страны. Чтобы понять диалектику эволюции ценностных и политических ориентаций людей в современной Америке, необходим анализ исторических судеб и личности, и общества в целом.

Для исследователя-американиста решение этой задачи несколько облегчается тем, что история США сравнительно короткая и к тому же в основном протекала в рамках одной общественно-экономической формации. Это — история капитализма, обнаружившего и общие и специфические черты. Основные типы ценностных и политических ориентаций, которые возникли в процессе становления американского капитализма и отразили его особенности и практические потребности, определились очень четко, приобрели значительную устойчивость, стали действительно господствующими. Эти типы ориентации могут быть рассмотрены в процессе становления и превращения в господствующие, приспособления к изменяющимся реальностям истории, наконец, в процессе внутреннего кризиса, отражающего общий кризис формации.

На примере США исследователь, изучающий наиболее массовидные состояния личности, может весьма четко обнаружить и силу традиций, сопротивляющихся динамизму истории, и резкие, драматические формы конфликтов, кризисных ситуаций, возникающих в системе ценностных и политических ориентаций, традиционных для американского капитализма. В США наглядно выявился широкий спектр идейно-психологических тенденций и внутренних состояний, которые могут иметь место при обострении противоречий между традиционными способами ориентации личности и объективными историческими изменениями. Разнообразные социологические и социально-психологические исследования, опросы общественного мнения, проводимые в США, фиксируют несоответствие, конфликт между объективными условия-

ми жизни и теми типами ориентаций, которые опираются на устойчивые традиции общественной психологии, идеологии, культуры в США и все еще оказываются важным элементом в структуре личности. Ученые в Соединенных Штатах констатируют наличие многообразных кризисных, болезненных состояний и процессов, характеризующих внутреннюю структуру личности многих американцев.

Именно эти состояния и процессы являются основным предметом данной работы. Ее центральной темой является тема кризиса типичных для Америки форм буржуазного и мелкобуржуазного сознания, ценностных и политических ориентаций, исторически связанных с данными формами сознания, следовательно, кризиса личности, усвоившей эти ориентации и руководствующейся ими в жизни.

Анализ кризисных состояний и процессов, обнаруживающихся в личности, осуществляется в работе с учетом основных тенденций современной эпохи и перспектив мирового революционного процесса. Делается попытка изучения тех перемен в массовом сознании американцев, которые могут рассматриваться как предпосылки и симптомы становления качественно новой системы ценностей, новых форм политического сознания и типов личности. Однако современная идейно-политическая ситуация в США в определенной мере затрудняет обнаружение в целостном виде и в действительно широких масштабах новых типов ориентаций личности, принципиально отличающихся от тех, которые представляют традиции американского капитализма. Господствующие ориентации тесно связаны с формами практики, рожденными в ходе эволюции капиталистической общественно-экономической формации.

В США существуют и усиливаются коммунистическая партия и другие организации, позиции которых активно способствуют революционизации сознания трудящихся, становлению личности, последовательно борющейся за мир и социализм. Однако их влияние в силу многих причин, о которых будет идти речь дальше, пока еще существенно ограничено. И с этой ограниченностью непосредственно сталкивается прежде всего тот исследователь, который занят изучением наиболее массовидных явлений и тенденций, характеризующих сегодня личность в США.

И все-таки в современную эпоху — эпоху дальнейшего углубления общего кризиса капитализма, изменения соотношения сил в мире на международной арене в пользу мира и социализма, когда внутри США происходит обострение борьбы разных классов и политических группировок, — в структуре личности, в сфере массового сознания, общественного мнения, общественной психологии, в духовной жизни, в мыслях и чувствах многих американцев можно обнаружить разнообразные симптомы обновления.

Процесс обновления сложен и труден. Поэтому в работе особое внимание уделено анализу реальных трудностей, возникающих перед рядовым американцем, который искренне стремится понять и решить возникающие проблемы и перестроить систему своих внутренних ориентаций. Специальным предметом исследования выступают разнообразные стадии и этапы, которые может проходить личность в поисках новой системы ценностных и политических ориентаций, те страдания и мучения, которые эта личность может испытывать, если поиски оказываются неудачными и заводят человека в тупик.

Внутренняя перестройка ценностных и политических ориентаций личности — очень противоречивый процесс, особенно если речь идет об ориентациях широко распространенных и устойчивых, эволюция которых в основном происходит стихийно, испытывая одновременно влияние многих разнонаправленных тенденций и сил. В ходе этого процесса могут не только разрушаться старые, но и создаваться новые иллюзии. Старое может проявляться в новых формах, а новое нести на себе печать старого или причудливо сочетаться с ним, вызывая разнообразные болезненные состояния личности, стимулируя в то же время различные способы психологической защиты. На определенных этапах данного процесса могут господствовать мифологические и утопические формы сознания. Разрушение старых форм личностной ориентации может существенно опережать возникновение новых форм, порождая в структуре личности своего рода «вакуум» ориентаций; могут иметь место волнообразные или «маятникообразные» колебания между различными состояниями и позициями.

В работе предпринимается попытка показать, как через все эти стадии, трудности и противоречия в США

идет необратимый процесс качественного обновления и внутреннего развития личности, и выявить те реальные силы и факторы современной истории, которые этому процессу помогают.

Книга состоит из двух частей. В первой части подробно рассматривается диалектика воспроизводства, модификации, превращения, кризиса и распада основных типов ценностных ориентаций личности, сформировавшихся в США в русле индивидуалистической традиции, но в современную эпоху столкнувшихся с объективными сдвигами в классовой структуре, в жизнедеятельности классов, групп и слоев населения, с фактом развития авторитарно-бюрократической государственно-монополистической организации. Во второй части внимание сосредоточено на исследовании противоречивого процесса эволюции основных, наиболее характерных для США типов политических ориентаций личности, на исследовании кризисных процессов и изменений в формах политического сознания, имеющих наиболее широкое распространение.

Обе части заканчиваются кратким анализом новых черт, характеризующих личность в США, новых моментов в отношениях рядовых американцев к наиболее актуальным вопросам общественной жизни, наиболее острым проблемам внутренней и внешней политики. И в первой и во второй частях делается попытка решить по сути одни и те же исследовательские задачи, хотя и применительно к разным сторонам системы ориентаций личности.

Стремясь к максимальной конкретности и доказательности своих выводов и обобщений, касающихся судеб личности в США, динамики ее ценностных и политических ориентаций, мы широко используем фактические данные, содержащиеся в исследованиях американских философов, социологов, социальных психологов, историков, политологов, в опросах общественного мнения, а также свидетельства видных общественных, политических деятелей и наиболее авторитетных журналистов. Естественно, речь идет о данных и свидетельствах, содержащих ценную и объективно значимую информацию о процессах и сдвигах, происходящих в личности, в ее отношениях с обществом и его институтами. Выявление и отбор таких данных и свидетельств в огромном потоке американской литературы — академической, полити-

ческой, публицистической — дело очень сложное. Оно требует критической оценки теоретико-методологических позиций, идеологических взглядов тех, кто эти данные в США получает и интерпретирует, кто приводит те или иные свидетельства.

Советский исследователь, изучающий американские источники, сталкивается с фактом явной зависимости и академических исследований и опросов общественного мнения, и тем более политической мысли, и публицистики в США не только от устойчивых стереотипов господствующей в США идеологии, но также от конъюнктуры идейно-политических ситуаций, заметно и резко менявшихся в этой стране на протяжении последних десятилетий. Это обязательно надо иметь в виду, используя работы американских исследователей.

В зависимости от изменений в идейном и политическом климате те или иные стороны духовной жизни личности, те или иные социальные процессы, влияющие на ее ориентации, развитие и самочувствие, то становились объектом внимания и углубленного исследования, то исчезали из поля зрения или сознательно замалчивались. Резко менялись интерпретация и оценка различных уже замеченных и установленных фактов: критический подход, выявляющий кризисные, болезненные процессы в жизни личности, нередко уступал место подходу апологетическому.

Например, в конце 50 — начале 60-х годов, в период острой борьбы с последствиями маккартизма, в США был осуществлен целый ряд интересных и крупномасштабных исследований, четко показавших углубление кризиса традиционного индивидуализма и разрушительное влияние на личность авторитарно-бюрократической организации, созданной государственно-монополистическим капитализмом США. Однако начиная с середины 60-х годов такие исследования постепенно прекращаются, зато появляется множество работ, посвященных совершенствованию техники командования и манипуляции людьми, их мыслями и чувствами.

Заметная критическая тенденция, обнаружившаяся в США в конце 60 — начале 70-х годов прежде всего в социально-философских и публицистических работах, в выступлениях левых радикалов, уже к середине 70-х годов явно пошла на убыль; на первый план выступили работы апологетического, традиционно-моралистского толка.

Хотя на протяжении 70-х годов различные проявления массового недовольства и критицизма рядовых американцев, кризисные процессы в системе их политических ориентаций постоянно фиксировались в опросах общественного мнения и свидетельствах многих общественных и политических деятелей, тем не менее в этот период в США по сути дела отсутствуют крупные академические исследования, которые можно было бы сравнить по глубине и значимости информации о сдвигах в ценностных ориентациях личности с наиболее интересными работами 50—60-х годов, до сих пор сохраняющими актуальность. Вот почему читатель обнаружит в разных главах настоящей работы информацию, полученную из разных источников, и ссылки на исследования, проведенные в разные годы.

Автор надеется, что осуществленное им исследование будет полезным для читателей, которые интересуются развитием личности в современной Америке, процессами, происходящими в духовной жизни и общественном мнении Соединенных Штатов, а также вопросами идеологической борьбы, ведущейся сегодня между капитализмом и социализмом, между силами, выступающими за мир и разрядку международной напряженности, и силами, отстаивающими позиции милитаризма и империализма. В этой борьбе на одно из первых мест выдвигаются проблемы личности. Все большую практическую значимость приобретают проблемы духовного и нравственного здоровья личности, ее ценностных и политических ориентаций, ее отношения к классам и силам, противоборство которых характеризует нашу эпоху, ее готовности отстаивать дело мира и социального прогресса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СУДЬБЫ ИНДИВИДУАЛИЗМА И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В США

Глава I

Индивидуалистическая традиция в США и соответствующие ей типы ориентации личности

При анализе исторического процесса эволюции ориентаций личности в конкретном обществе очень важно выделить главный тип ценностной ориентации, который в данном обществе утвердился в качестве господствующего. Это значит, что он стал наиболее устойчивым, получил закрепление в традициях культуры, идеологии и психологии общества.

Исследователь, предпринимающий анализ типологии и исторического развития ориентаций личности в определенном обществе, должен обращаться не только к эмпирическим, так сказать, «первичным» данным о состоянии умов и чувств, о поведении членов этого общества. Он, конечно же, должен опираться на «вторичные» документы теоретической и духовной культуры данного общества, которые являются результатом интеллектуальной, теоретической саморефлексии общества — рефлексии морально-этической, философской, идеологической. При этом очень важно, чтобы объектом анализа стали не модели ориентации личности, которые были и остались лишь идеальными проектами или логическими конструкциями, созданными рефлексирующей и рационализирующей мыслью, но именно те типы и модели,

которые органически объединяют теорию и повседневную социальную практику, воплощают особенности духовной культуры данного общества, наиболее типичные черты входящих в него конкретных индивидов.

Перед исследователем-американистом возникает важнейшая проблема: определить и изучить такие типы, или модели, личностной ориентации, которые, с одной стороны, в наиболее полной мере представляют господствующую традицию в культуре, а с другой — объективированы в целях, мотивах, регуляторах сознания и поведения достаточно больших масс людей.

Наиболее крупные американские исследователи именно так и формулируют свою задачу. Ядром ориентации личности в США они считают специфическое представление о жизненном успехе человека и связанные с ним ожидания и мечты, которые настолько привычны, так глубоко укоренились исторически, что получили название «американской мечты». «Более чем в течение столетия, что знает каждый школьник, соединительным звеном между американским характером и американской культурой являлась мечта об успехе» [1], — констатирует Б. Демотт, один из авторов книги «Американцы 1976», изданной в год 200-летия США под эгидой очень представительного комитета, возглавлявшегося тогдашним вице-президентом США Н. Рокфеллером. Большинство американских исследователей соглашаются с тем, что основным элементом ценностной ориентации личности, ставшей наиболее типичной в США, является именно определенная модель жизненного успеха.

Один из видных социологов-теоретиков США, Т. Парсонс, пытаясь найти «господствующую ценность», которая могла бы рассматриваться в качестве идейно-нравственной основы существующей в США «социальной системы», также указывал на стремление к «достижению успеха» (achievement) [2]. Р. Уильямс, автор широко известной в США книги «Американское общество», считает, что «американская культура характеризуется главным упором на достижение личного успеха» [3].

Если вкратце определить социально-исторические кор-

---

[1] The Americans: 1976. Laxington, 1976, p. 322.

[2] Цит. по: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism N. Y., 1976, p. 11.

[3] *Williams R.* (jr) American Society. N. Y., 1970, p. 454.

ни типичного американского представления о жизненном успехе человека, то нужно подчеркнуть, что оно сложилось в русле традиции индивидуалистической идеологии и психологии, которая возникла в ходе развития американского капитализма. Эта идейно-психологическая традиция ориентирует человека на осуществление индивидуального, частного интереса. Человек осознает свой интерес именно как индивидуальный, т. е. определяемый им самим в соответствии с собственными внутренними побуждениями и убеждениями, желаниями и стремлениями.

Ориентация на реализацию личных, частных интересов и желаний индивида — это черта, которую наиболее часто и в первую очередь отмечают многие американские исследователи, занятые анализом традиций в сфере идеологии, психологии и культуры США. Именно ее выделяет известный современный американский социолог Э. Лэдд. Подобно своим коллегам, он ссылается на А. де Токвиля, который, как известно, наблюдал и описывал Америку конца XVIII — начала XIX в. Лэдд согласен с мнением де Токвиля, писавшего, что «никогда в истории не было страны, столь четко ориентированной на индивидуальные желания и считающей своим обязательством их удовлетворение». Тот же Токвиль подчеркивал, что Америка была первой страной, стремящейся «возвести на пьедестал» именно индивида[4].

Действительно, для американской индивидуалистической традиции характерно рассмотрение как главной и первичной ценности, как суверенного субъекта человеческой жизни именно индивида, а не общества, класса, социальной группы или какой-либо институционализированной общности (государства, семьи и т. д.). В соответствии с этой традицией индивид хотя и признает себя членом общества, класса, группы, общности, но склонен оценивать эти последние с точки зрения их утилитарно-служебного или функционального отношения к своему личному интересу.

В рамках этой традиции, констатирует Д. Белл, «общество предстает не как естественная ассоциация людей — политическое объединение или семья, — управляемая общей целью, а как объединение атомизирован-

---

[4] *Ladd E. C.* (jr) Traditional Values Regnant. — «Public Opinion», 1978, March-April, p. 45.

ных индивидов, которые имеют целью лишь удовлетворение своих собственных желаний»[5]. Видные американские социологи Л. Брум и Ф. Селзник в книге «Социология», выдержавшей шесть изданий, также подчеркивают, что в США «усваиваемая человеком культура скорее делает ударение на индивидуальную личность, чем на ее идентификацию с группой и на чувство ответственности»[6]. Р. Уильямс, характеризуя мировоззрение, или, если пользоваться его термином, «философию» американского индивидуализма, отмечает: «Основная предпосылка этой философии — в признании, что индивиды, а не классы являются действительно конкурирующими единицами. Как говорится, человек достигает желаемого благодаря своим собственным усилиям, умению и настойчивости»[7].

Индивидуалистическое ви́дение человека и социальной жизни — продукт конкретно-исторических обстоятельств. Мировоззрение, идеология и психология индивидуализма родились, как известно, в борьбе с феодально-иерархическими и феодально-общинными социальными порядками. Утверждение индивидуализма в качестве господствующего типа ценностной ориентации ознаменовало раскрепощение личности от феодальных пут, от отношений личной кабальной зависимости, от принципиальной нивелировки индивида в рамках сословно-иерархической и феодально-бюрократической организации.

В XVII—XVIII вв. индивидуализм, выступая против отживших форм социальной организации, был конкретно-исторической формой гуманистической идеологии, провозгласившей главными ценностями свободу и независимость личности, ее право на самоопределение, на самостоятельный выбор целей, форм и методов деятельности. Человек, освобождающийся от феодализма, хотел стать высшей ценностью, высшей целью социального развития и истории, а не просто «средством» для реализации целей, преследуемых разными сословиями или бюрократическими институтами, отчужденными от него, стоящими над ним и его порабощающими.

В США индивидуализм как идеологическая ориентация приобрел особое влияние и популярность, ибо здесь

---

[5] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism, p. 22.

[6] *Broom L., Selznick Ph.* Sociology: a Text with Adapted Readings. N. Y., 1977, p. 59.

[7] *Williams R.* (jr) American Society, p. 455.

феодализм и его традиции были преодолены раньше и в гораздо более полной мере, чем в Европе. Уже в XVIII в. Новый Свет с его социальными порядками, господствующими формами идеологии и психологии очень четко противостоял Старому Свету, где антифеодальные революции сталкивались с гораздо более упорным сопротивлением сил и традиций прошлого.

Как известно, общая антифеодальная ориентация на освобождение личности и утверждение ее суверенитета в определении своей судьбы исторически была объективно связана с процессом становления и развития капитализма. Эта связь в Европе, правда, не всегда четко выявлялась. В США же она обнаружилась очень явственно. Капитализм развивался здесь более свободно и интенсивно, практика частного предпринимательства приобрела весьма широкие, можно даже сказать, массовые масштабы. Поэтому именно здесь в наиболее последовательных и радикальных формах сложился и получил распространение типично американский вариант индивидуалистической личностной ориентации, продемонстрировавший свою прямую и непосредственную связь с повседневной практикой буржуазного предпринимательства. Идеал «личного успеха», составивший ядро этой ориентации в США, наиболее четко и полно воплотил надежды, стремления, установки и иллюзии человека, активно вовлеченного в предпринимательскую практику.

В этом специфически американском варианте индивидуалистическая ориентация стала не только общеидеологическим оружием в борьбе против феодально-бюрократических порядков и традиций, но прежде всего средством практически-функционального идейно-психологического приспособления личности к конкретным особенностям, потребностям, проблемам и трудностям частнопредпринимательской деятельности, конкуренции и рыночных отношений. Она же была генератором и стимулятором предпринимательской энергии личности.

Опыт типично американского предпринимателя периода «свободной» конкуренции в США, его мировосприятие, ожидания и надежды дали тот основной эмпирический материал, на базе которого сформировалось специфическое понимание «личного успеха», его параметров, критериев и показателей.

Историческая связь повседневного практического опыта предпринимательства эпохи подъема капитализма в

США и идеальной модели «успеха», ставшей традиционной для этой страны, признается многими американскими авторами. Например, Д. Белл, исследуя генезис индивидуалистических традиций в США, считает исходным тот факт, что «в экономике поднимается буржуазный предприниматель. Свободный от внешне навязываемых зависимостей традиционного мира, от присущих этому миру четко зафиксированного статуса и ограничений в деле приобретательства, он ищет свою фортуну, перестраивая экономическую жизнь. Свободное движение товаров и денег, индивидуальная экономическая и социальная мобильность становятся идеалом»[8].

Эту же мысль развивает и Р. Уильямс, характеризуя американское общество. Он утверждает, что тайна понимания «успеха» как основной ценности, его критериев и показателей находит разгадку в ведущей роли, которую частный бизнес сыграл в истории общественно-политической жизни США. Поскольку внимание было сосредоточено на бизнесе, наиболее явными, бросающимися в глаза показателями достижения успеха были те, которые оказались центральными в рамках делового предприятия. «Мы можем, — продолжает Уильямс,—сказать вместе с Гарольдом Ласки и многими другими, что «ценности бизнесмена» господствуют в национальной жизни и пронизывают ее»[9].

Именно поэтому жизненный успех человека в США традиционно ассоциируется прежде всего с обладанием богатством и деньгами, что всегда констатировали самые авторитетные американские исследователи. Например, известный социолог Р. Мертон писал: «Концепция успеха, понимаемая как приобретение денег, рассматриваемая в качестве цели, заложена в американской культуре»[10]. Другой, не менее известный социолог, Ч.-Р. Миллс, указывал, что «деньги являются единственным бесспорным мерилом преуспевания в жизни, а преуспевание до сих пор считается в Америке высшей ценностью»[11].

Богатство и деньги стали воплощением частной собственности, а последняя играет важнейшую роль в той

---

[8] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism, p. 16.

[9] *Williams R.* (jr) American Society, p. 455.

[10] *Merton R. K.* Social Theory and Social Structure. Glencoe, 1957, p. 136—137.

[11] *Миллс Р.* Властвующая элита. М., 1959, с. 461.

системе ценностей, на которую человека ориентирует индивидуализм. «Отрицать частную собственность, — подчеркивает Э. Лэдд, — значит отрицать индивидуализм, ибо частная собственность есть главное средство, при помощи которого индивид определяет себя, защищает себя, находит и обозначает свое местоположение в обществе» [12].

В буржуазном обществе богатство, деньги, частная собственность дают индивиду реальную силу для достижения победы в конкурентной борьбе и продвижения вверх по лестнице социальной иерархии. Богатство и деньги рассматриваются не только в качестве средства приобретения потребительских благ, услуг и комфорта или гарантии экономической «безопасности» человека в условиях стихии буржуазной конкуренции, но, что особенно важно, считаются главной предпосылкой активного участия личности в предпринимательской, а значит, и в социально значимой деятельности. В результате деньги, собственность воспринимаются как условие свободной активности личности, становления ее в качестве полноправного, суверенного и «свободного» субъекта.

С объективным фактом наличия или отсутствия денег, богатства и частной собственности в рамках индивидуалистической модели успеха оказалось связанным весьма важное для Америки обстоятельство: признан ли человек «хозяином самого себя», своей судьбы и считает ли он себя таковым. Иными словами, с деньгами ассоциировалась «независимость», «автономия» и «суверенность» личности по отношению к другим людям или институтам, к внешним обстоятельствам и силам, влияющим на его судьбу или угрожающим ему и его личным планам (а такая угроза весьма реальна и постоянна в условиях господства стихии рыночных отношений).

Традиционно-индивидуалистическая модель жизненного успеха возводит в довольно прочную ассоциативную связь богатство, деньги, частную собственность, с одной стороны, и власть — с другой (власть человека над внешними обстоятельствами его жизни и над другими людьми, власть в экономике, политике и в сфере межличностных отношений). Богатство, деньги, частная собственность связываются с властью коррелятивно: они

---

[12] *Ladd E. C.* (jr) Traditional Values Regnant. — «Public Opinion», 1978, March-April, p. 46.

рассматриваются и как объективное свидетельство фактического обладания властью, и как предпосылка достижения большей власти. В соответствии с индивидуалистической традицией человек видит в богатстве, деньгах, частной собственности важную (в условиях интенсивной конкуренции) возможность быть субъектом, а не объектом отношений власти, отношений господства и подчинения.

Наконец, в системе индивидуалистической ценностной ориентации богатство, деньги, частная собственность рассматриваются как средства и предпосылки индивидуального развития личности — получения более свободного доступа к достижениям культуры и науки, к высшему уровню образования, к профессиональному занятию творческим трудом и интеллектуальной деятельностью.

Богатство, деньги, частная собственность в рамках индивидуалистической традиции приобрели, по общему мнению американских исследователей, столь большую значимость, что стали выступать в качестве первого и универсального символа жизненного успеха человека. Поскольку, констатирует Р. Уильямс, «главный тип успеха достигается в сфере бизнеса, в производстве, торговле, финансовой деятельности... существует прочная тенденция использовать деньги в качестве символа успеха. Деньги становятся ценностью не только сами по себе из-за тех товаров, которые можно на них купить, но и как символическое доказательство успеха, а значит, и ценности личности». Он отмечает также, что «богатство является одним из главных и очевидных признаков, говорящих о месте человека в иерархии». Уильямс ссылается на мнение одного из крупнейших философов США XX в. Дж. Сантаяны. Говоря о роли денег в системе ценностей, господствующей в США, Дж. Сантаяна писал: «Это тот символ и критерий, которым он (американец) располагает для измерения успеха, интеллектуальной силы и власти, что же касается денег самих по себе, то он приобретает их, теряет, тратит, отдает с очень легким сердцем» [13].

В этом суждении Дж. Сантаяны (аналогичные суждения высказывают многие американские исследователи) нашла выражение не только довольно точная и об-

---

[13] Цит. по: *Williams R.* (jr) American Society, p. 457.

щая характеристика денег как главнейшего символа и критерия успеха, но и известная абсолютизация специфической особенности психологии многих американцев, особенно четко проявившаяся в конкретный период истории США — в период наибольшего размаха «свободного» предпринимательства и освоения огромных территорий на Западе Северной Америки.

Для этого периода была особенно характерна вера в удачу, возможность быстрого обогащения, а потому и готовность идти на риск, известная широта и свобода в обращении с уже добытыми деньгами. Здесь основа для многочисленных романтических изображений смелых предпринимателей, золотоискателей, ковбоев, быстро приобретающих и столь же быстро и лихо спускающих состояния. Они как бы символизировали «американский характер» и воплощались в образах героев Дж. Лондона, О'Генри и Б. Гарта, а затем в героях «вестернов», выпущенных на экраны уже в XX в.

В качестве не менее значимых символов «американского характера» выступали такие ассоциируемые с идеей «успеха» качества личности, как упорство, последовательность в стремлении к богатству, деньгам, частной собственности. Не расточительность рассматривалась как главное достоинство личности, а расчетливость, которая считалась предпосылкой не только для приобретения денег, богатства, частной собственности, но и для их сохранения и умножения.

В типичной для США системе ценностей деньги, богатство, частная собственность предстают в качестве коррелята трудолюбия человека, его предприимчивости, деловитости, инициативности, изобретательности и расчетливости, его упорства, смелости и силы воли, наконец, его способности реализовать свою индивидуальность и суверенность. Нельзя, однако, думать, что все эти личностные качества в рамках традиционного индивидуализма не рассматривались как самоценные, сами по себе определяющие значимость человека, его престиж. В работах американских авторов, посвященных описанию традиций культуры США, они непременно фигурируют как главные положительные стороны «американского характера». И для этого были определенные основания.

Хорошо известно, что трудящиеся американцы, и прежде всего фермеры и ремесленники, подчас в очень сложных условиях осваивали ранее необжитые террито-

рии. Они стремились сделать свой труд более эффективным и, естественно, ценили в себе и других трудолюбие, деловитость, изобретательность, упорство, смелость, силу воли [14].

Общаясь между собой в процессе производственной деятельности, совместной борьбы с силами «дикой» природы, трудящиеся американцы, фермеры и ремесленники объединяли свои усилия и были склонны к взаимопомощи. Однако система конкуренции объективно противодействовала этой тенденции, что влияло на внутреннюю ориентацию личности и ее свойства.

Отсюда ясно, почему в исходной модели индивидуалистической ценностной ориентации такие личностные свойства, как трудолюбие, деловитость, изобретательность, расчетливость, упорство, сила воли и др., постоянно фигурировали и всячески выделялись, но были прочно «привязаны» к целям достижения победы в конкурентной борьбе. Устойчивая функциональная связь перечисленных личностных качеств с практикой конкурентной борьбы (последняя как бы задает основную систему координат для конкретного измерения и оценки качеств личности) признается очень многими авторитетными исследователями культуры в США. Так, Р. Уильямс, анализируя качества личности, традиционно ассоциируемые с идеей успеха и потому рассматриваемые как достойные наибольшего уважения, пишет: «Наше общество предполагает высокую степень развития конкуренции». Он подчеркивает, что для модели традиционной индивидуалистической ориентации характерны ви́дение мира как своего рода центрифуги, где сталкиваются интересы, но акцент делается на индивидуальный интерес, противопоставляемый интересу других людей. «Действительно важным фактом в этой связи является то, что другие люди — всегда потенциальные орудия (реализации интереса. — *Ю. З.*) или источник угрозы; контроль над другими людьми всегда есть потенциально эффективное средство обеспечения чьих-либо индивидуальных желаний» [15].

Именно поэтому в рамках индивидуалистической мо-

---

[14] Это подчеркивает, например, известный исследователь «американского характера» М. Макоби (*Maccoby M.* The Games-Man. N. Y., 1976, p. 52).

[15] *Williams R.* (jr) American Society, p. 495—496.

дели успеха инициатива, предприимчивость, расчетливость, упорство, сила воли, стремление человека к независимости и суверенности вызывали недоверие и подозрительность по отношению к другим. Так возникла склонность индивида рассматривать интересы других людей как противоположные собственным, а их действия, связанные с реализацией собственных интересов, как угрозу своим. Отсюда такая черта личности, как агрессивность, постоянная готовность не только к обороне, но и к нападению. Р. Уайт, известный американский историк и социолог, писал о традиционном господствующем типе культуры в США: «Этот тип культуры подчеркивает индивидуальную, связанную с конкуренцией, направленную против окружающих людей агрессивность в качестве основы личной и коллективной безопасности. Каждый человек должен стоять на собственных ногах, чтобы драться за то, что он получает, — такова философия этой культуры» [16].

Исследуя социально-типологические особенности личности в США, М. Макоби также отмечал, что традиционная ориентация на личную независимость зачастую означала «упрямство, подозрительность по отношению к другим людям», неспособность к кооперации. В этой же связи он говорил о «жестком авторитаризме» человека, воспитанного в традициях индивидуализма по отношению к другим людям, о том, что «стремление многих американцев к независимости» оборачивалось их «антисоциальностью», т. е. неумением и нежеланием считаться с интересами общества и других людей.

Ч. Рейч, автор очень популярной в первой половине 70-х годов книги «Зеленеющая Америка», характеризуя традиционный для США тип сознания, делавшего акцент на реализацию частного интереса (его он называет «Сознание I»), отмечал, что «жесткой стороной» личности, демонстрирующей данный тип сознания, является «ориентация на конкуренцию» и «подозрительность по отношению к другим». «Каждый индивид, — писал он, — должен идти своим путем в одиночку, отказываясь доверять своим соседям, рассматривая выгоды, получаемые другим человеком, как свою потерю, представляя мир в виде «крысиных бегов» (это образное выражение широко применяется в США для обозначения интенсив-

---

[16] *White R. W.* Lives in Progress. N. Y., 1954, p. 104.

но ведущейся конкурентной борьбы. — *Ю. З.*), в которых проигравшие не получают никаких наград» [17].

Четкое различие «победителя» (winner) и «побежденного» (looser) является одной из самых основных черт индивидуалистической модели успеха. При этом «победитель» выступает как символ успеха и всех тех качеств личности, которые предполагаются коррелятивными успеху. Он достоин подражания, уважения и самоуважения. «Побежденный», наоборот, символизирует жизненную неудачу; у него отсутствуют личностные качества, дающие основание для уважения и самоуважения. «Побежденный», или «неудачник», — это символ презрения, хотя иногда смешанного с жалостью и даже сочувствием. Впрочем, эта диада может превращаться и в массовом сознании реально превращается в триаду, тогда помимо «победителя» и «неудачника» появляется «рядовой Джо», «ни то ни сё», человек, «значения не имеющий». Он и не положительный, и не отрицательный, что по сути дела означает отсутствие уважения к нему. Последовательно индивидуалистическая модель личностной ориентации в США предполагает применение к другим людям и к самому себе всех рассмотренных параметров и способов оценки.

Эта модель в той или иной мере предусматривает соотнесение любых качеств и свойств личности, даже самых интимных и, казалось бы, непосредственно не связанных с усилиями, направленными на достижение успеха, с оценкой личности по шкале: «победитель», «побежденный», «рядовой Джо». Специально подчеркивая этот факт, Б. Демотт пишет: «Тембр человеческого голоса, содержание человеческих чувств, само качество вашего внутреннего отношения к условиям жизни — все может быть понято в свете того, заносите ли вы сами себя в категории победителя, побежденного или рядового Джо» [18].

Содержание и структура традиционной для США модели индивидуалистической ориентации не могут быть правильно оценены и поняты, если не принять во внимание тот факт, что данная модель опирается на принцип, который в США получил примечательное название: «расчет на самого себя» (self reliance). Этот прин-

---

[17] *Reich Ch.* The Greening of America. N. Y., 1972, p. 24.
[18] The Americans: 1976, p. 322.

цип воплощает идею личной ответственности индивида в борьбе за успех и его символы. Идея и связанный с нею принцип гласят, что жизненный успех человека, а значит, его место и положение в обществе зависят прежде всего и главным образом от его личных, индивидуальных качеств, от свойств его характера, от его воли к победе, от индивидуальной энергии, предприимчивости, расчетливости и т. п. Если ты не достиг успеха, значит, ты сам виноват в этом.

Р. Мертон писал, что «идея личной ответственности в достижении успеха ведет к вторичному выводу, что успех или неудача является следствием лишь личных качеств: значит, тот, кто терпит поражение, может винить только себя»[19]. «В нашем обществе, — пишут социологи Р. Клоувард и Л. Оулин, — успех или неуспех человека идеологически объясняется в индивидуалистических понятиях. Успех формально связывается с честолюбием, настойчивостью, талантом и т.п.; неудача рассматривается как отсутствие этих свойств»[20]. Говоря о непреходящем для США значении такого подхода, Р. Уильямс констатирует: «...в нашей культуре неудача по-прежнему скорее будет отнесена за счет тех черт характера человека, которые определили его поражение, чем за счет слепой судьбы, каприза случая или безличных социальных и экономических сил»[21].

Почти все упомянутые американские авторы рассматривают идею личной ответственности человека за успех и принцип «расчета на самого себя» в качестве неотъемлемых элементов той более общей ориентации американской культуры, которую они называют ориентацией на «равенство возможностей». Роль, которую идея «равенства возможностей» играет в системе традиционной для США ориентации личности, заслуживает специального анализа. Известно, что «равенство возможностей» в традиционном для Америки буржуазно-либеральном понимании нередко отождествляется с закрепленным в праве формально-юридическим равенством всех граждан перед законом. Одновременно идея «равенства возможностей» — это особенно важно для понимания гос-

---

[19] *Merton R. K.* Social Theory and Social Structure, p. 168.
[20] *Cloward R. A., Ohlin L. E.* Delenquency and Opportunity. Glencoe, 1960, p. 125.
[21] *Williams R.* (jr) American Society, p. 456.

подствующей ценностной ориентации личности — отождествляется со «свободой» конкурентных отношений, с их «открытостью» для всех, т. е. с потенциальной возможностью каждого американца участвовать в борьбе за успех, с «равенством» участников этой борьбы перед стихией рынка, а значит, с наличием у каждого из них шансов одержать победу или потерпеть поражение.

Идея «равенства возможностей» в указанных выше значениях органически связана с принципом «расчета на самого себя» и составляет его логическое основание. Принцип этот может иметь смысл и рассматриваться как универсальный только в том случае, если опирается на веру в «свободу и открытость конкуренции», на постулат равенства возможностей людей в борьбе за успех. Поскольку победа одних есть поражение других и возвышение над другими, постольку «равенство возможностей», по меткому выражению Х. Шойка, в США понималось как «право каждого стать неравным», как «право на неравенство»[22].

Речь идет именно о постулатах и верованиях сознания. Конечно, динамика американского капитализма на стадии его интенсивного и экстенсивного развития создала более широкое и «открытое» поле для предпринимательства, осуществлявшегося в довольно массовых масштабах. Конечно, в обществе, не знающем феодально-сословных ограничений, личные качества человека могут влиять на его конкретную судьбу и положение в обществе. И тем не менее люди в условиях капитализма вовсе не равны с точки зрения их реальных возможностей и объективных шансов на успех в конкурентной борьбе. Это неравенство есть прежде всего следствие неравенства их классового, социального положения. И это неравенство в жизни воплощается в разделении людей на «победителей», «побежденных» и «рядовых Джо».

Идеи «равных возможностей» и «личной ответственности за успех» отражали не столько практический опыт людей, сколько некую общую оптимистическую настроенность их сознания, их готовность верить, надеяться, мечтать и строить свою жизнь, исходя из веры, надежды и мечты. Вот почему рассматриваемые здесь идеи обычно в США выступают в особом контексте — чаще

---

[22] Essays on Individuality. Indianopolis, 1977, p. 155.

всего в связи с феноменом сознания, который принято называть «американской мечтой». Его структура аналогична структуре мифа. Взаимосвязанные идеи «равенства возможностей» и «личной ответственности за успех» образуют как бы единую «мифологему» (если воспользоваться понятием, употребляемым специалистами по изучению структуры мифологического сознания).

Но поскольку факт «поражения» большого числа людей в конкурентной борьбе за успех постоянно фиксировался сознанием, постольку такая «мифологема», чтобы стать устойчивой, должна была включать еще один структурообразующий элемент. В США им оказалась идея жизненной «удачи» (и «неудачи»), индивидуального «везения» (и «невезения»). Эта идея, выражая внешнюю логику конкурентной борьбы в условиях капиталистического рынка, одновременно подготавливала для личности способ «объяснения»: ведь фактическое неравенство результатов этой борьбы и социальное положение людей трудно было объяснить лишь ссылкой на различие индивидуальных способностей и субъективных качеств личности. Для человека, обладающего соответствующими способностями и качествами, но оказавшегося в числе «побежденных» или «рядовых Джо», могла стать весьма соблазнительной идея «удачи и неудачи»: она помогала сохранять веру в «равные возможности». Идеи «удачи и неудачи» и «личной ответственности за успех» играют значительную роль в сохранении и воспроизводстве «мифологемы», обозначаемой понятием «американской мечты». Они выполняют важные функции в системе буржуазного сознания.

Например, идея «личной ответственности за успех» побуждает человека верить, что источником классовых привилегий тех, кто уже обладает капиталом и властью, являются лишь их личные усилия и субъективные качества. Идея эта побуждает людей, которые не имеют богатства и власти, думать, будто причины такого положения заключены лишь в специфике их личных качеств, значит, в них самих как индивидуумах, а не в особенностях общественного строя. Внимание как бы сдвигается — речь идет уже не о таких объективных явлениях и проблемах, как наличие классового неравенства, бедных и богатых, имеющих власть и подчиняющихся ей. Оно смещается на проблему личностных, субъективных, индивидуально-психологических различий между людьми.

Идеологическую функцию идеи «личной ответственности за успех» признают и американские авторы. Так, Р. Мертон усматривает ее идеологическое значение в «отвлечении критицизма (в случае неуспеха. — *Ю. З.*) от социальной структуры к самому себе»[23].

Сходные функции выполняет и идея индивидуальной «удачи и неудачи». Она приучает человека объяснять реальное социальное неравенство превратностями жизни, служит средством ослабления чувств недовольства, гнева, протеста, естественно вызываемых неравенством. Она мешает осознанию действительных причин определенных общественных порядков — сохранения и воспроизводства реального социального неравенства. В этой связи Х. Шойк специально подчеркивает важность идеи индивидуального везения, «удачи и неудачи» как «внутренне усвоенной личностью формы социального контроля над чувствами недовольства и агрессивности», вызываемыми фактами явного неравенства людей. Эта идея, по его убеждению, делает данные факты «психологически терпимыми» и помогает сознанию «перекинуть мост над провалом, разделяющим ожидание и достижимые результаты»[24].

Традиционная индивидуалистическая модель жизненной ориентации рекламирует идею активной роли личности в процессе «делания» самой себя и своей судьбы. «Американская культура, — пишут Л. Брум и Ф. Селзник, — организована скорее вокруг попытки активного господства (над внешними обстоятельствами. — *Ю. З.*), чем вокруг идеи пассивного подчинения (этим обстоятельствам. — *Ю. З.*)»[25]

Индивидуалистическая модель стимулировала практические усилия человека, направленные на активное формирование тех личностных качеств, которые традиционно ассоциировались с успехом. В США стал традиционным и приобрел большую популярность и идейно-психологическую значимость образ-символ «человека, сделавшего самого себя» (self-made man). Им считался индивид, который поднялся с нижней ступени иерархической лестницы на верхнюю, из «рядового Джо» превратился в обладателя значительного богатства, значительной власти и престижа.

---

23 *Merton R. K.* Social Theory and Social Structure, p. 139.
24 Essays on Individuality, p. 158.
25 *Broom L., Selznick Ph.* Sociology, p. 59.

Символами успеха стали, например, Авраам Линкольн (он из простого рабочего превратился в бизнесмена, адвоката, крупного политического деятеля и, наконец, стал президентом США), Генри Форд (простой механик, он основал крупнейшую промышленную империю) и др. Рассказы о «людях, сделавших себя», стали непременной темой популярной литературы, кино, средств массовой информации. Р. Уильямс, подчеркивая распространенность и популярность данного образа-символа в США, делает вывод: «Уж если что-либо является типично американским феноменом, так это «рассказ об успехе» и уважение к человеку, сделавшему самого себя» [26].

В свете сказанного становится понятным, почему традиционно-индивидуалистическая модель успеха была не просто идеологической декларацией, а превратилась в своего рода жесткий императив, оказавший огромное практическое влияние на жизненную ориентацию и повседневное поведение большого числа людей в США. Императивность этой модели опиралась на надежду индивидов достичь успеха, на веру в его достижимость. Немалую роль сыграл и страх: индивид боялся в случае поражения, капитуляции в борьбе или отказа от борьбы за обладание всем тем, что сулила человеку данная концепция успеха, потерять уважение других людей, уважение к самому себе.

До сих пор мы пытались охарактеризовать типичную и традиционную для США ориентацию личности, присущее ей понимание жизненных целей и успеха, основные императивы, определяющие ее поведение. При этом мы воспроизводили такую ориентацию как модель, обладающую внутренней определенностью, целостностью и последовательностью. Воссоздание данной модели является очень важной предпосылкой системного анализа основного социального типа личности, который формировался в русле традиций буржуазного индивидуализма США. Однако любая модель, поскольку она является теоретической конструкцией, отражает реальность в обобщенной и очищенной форме. Ее нельзя непосредственно отождествлять с конкретной реальностью, многомерной, чрезвычайно сложной и противоречивой. Типичная для США индивидуалистическая ориентация лично-

---

[26] *Williams R.* (jr) American Society, p. 454.

сти выступила как своего рода матрица сознания и поведения человека, задаваемая буржуазным обществом, господствующими в нем идеологией и психологией. Но во-первых, необходимо учитывать, что конкретные люди отличаются друг от друга своеобразием судеб и характеров и, естественно, воспроизводят эту матрицу по-разному, с разной степенью последовательности, цельности и четкости.

Во-вторых, особенно важно учитывать реальную классовую принадлежность людей. Объективные различия в положении капиталистов, фермеров, ремесленников, рабочих в обществе отражаются в различных интерпретациях господствующей в США системы ценностей и идей, а также в той степени последовательности, с какой они воплощаются в делах и поступках.

В США, разумеется, существует тип личности, воплотивший индивидуалистическую ориентацию в наиболее последовательной, четкой и концентрированной форме. Он легко фиксируется эмпирическими и теоретическими исследованиями, художественной литературой и т. д. В Америке такого человека чаще всего называют «упрямым индивидуалистом» (rugged individualist). Описывая его жизненную позицию, Р. Уильямс отмечал, что в поведении и в самооценках он выступает как «дискретный человеческий атом», с расчетом относящийся к своему частному, экономически понятому интересу и действующий «рационально» в погоне за выгодой, не ограничиваемой никакими рамками. Такой человек убежден в своем праве «свободно конкурировать с другими» и «использовать все то, чем он владеет, и так, как он считает нужным»[27]. При этом он выступает против сил и институтов, угрожающих осуществлению личных прав индивидуалиста.

В социологической и социально-психологической литературе США встречаются и другие термины для характеристики личности, в наиболее четкой форме и экстремальной степени воплотившей индивидуалистическую ориентацию. Например, М. Макоби применительно к такой личности употребляет термин «воин в джунглях». Он обозначает этим очень условным термином человека, который «воспринимает жизнь и работу как джунгли, где либо ты ешь, либо тебя едят, а победители уничтожают

---

[27] Там же, с. 482—483.

слабых». «Воины в джунглях» рассматривают тех людей, с которыми они непосредственно связаны межличностными отношениями, только как или сообщников, или врагов, а подчиненных — только как объекты утилитарного использования. Человек, представляющий этот тип, по мнению Макоби, чаще всего выступает как «одинокий волк», который считает, что он «свободен эксплуатировать дураков», а дураками ему представляются все те, кого ему удается сделать объектом эксплуатации.

Макоби отличает от данного типа личности иной тип, который он обозначает термином «ремесленник». Он тоже связан с практикой конкурентной борьбы (или, по выражению Макоби, «игры»). Но ему свойственны не только предприимчивость, но и трудолюбие, изобретательность при решении практических и технических проблем, возникающих в трудовой деятельности. Если для «воина в джунглях» главными объектами являются другие люди, а основной целью — достижение власти над ними и богатства, то для «ремесленника» значительную ценность представлчет упорство в борьбе с силами природы и качество самого труда [28].

При всей условности и абстрактности определений, даваемых Макоби, эта дифференциация типов личности все-таки фиксирует реальные различия в установках и ориентациях, соответствующие в конечном итоге объективному отличию класса капиталистов от ремесленников, мелких и средних фермеров и других слоев трудящихся американцев, которых буржуазное общество в той или иной мере вовлекает в практику конкуренции и предпринимательства.

Традиционно-индивидуалистическая жизненная ориентация и основные типологические характеристики личности, ей соответствующие, могут в сознании и поведении разных людей, групп и слоев населения проявляться в размытой и ослабленной форме. Принципы и нормативы индивидуалистической ориентации могут определять внутреннюю сущность той или иной личности, доминировать в ее сознании и поведении. Но они также могут быть свойственны человеку лишь частично, причудливо (а нередко и противоречиво) сочетаться с другими типологическими характеристиками. Реальное массовое сознание в США всегда давало и дает очень широкий

---

[28] *Maccoby M.* The Games-Man. N. Y., 1976, p. 52—53, 78—79, 87.

спектр типологических вариантов личностных ориентаций, возникших на базе индивидуалистической традиции, что свидетельствует о различии в положении классов, социальных групп, а также регионов страны.

Индивидуалистическая идеология США выступала в разных формах, существенно отличающихся друг от друга. Родившаяся в борьбе против феодализма и рабства форма общегуманистического и демократического мировоззрения четко отличалась от того прагматического, обыденного варианта буржуазного индивидуализма, который непосредственно выражал и воплощал в себе практику частнопредпринимательской деятельности и интенсивной конкурентной борьбы. Далее мы подробно остановимся на различных по своим политическим позициям разновидностях индивидуализма. Здесь же лишь еще раз подчеркнем, что индивидуалистическая традиция в США противоречиво отражала особенности различных по своему социальному положению типов личностей.

Один тип четко ориентирован на эксплуатацию других индивидов. Он выступал субъектом и апологетом наиболее хищнических, грязных и циничных форм капиталистического предпринимательства. К другому типу принадлежали миллионы мелких предпринимателей, фермеров, ремесленников, интеллигенции. Для них индивидуалистическая модель успеха была главным генератором и стимулятором энергии и инициативы. Для эмигрантов, прибывших в США из Европы, особенно с ее отсталых аграрных окраин, эта модель также была мощным средством развязывания индивидуальной энергии и инициативы, ранее скованных иерархическими порядками, традициями феодализма и патриархально-общинных отношений.

В сознании и поведении этих слоев американского общества индивидуалистическая ориентация нередко противоречиво сочеталась со стремлением к сплочению, кооперации и созданию некоторых форм коллективности не только для борьбы с силами природы, но и с открытым насилием со стороны тех, у кого были богатство и власть, чей индивидуализм выражался в виде открытого стремления превратить других людей в объект эксплуатации и даже прямого грабежа. Стремление индивидуалистически ориентированной личности к независимости проявлялось не только в форме агрессивного эгоизма

грубо попирающего права, интересы других людей и самые элементарные нормы общежития. Оно проявлялось в форме отстаивания независимости, суверенности рядового американца перед олигархическими кликами, разного рода мафиями, авторитарной и бюрократической властью.

Противоречивые тенденции в реально функционирующем сознании и практическом поведении личности, являющейся носителем индивидуалистической традиции, в конечном счете отражали объективную историческую противоречивость самого капитализма как общественно-экономической формации, ознаменовавшей новый этап в раскрепощении человека, в становлении соответствующих этому этапу форм демократии. Одновременно капитализм вообще, американский в особенности развязал и превратил в господствующую тенденцию социальной жизни конкурентную борьбу, создал новую систему эксплуатации и манипуляции сознанием человека.

История капитализма в целом и особенно капитализма в США дает очень яркий и поучительный пример того, как возникают, углубляются противоречия между объективной динамикой развития определенной общественно-исторической формации, реальной эволюции конкретного общества, социального бытия миллионов людей, с одной стороны, и традициями, привычками, прочно укоренившимися в идеологии и психологии масс людей, во внутреннем мире личности — с другой.

Анализу этого противоречия применительно к истории США и посвящены последующие главы первой части книги.

Глава II

Государственно-монополистический капитализм США и изменения в условиях жизнедеятельности личности

США всегда считались цитаделью индивидуализма. И действительно, нигде, пожалуй, идеология и психология индивидуализма не проявлялись в столь четкой форме, не получили столь широкого распространения, не оказывали столь глубокого влияния на сознание и поведение людей, как в Америке. Это во многом объясняется особенностями американского капитализма. Как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, американцы принадлежали к числу наций, у которых «нет никаких иных стихийно сложившихся предпосылок кроме индивидов, которые там поселяются», они начинали свое развитие, «располагая наиболее прогрессивными индивидами старых стран, а стало быть и соответствующей этим индивидам наиболее развитой формой общения»[1].

Ф. Энгельс говорил о двух обстоятельствах, влиявших на развитие капитализма в США и на психологию американцев: «Это — возможность легко и дешево приобретать в собственность землю и прилив иммигрантов. Это позволяло в течение многих лет основной массе коренного американского населения еще в расцвете физических сил «отказываться» от занятия наемным трудом и становиться фермерами, торговцами или предпринимателями, между тем как тяжелая работа по найму, положение пожизненного пролетария большей частью выпадало на долю иммигрантов»[2]. В США мелкая буржуазия (фермеры, владельцы мелких предприятий в городе) в период становления капитализма была многочисленна, активна и играла относительно большую роль в жизни страны.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 73.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 263—264.

Индивидуалистическая ориентация, ставшая в США господствующей в экономике, политике, идеологии и быту, проникла в значительной мере и в среду пролетариата. Как известно, капиталистические отношения ставят рабочих в положение конкурентов по отношению друг к другу. «Наемный труд, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — держится исключительно на конкуренции рабочих между собой»[3]. Однако общественный характер труда пролетариев в конечном счете определяет тягу пролетариата к подлинному коллективизму и социализму. Но реализуется она лишь в антикапиталистической борьбе пролетариата, руководимого марксистско-ленинской партией, которая вносит социалистическую идеологию в его сознание.

В Америке этот процесс происходил заторможенно, чему способствовал ряд обстоятельств: отсутствие традиций классовой борьбы и классовой организации, которыми располагал рабочий класс крупнейших капиталистических стран Европы; мощное давление буржуазной и мелкобуржуазной идеологии и психологии; благоприятные условия развития американского капитализма и благоприятная экономическая конъюнктура (внутренняя и внешняя), обеспечивающие относительно высокий жизненный уровень рабочих. Немалое значение имело и то, что пролетариат США с самого начала был внутренне разнороден. За счет постоянного притока иммигрантов — а они часто были выходцами из крестьян, ремесленников и городских низов — формировались и воспроизводились заново «низшие», т. е. наиболее эксплуатируемые и наименее квалифицированные, слои рабочего класса.

Многие представители этих слоев в течение долгого времени еще рассматривали себя как «временно несостоявшихся» предпринимателей, что, естественно, тормозило рост их классового самосознания. Эти слои американского рабочего класса являлись носителями мелкобуржуазных форм сознания. По отношению к ним более квалифицированные и высоко оплачиваемые рабочие, считавшие себя полноправными гражданами США, нередко ощущали свое относительно привилегированное положение. Такое расслоение американского рабочего класса не способствовало его сплочению, объединению

---

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 435.

и росту его сознательности. Кроме того, в условиях интенсивного развития капиталистических отношений часть рабочих переходила в ряды предпринимателей[4]. Относительно высокая «вертикальная мобильность» также способствовала живучести индивидуалистически-предпринимательских надежд и иллюзий в среде американского пролетариата.

В условиях развития капитализма в США вширь и вглубь, обеспечивавшего относительно высокую конъюнктуру на капиталистическом рынке труда, в сознании части рабочих закреплялось представление о неограниченной возможности «торговаться» с предпринимателями относительно условий продажи своей рабочей силы, условий найма и оплаты труда. Это представление было существенным элементом в системе мелкобуржуазных надежд и иллюзий, распространявшихся в среде американских рабочих.

В специфических условиях США тип личности, подчиняющий свою жизнь целям и нормативам индивидуализма, стал наиболее распространенным социальным типом, своего рода символом американского общества. Это нашло отражение и в философии (прагматизм и т. п.), и в социологии (социальный дарвинизм), и в художественной литературе США XIX в.

Но с конца XIX в. и в особенности в XX в. в США идет бурный процесс развития империализма. Создание монополий-гигантов неизбежно сопровождалось массовым разорением мелкой и средней буржуазии, падением ее удельного веса в хозяйственной и политической жизни страны. В США в середине XX в. подавляющее большинство населения ($^4/_5$) уже работало по найму. Они были подчинены кучке крупных капиталистов и их привилегированных приказчиков, составлявших 1—3% населения[5]. М. Макоби, характеризуя динамику изменений социальной структуры в США, подчеркивал: если в начале XIX в. 80% американцев были независимыми предпринимателями, «хозяевами самих себя», то в 1950 г. таковые составили 18%, в 1960 г. — 14, а в 1970 г. — лишь

---

[4] Ф. Энгельс отмечал, что США — страна, «где переход из рядов рабочего класса в ряды фермеров, торговцев или капиталистов происходит еще сравнительно легко» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 287).

[5] *Packard V.* The Status Seekers. N. Y., 1959, p. 27.

9%[6]. В середине 70-х годов Д. Белл констатировал, что 85% всего трудящегося населения США составляют люди, работающие по найму[7].

В идейно-психологической жизни США на всем протяжении истории этой страны довольно существенную роль играла интеллигенция (врачи, юристы, журналисты, деятели искусства, литературы, науки). Члены этой группы выступали в качестве своего рода самостоятельных индивидуальных предпринимателей и даже работодателей. Поэтому они в значительной мере стали носителями и, что особенно важно, активными пропагандистами индивидуализма. Однако в эпоху государственно-монополистического капитализма в США все более значительная часть интеллигенции превращается в наемных служащих монополий и государственных бюрократических организаций.

Многочисленные данные говорят о вытеснении из сферы частнособственнического, капиталистического предпринимательства миллионов людей. Мелкие и средние предприниматели нередко попадают в фактическую зависимость от монополий и банков, и настолько, что применительно к ним о действительной свободе частной инициативы говорить трудно.

В наиболее четкой форме это признал Р. Миллс, который в книге «Белый воротничок» привел многочисленные данные, свидетельствовавшие о кабальной зависимости миллионов мелких «хозяйчиков» в городе и деревне от банков, корпораций, государства. Он убедительно воссоздал ту атмосферу постоянной напряженности, вечной угрозы краха, в которой оказались эти слои. Большинство мелких предпринимателей, утверждал Миллс, может лишь мечтать о том, чтобы как-нибудь выжить, свести концы с концами. Они боятся конкуренции, ибо она несет им разорение, и потому не считают «свободу» конкуренции благом. В отношении такого рода «свободных предпринимателей» Миллс употребил очень образный, хотя и условный термин: он называл их «люмпен-буржуазией»[8].

Исследования положения дел в США привели Р. Миллса к пониманию лживости традиционного мифа о

---

[6] *Maccoby M.* The Games-Man, p. 88.
[7] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism, p. 246.
[8] *Mills C. W.* White Collar. N. Y., 1956, p. 30—40.

том, что США — страна, где мелкий хозяин играет главную роль. Имея в виду Америку XX в., он писал: «Это не есть общество мелких предпринимателей...» «Американцы, — подчеркивал он, — склонны считать себя самым индивидуалистическим народом в мире, а между тем обезличенные корпорации достигли у них наивысшего развития и проникают в настоящее время во все области, во все мелочи повседневной жизни» [9].

В. И. Ленин еще в 1916 г. в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» отметил аналогичную тенденцию. Он писал, что капитал делает «перевес горстки крупнейших предприятий еще более подавляющим и притом в самом буквальном значении слова, т. е. миллионы мелких, средних и даже части крупных «хозяев» оказываются на деле в полном порабощении у нескольких сотен миллионеров-финансистов» [10].

Монополистический капитализм стал ныне безраздельно господствующим в США. Процесс концентрации и централизации капитала привел к созданию могучих монополистических союзов капиталистов — корпораций, синдикатов, картелей, трестов, т. е. всех тех организаций, которые в самих США обозначаются понятием «большого бизнеса» и которые получили решающее значение в экономической жизни страны. В результате развития государственно-монополистического капитализма в США чрезвычайно сузился круг людей, которые на деле, а не на словах имеют возможность сколько-нибудь активно участвовать в предпринимательской деятельности. Для подавляющего большинства американцев сегодня возможность достижения личного успеха — в смысле осуществления «свободной» частной инициативы в области производства — не более чем миф.

Изменения в социальной жизни современного американского общества свидетельствуют о резком контрасте между той демократической оболочкой, в которую облачены традиционные лозунги индивидуализма в США, прежде всего лозунг «равных прав каждого на успех», и реальной действительностью. Контраст становится более резким еще и потому, что в современной Америке существенно ограничена и практика социальной мобильности.

---

[9] *Миллс Р.* Властвующая элита, с. 163.
[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 311.

Фактическое сужение практики перемещения наемных рабочих и служащих в ряды предпринимателей и владельцев частной собственности на средства производства констатируют многие американские исследователи. Например, проведенное П. Блау и Д. Дунканом обследование 20 тыс. американских рабочих в возрасте от 20 до 64 лет дало следующие результаты: 77% членов семей неквалифицированных рабочих остались наемными работниками, 10% стали специалистами и заняли управленческие должности разного масштаба (многие из них при этом остались наемными работниками) и только 3,4% стали предпринимателями разного масштаба. В семьях полуквалифицированных рабочих 63% остались наемными работниками, 16% стали специалистами и управляющими и лишь 6,1% стали предпринимателями. В семьях квалифицированных рабочих рабочими разной квалификации, конторскими и торговыми служащими остались 64,3%, 20,1% стали специалистами и управляющими и лишь 7% — предпринимателями[11].

Оценивая эти данные, надо учитывать характерное для современного производства вообще увеличение числа рабочих более высокой квалификации, а также еще более интенсивный рост конторских служащих, специалистов и управленческих кадров. Кроме того, повышение уровня образования, являющееся объективной тенденцией современности, вызывает определенные социальные перемещения. Но в условиях государственно-монополистического капитализма эти перемещения по большей части осуществляются только в рамках наемного труда и не означают перехода в ряды частных предпринимателей.

Л. Ченовез на основе обобщения статистических данных констатировал реальное сокращение практики перехода американцев в число предпринимателей, а следовательно, и возможностей реализации традиционной индивидуалистической модели успеха. Согласно этим данным, 80% представителей слоев, составляющих городскую рабочую силу (если сопоставить их положение с положением их отцов), либо не изменили своего социального положения, либо опустились на более низкие ступени социальной лестницы. Ченовез пришел к выво-

---

[11] *Blau P. M., Dunkan D.* The American Occupational Structure. N. Y., 1967, p. 28.

ду, что, несмотря на общий рост образования в США, в том числе высшего (он был особенно интенсивным в 50—60-х годах), сын неквалифицированного рабочего в США имеет всего 6% шансов получить высшее образование. В заключение Ченовез писал: «Эти статистические данные показывают, что распространяемое адвокатами успеха стереотипное представление, будто американцы могут подняться из лохмотьев к богатству, есть миф...»[12]

Глубину разрыва «американской мечты» с современной реальностью нельзя понять без детального анализа изменений в характере, содержании и механизмах социальной организации, созданной государственно-монополистическим капитализмом США. Сегодня громадное большинство населения США — это наемные работники, эксплуатируемые государственно-монополистической организацией, которая принимает все более ярко выраженный бюрократический характер. В США, как известно, не было развитой бюрократии добуржуазного типа. В этой стране бюрократия в широких масштабах и развитых формах начала складываться, вырабатывать свои приемы хозяйствования и командования лишь в XX в., прежде всего в сфере «большого бизнеса». По мере развития государственно-монополистического капитализма бюрократические приемы управления постепенно распространились и на все другие сферы жизни. Происходила быстрая бюрократизация машины буржуазного государства. Если в 1900 г. штаты федерального правительства включали 200 тыс. человек (не считая военных), то к 1950 г. они выросли до 2 млн. человек. С 1950 по 1973 г. расходы федерального правительства возросли на 440%, а местной администрации и администрации штатов — на 632% (за это же время население США выросло на 38%). Гобл, приводящий эти данные, делает вывод: «Сегодня наше правительство выродилось в огромную бюрократию»[13].

Бюрократическое разбухание современной буржуазной государственной машины тесно связано с усилением роли военных ведомств, которые активно вмешиваются во все области жизни. Военная бюрократия, как извест-

---

[12] *Chenoweth L.* The American Dream of Success. N. Y., 1974, p. 13.

[13] *Goble F.* Beyond Failure. Ottawa (Illinois), 1977, p. 89, 96.

но, отличается особенно четкой иерархичностью, грубостью методов командования, отсутствием какой бы то ни было демократии в принятии решений. В США также происходит рост и усиление полицейско-осведомительного аппарата Федерального бюро расследований, опутывающего как гигантский спрут американское общество.

Процесс бюрократизации распространяется на все стороны американской действительности. Он охватил и профсоюзное движение, где реакционное руководство создало систему казенного управления. Он имеет место в системе образования, в колледжах, университетах и научных организациях. Бюрократизация является характернейшей чертой организации массовой пропаганды (печать, телевидение, радио, издательская деятельность). Словом, нельзя не согласиться с Э. Чиноем, известным американским социологом, одним из первых американских исследователей, констатировавшим, что в США «бюрократия стала во всевозрастающей степени характеризовать современную жизнь... Всепроникающий характер бюрократии выражен во многих формах... Всевозрастающее число людей являются служащими бюрократии, и миллионы других, имеющих другую работу, становятся объектами бюрократического контроля» [14]. С начала 60-х годов это стало признаваться большинством американских социологов.

Бюрократическая организация по отношению к рядовому рабочему и служащему выступает как объективно отчужденная сила, она характеризуется тенденциями, как бы противоположными тем, которые господствовали в эпоху «свободного» частного предпринимательства. Бюрократия противостоит автономии, суверенности и независимости отдельного индивида. В системе бюрократических организаций рабочие являются простым придатком системы машин, производственных процессов, а служащие (младшие и средние) — придатком административно-финансового аппарата, машины управления, движения бумаг, денег и товаров.

П. Блау, положивший начало исследованиям бюрократии в США, признавал, что «большая и всевозрастающая по размерам часть американского народа прово-

---

[14] *Chinoy E.* Society. An Introduction to Sociology. N. Y., 1961, p. 188.

дит свою трудовую жизнь в качестве маленьких винтиков в сложной машине бюрократических организаций»[15]. Объективная логика развития бюрократического организма заставляет его рассматривать личность рядового человека, его запросы, стремления, чувства, внутренние заботы и страдания лишь с точки зрения их функциональности или дисфункциональности по отношению к потребностям всего организма. Личность как спонтанно развивающаяся система, суверенная, независимая или даже автономная по отношению к бюрократическому организму, если и принимается в расчет, то чаще всего как помеха или угроза для четкого функционирования бюрократии. Эта тенденция проявляется столь очевидно, что ее заметило большинство социологов, анализировавших феномен бюрократизма.

Еще в начале XX в. М. Вебер констатировал, что деятельность аппарата, или бюрократического государства, опирается на правило: «Не принимать во внимание личность». Называя эту особенность бюрократического капитализма тенденцией «дегуманизации», он писал, что организация крупного бизнеса «развивается тем совершеннее, чем более «дегуманизированной» оказывается ее бюрократия». Эта тенденция, по утверждению Вебера, составляет «специфическую природу бюрократии, и она же провозглашается ее особой заслугой»[16].

Командование миллионами людей является важнейшей задачей государственно-монополистической организации. Необходимо, чтобы весь огромный и дифференцированный аппарат работал как можно более слаженно, четко, подчиняясь строжайшей дисциплине. Не рассчитывая на то, что такую дисциплину можно установить на основе сознательности большинства рядовых сотрудников, рабочих и служащих, государственно-монополистическая организация пытается ее обеспечить при помощи стандартизации всех процедур и функций. Формализация всех отношений людей в системе бюрократии, тщательный и последовательный контроль над личностью есть выражение углубляющейся противоположности интересов государственно-монополистических организаций, с одной стороны, и их рядовых членов, рабо-

---

[15] *Blau P. M.* Bureaucracy in Modern Society. N. Y., 1956, p. 2.

[16] Images of Man. The Classical Tradition in Sociological Thinking. N. Y., 1960, p. 166.

чих и служащих — с другой. Формализм, принудительные, казенные рогатки нужны для ограждения власти и привилегий корпораций, государства, других организаций от недовольства трудящихся, широких кругов общественности.

Бюрократизация ограничивает свободу и инициативу индивида, подменяя их формализованными отношениями, уложенными в прокрустово ложе иерархических рамок, связей, чиновных правил и предписаний. Рабочие и подавляющее большинство служащих на практике лишены права принимать сколько-нибудь значительные самостоятельные решения. Их деятельность зачастую характеризуется автоматизмом функций. Вся практическая многосложная и дифференцированная организация современного американского общества принуждает рабочего и служащего, рядового гражданина США выполнять требования, предписывающие строго определенные действия и стандарты поведения. В этом смысле современная реальность США, современные условия жизни десятков миллионов людей все более отличаются от той реальности, которая в свое время определила практическую значимость и обусловила массовое распространение индивидуалистической модели ориентации.

Практика капитализма даже в период его поступательного развития неизбежно вела к тому, что большое число людей не могло на деле достичь успеха, реализовать идеалы независимости, автономии и суверенности индивида. Это всегда относилось, например, к людям наемного труда, в первую очередь к фабрично-заводскому пролетариату.

Ч. Рейч, давая общую характеристику труда рабочих на фабрике, говорил о «контрасте между фабричной системой и идеалами независимого предпринимательства», поскольку рабочий всегда «был подчинен жесткой дисциплине» и «сильной власти, господствующей над его жизнью». «Для наемных работников на фабрике, в деловой конторе или на крупной ферме, — писал он, — суверенность и независимость индивида в значительной мере переставала быть практической реальностью... С наемным работником не советовались относительно каких бы то ни было решений, какую бы важность эти решения ни представляли для его жизни... Для огромного большинства этих людей не было никакой надежды на успех (в традиционном для США понимании, —

Ю. З.)... Характер их труда и способ, которым этот труд осуществлялся... также были объектом внешней власти».

Ч. Рейч понял, что по мере развития монополий в такой же ситуации оказались миллионы американцев, превратившихся в наемных рабочих и служащих гигантских монополистических объединений. Он констатировал, что в XX в. господствующим элементом социальной реальности стало «американское корпоративное государство», объединившее монополии и государственные ведомства в единую систему «жесткой управленческой иерархии». В ее рамках «рядовой американец» стал объектом планов, выработанных другими, а не субъектом, самолично определяющим собственную судьбу [17].

Глубокие изменения в социальной жизни США, о которых шла речь, происходили реально, объективно. Они стали столь явными, что их увидели миллионы американцев, постоянно сталкиваясь с ними в практической жизни. Эти изменения не могли не вести к углублению конфликта между возникшими в прошлом традициями и современной реальностью с ее новыми тенденциями и характерными чертами.

---

[17] *Reich Ch.* The Greening of America, p. 31—32, 35, 51—52.

Глава III

Кризис традиционных ценностных ориентаций, «неудовлетворенный» индивидуализм и социальные заболевания личности

В предыдущей главе было показано, что в условиях государственно-монополистического капитализма в США резко обозначился конфликт опирающихся на индивидуалистическую традицию ценностных ориентаций личности, ее ожиданий и надежд с социальной действительностью. Расширение масштабов и углубление этого конфликта не может не вести в конечном счете к сдвигам в сознании общества и личности.

Изменение сознания — сложный, противоречивый и нередко весьма длительный процесс, допускающий и даже предполагающий богатый спектр тех состояний, которые характеризуют внутренний мир, духовную жизнь личности. Возникают различные способы идейно-психологической реакции личности на вышеуказанный конфликт, разные формы его переживания. Приводя в конечном счете к возникновению и утверждению новых типов общественного сознания и новых типов ценностных ориентаций личности, данный процесс включает и промежуточные стадии, для которых характерно главным образом углубление внутреннего кризиса старого типа сознания, традиционных ценностных ориентаций, а значит, кризисные состояния и внутренние страдания личности, обладающей старым сознанием и усвоившей прежние ориентации.

Могут иметь место периоды, в которые личность болезненно, мучительно переживает конфликт привычных ориентаций с изменившейся объективной реальностью. Она еще не находит действительного выхода из кризиса. Процесс его преодоления тем более замедлен, сложен и многовариантен, чем упорнее сопротивление препятствующих этому процессу сил и традиций, чем прочнее закреплены старые типы ориентаций в сознании личности.

Личность, чье сознание все еще находится в плену старых традиций, конфликт ожиданий и реальности переживает в особых формах. Кризис индивидуализма воспринимается такой личностью как кризис ее собственных ценностей, как крушение ее жизненных ожиданий и надежд. Эта форма осознания и переживания конфликта пока еще остается наиболее распространенной и массовой в США, тем более что индивидуалистическая идеология и психология с присущим ей культом личной независимости и предпринимательской инициативы сегодня остается важнейшим элементом духовной жизни и культуры этой страны. Живучесть и распространенность индивидуалистических традиций в США связаны прежде всего с тем, что государственно-монополистический, интенсивно бюрократизирующийся капитализм США остается капитализмом. Пока сохраняется практика частнопредпринимательской деятельности и конкурентной борьбы, продолжают существовать жизненные ориентации и мотивы поведения, сформировавшиеся на ее основе. Кроме того, индивидуалистическая ориентация опирается на силу привычки, веками укоренявшейся в сознании масс. Как известно, В. И. Ленин считал силу привычки самой страшной силой [1]. Сознание значительной части населения США еще питается воспоминаниями и живет в мире символов, созданных и закрепленных в ходе истории.

Констатируя привязанность многих американцев к традиционному типу индивидуалистического сознания, Ч. Рейч говорил о характерном для Америки второй половины XX в. «отставании» индивидуального сознания от динамики истории, об «утрате его связи с реальностью». Он писал: «Сегодня значительная часть американского народа обладает сознанием, которое соответствовало обществу XIX в., обществу маленьких городков, личных отношений и индивидуального экономического предпринимательства» [2]. В этой же связи М. Макоби отмечал: «Мы, американцы, по-прежнему любим думать о себе как о независимых людях, чья судьба зависит только от нас самих, думать в индивидуалистических и в какой-то мере анархистских понятиях. По сравнению с Европой эти характерные тенденции по-

---

[1] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 27.
[2] *Reich Ch.* The Greening of America, p. 18.

прежнему существуют в американском характере, но они опираются на способы труда, которые почти полностью исчезли»[3].

Живучести и распространенности привычек и традиций индивидуалистического сознания в значительной мере способствует существующая в Америке система воспитания личности. Организации, входящие в эту систему, постоянно воспроизводят и всеми способами распространяют идею о возможности для каждого рядового американца на практике реализовать идеал успеха в его традиционно-индивидуалистическом толковании.

Р. Мертон, характеризуя эту активность средств воспитания, писал: «Пропаганда доктрины успеха ведется с церковной кафедры, в печати, в литературе, в кино, в процессе образования и неофициального воспитания»[4]. Он подчеркивал, что в США главным направлением в системе буржуазного воспитания является укоренение в каждом американце, независимо от его положения в обществе, честолюбия, понимаемого в традиционно-индивидуалистическом смысле, превращение его в «типично американскую» черту характера. «Американцы со всех сторон подвергаются бомбардировке идеями, которые утверждают — и не только в качестве права, но и в качестве долга человека — стремление к этой цели (личному успеху. — *Ю. З.*)»[5].

Р. Мертон приводил яркий пример использования традиционных символов успеха. Он писал, что Фрэнк К. Бэлл, американский король фруктовых консервов, «приехал из Буффало в Мюнси в товарном вагоне с лошадью своего брата, обуреваемый целью основать маленькое дело, которое впоследствии должно было превратиться в самое крупное предприятие этого рода в стране». Р. Мертон констатирует, что «смысл этого символа в поучении: каковы бы ни были сегодняшние действительные результаты ваших стремлений, будущее полно обещаний, ибо рядовой человек еще может стать королем»[6].

В свое время шведский социолог Г Мюрдаль в широко известной книге «Американская дилемма» дал яр-

---

[3] *Maccoby M.* The Games-Man, p. 87.
[4] *Merton R. K.* Social Theory and Social Structure, p. 168.
[5] Там же, с. 137.
[6] Там же, с. 138.

кую характеристику сложившейся к середине XX в. в США идейно-политической ситуации с точки зрения глубокого противоречия между сегодняшней реальностью и традиционно-индивидуалистическими идеалами, которые до сих пор обозначаются как «американское кредо». Он писал: «Школа обучает им (этим идеалам. — *Ю. З.*), церковь проповедует их... они, как правило, находят место во всех официальных устных и письменных обращениях государственных и политических деятелей к американскому обществу, причем они выражены в самой высокопарной и возвышенной форме, которую так любят американцы, несмотря на их трезвый и прозаический прагматизм. В результате «американское кредо» оказалось настолько глубоко внедренным в культуру, что, несмотря на явную невозможность воплотить идеалы в реальную действительность, где-то в глубине души американцы все же верят, что эти великие принципы как-то должны сработать. Таким образом, «американское кредо» затушевывает подлинные проблемы Америки: американцы предпочитают верить больше в краснобайство, чем в реальную действительность» [7].

Но жизнь все-таки заставляет десятки миллионов американцев постоянно сталкиваться с конфликтом традиционных индивидуалистических идеалов и реальностью современной Америки. В семье, школе, в кинозале, с экрана телевизора американец постоянно слышит о «равных правах каждого на успех», о «героях, сделавших себя» и добившихся успеха. В его сознании легенды и обещания «американской мечты об успехе» нередко оставляют глубокий след. Но когда он вступает в мир реальной жизни — а она сегодня для подавляющего большинства означает наемный труд в системе корпораций-гигантов и подобных им организаций, рутину бюрократизированных связей, — он непосредственно сталкивается с указанным выше конфликтом.

Как мы отмечали, процесс углубления и обострения данного конфликта может проходить разные стадии и вызывать различные идейно-психологические состояния личности, нередко противоречивые и болезненные для нее. Углубление и обострение этого конфликта у некоторой части людей ведет не к ослаблению, угасанию, исчезновению старых ценностных установок и стремле-

---

[7] *Myrdal H.* An American Dilemma, vol. 1. N. Y. 1944, p. 22.

ний, а, наоборот, к их временному и относительному усилению.

Эта особенность духовной жизни личности давно замечена и описана в художественной литературе, в исследованиях, осуществленных в разных областях знания (в психологии, социальной психологии, социологии, философии и истории). Здесь находит проявление один из механизмов психологической защиты. Личность, непосредственно встречаясь со все большими трудностями в практической реализации своих ценностных установок и стремлений, может делать попытки мобилизовать дополнительные внутренние силы, может проявлять больше энергии и упорства в достижении того, что для нее желательно и дорого. При уменьшении шансов на реализацию тех или иных целей они, становясь все более труднодостижимыми на практике, могут какое-то время казаться личности еще более привлекательными. Может иметь место идеализация и романтизация этих целей, как и личностных качеств, которые прежде являлись одним из условий их достижения. Наконец, могут идеализироваться существовавшие ранее условия, при которых достижение данных целей было или казалось более осуществимым.

Что же означает усиление идейно-психологической привязанности рядовых американцев к традиционным ценностям, склонность к их романтизации и идеализации, настойчивое, упрямое стремление воплотить их в принципы личной жизни и деятельности? В конечном счете неминуемое болезненное столкновение сознания с реальностью, личных стремлений и ожиданий с решительно противоречащей им действительностью. В результате появляется особая разновидность личности, которая испытывает наиболее глубокое чувство неудовлетворенности, в наиболее четком и концентрированном виде демонстрирует несчастное сознание. Формы такого сознания и сопутствующих ему мучительных переживаний личности весьма различны. Это в значительной мере обусловливается характером внутренних противоречий, возникающих сегодня в системе ценностей традиционного индивидуализма.

Дело в том, что традиционная система ценностной ориентации, приходя в конфликт с противоречащей ей реальностью, одновременно предлагает личности различные способы интерпретации, а значит, и пережива-

ния этого конфликта. Например, некоторые характерные болезненные состояния личности можно понять, лишь приняв во внимание ту роль, которую в ее сознании играет традиционно-индивидуалистическая идеология, согласно которой человек, не могущий реализовать свою ориентацию на свободу, независимость, предпринимательский успех, должен винить в этом лишь самого себя. Принявшие эту ориентацию люди ощущают себя неудачниками, страдают от сознания собственной неполноценности. Подчеркивая типичность этой ситуации в США, Л. Ченовез отмечал, что и в современной Америке в случае неудачи при реализации поставленных целей человек, принимающий традиционную идеологию, проникается мыслью, что он зря потратил свою жизнь; его обуревает сознание жизненной катастрофы в соединении с чувством «собственной вины» [8].

Эти болезненные, разрушительные для личности чувства и психические состояния типичны не только для взрослых американцев, но и для детей, которые аналогичным образом, а нередко еще более интенсивно переживают «неуспех» и «жизненную неудачу» своих родителей, своих семей. М. Мид, всемирно известный психолог и антрополог, в результате многолетних исследований подростков в США пришла к выводу: «Стыд, пожалуй, сильнее всего ощущается в связи с неудачей... родителей, которые не преуспели. Это достаточно тяжело, если они не сумели подняться вверх по социальной лестнице, но совсем невыносимо, если они начали опускаться по этой лестнице все ниже и ниже. Жизненная неудача осуждается нами как непростительный грех. Осуждение этого греха у нас сильнее, чем осуждение нарушения десяти заповедей» [9]. Вполне естественно, что столь болезненные чувства нередко способствуют возникновению тяжелых душевных травм и нервных расстройств. Известный специалист по душевным заболеваниям, осуществивший еще в 50-х годах наиболее крупные исследования в этой области, Дж. Клаузен пришел к выводу, что нервные расстройства в США тесно связаны с отсутствием у человека возможности занять то общественное положение, к которому он стремился, т. е. «с сознанием неудачи в борьбе за успех» [10].

[8] *Chenoweth L.* The American Dream of Success, p. 15.
[9] Man Alone. N. Y., 1962, p. 373.
[10] Contemporary Social Problems, (1 ed). N. Y., 1961, p. 161.

Это наблюдение особенно важно, если иметь в виду широкую распространенность и рост в США душевных заболеваний и нервных расстройств. Согласно данным, полученным еще в 60-х годах Дж. Клаузеном, в США в специальных госпиталях для душевнобольных лежали свыше 600 тыс. пациентов. Кроме того, в общих госпиталях находилось еще 200 тыс. душевнобольных. Приблизительно половина всех больничных коек была занята душевнобольными. По подсчетам экспертов, каждый двенадцатый житель США проводит какое-то время в клинике для душевнобольных. При этом Дж. Клаузен отмечал, что статистически учитываются лишь тяжелые формы душевных заболеваний; число же людей, страдающих более легкими формами нервных расстройств, во много раз больше [11].

Многие американские исследователи обнаружили коррелятивную связь описываемых болезненных чувств и состояний личности с ростом алкоголизма и наркомании в США. Эта связь была четко выявлена уже в 50-х годах, когда Р. Клоувард и Л. Оулин, осуществившие наиболее репрезентативное исследование духовного мира американских подростков, ставших алкоголиками и наркоманами, пришли к выводу, что для этих подростков характерны «чувства вины, стыда, потери самоуважения», возникшие из-за осознания того, что их семьи — семьи «неудачников» [12]. Ф. Гобл считает, что кривая роста алкоголизма среди подростков в последние годы «взмывает вверх как ракета» (Sky-rocketing). Он приводит данные одного обследования, согласно которым в 1973 г. 72% подростков в седьмом классе начали употреблять алкоголь (в сравнении с 52% в 1969 г.) [13].

Еще более остро стоит в США проблема наркомании. Влиятельный американский журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» в 1976 г. отмечал, что в США имеется 100 тыс. наркоманов, в той или иной форме подвергающихся лечению (число наркоманов, не ставших объектом лечения, значительно больше). В специальном послании президента Форда конгрессу США указывалось, что более 5 тыс. американцев каждый год умирают от

---

[11] Contemporary Social Problems, (2 ed.). N. Y., 1966, p. 26.

[12] *Cloward R. A., Ohlin L. E.* Delinquency and Opportunity, p. 125.

[13] *Goble F.* Beyond Failure, p. 22.

злоупотребления наркотиками [14]. Наркомания очень широко распространяется среди молодежи. Ф. Гобл пишет: «Наше исследование показало, что кризис, порождаемый употреблением наркотиков в наших школах, в большой мере превысил наши самые мрачные ожидания... Он заражает нашу молодежь, отравляет атмосферу в наших школах и оставляет на своем пути разрушения» [15].

Связь таких явлений, как алкоголизм и наркомания, с конфликтом ожиданий и реальности весьма существенна. Осознавая, что успех в его традиционно американском понимании недостижим, индивид испытывает горькое чувство разочарования в самом себе (в своей семье, в родителях). Возникает искушение потопить это чувство в вине, забыться любыми средствами, в том числе и при помощи наркотиков.

Иногда такие чувства и психологические состояния в сочетании с настроениями отчаяния и безысходности могут привести и к самоубийству. В США ежегодно совершается примерно 25 тыс. самоубийств. Американский психолог Х. Хендин обращает внимание на то, что число самоубийств среди молодежи «последовательно и угрожающе росло в течение последних 20 лет». В возрастной группе от 15 до 24 лет самоубийством кончает жизнь 4 тыс. человек ежегодно (с 1954 по 1973 г. число самоубийств в этой группе выросло более чем в 250 раз) [16].

Рост душевных заболеваний, алкоголизма, наркомании, самоубийств связан в США с очень сложной и широкой совокупностью причин, тенденций и противоречий в жизни общества и отдельного человека. Но в ряду этих причин, тенденций и противоречий немалую роль играют болезненные чувства и разрушительные для личности переживания, возникающие в результате углубления конфликта между традиционными индивидуалистическими ориентациями и социальной реальностью современной Америки. Поскольку вызываемые этим конфликтом чувства неудовлетворенности направляются личностью против себя самой, выражаясь в болезненном ощущении своей неполноценности и стыда, постольку речь идет об интровертированном сознании, о страдающей личности.

Но глубоко неудовлетворенное и вместе с тем упрямое в своих ожиданиях и стремлениях инвидуали-

---

[14] «U. S. News and World Report», 10 May, 1976, p. 25.
[15] *Goble F.* Beyond Failure, p. 22.
[16] *Hendin H.* The Age of Sensation. N. Y., 1975, p. 223.

стическое сознание может проявляться и нередко проявляется в другой, внешне противоположной форме. Неудовлетворенность направляется личностью не на себя, не вовнутрь себя, а вовне, в частности на других людей. В этом случае возникает как бы экстравертированное и вместе с тем упрямое индивидуалистическое сознание. Горечь от сознания собственной жизненной неудачи в соединении с чувством бессилия, связанным с невозможностью добиться успеха в его традиционном понимании, часто служит источником глубокой эмоциональной озлобленности человека против других людей.

Надо подчеркнуть, что речь идет часто об особой, слепой озлобленности: ведь индивидуализм как идеология, как способ мировосприятия скрывает от человека глубинные объективные социальные зависимости, которые влияют на реальные судьбы данной личности, способствуют или препятствуют реализации ее жизненных устремлений и ожиданий. Индивидуализм как идеология и мировоззрение мешает человеку понять, что современный капитализм ставит десятки миллионов людей в такие условия, при которых у них уже нет сколько-нибудь реальных шансов на достижение целей, задаваемых традиционной моделью успеха.

Упрямый, неудовлетворенный и озлобленный индивидуалист обнаруживает под влиянием все той же традиции тенденцию искать источник своей неудовлетворенности прежде всего в сфере личностных отношений с другими людьми. Последние рассматриваются им сквозь призму ожесточенной конкурентной борьбы, в ходе которой люди выступают как действительные или потенциальные соперники в «крысиных бегах», т. е. в борьбе за символы успеха. Если «люди-соперники» оказываются побежденными, они становятся объектом презрения; если они тебя опережают, то превращаются в объект зависти, причем чувство зависти нередко сосуществует с чувством страха и даже ненависти.

Д. Белл, характеризуя типичную для США ситуацию «психологической конкуренции, направленной на достижение статуса», пишет: «Можно сказать, что буржуазное общество есть институционализация зависти»[17]. Страх, по мнению многих авторитетных психологов, также является одним из доминирующих чувств человека в со-

---

[17] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism, p. 22.

временной Америке. Так, К. Хорни в признанной в США «классической» работе «Невротическая личность нашего времени» пришла к выводу, что вследствие «высокой степени индивидуалистических стремлений, порожденных конкуренцией, отношения между личностями проникнуты напряженностью и сознанием того, что безопасность отсутствует». Она отметила, что страх перед проявлениями агрессивности в характере человека в условиях конкурентной борьбы «объясняет то невротическое беспокойство, которое сегодня является доминирующим» [18].

Разочарования и страхи индивидуалиста, принудительно вовлеченного в конкурентную борьбу, терпящего в ней поражение и страдающего комплексом неполноценности, могут стимулировать внутреннее озлобление. Разочарованный и озлобленный индивидуалист нередко проявляет склонность к агрессивности и жестокости. Эта склонность особенно резко возрастает в «стрессовой» ситуации, когда личность, мобилизующая всю энергию на борьбу за успех, сталкивается с существенным уменьшением реальных шансов на победу и соответственно с увеличением шансов на поражение. В такой ситуации (а именно она сегодня характерна для многих людей в США) озлобленность, агрессивность, жестокость, склонность к насилию часто превращаются во внутренние и постоянные свойства личности.

Эти свойства индивидуалиста, приверженного к старым традициям, нередко являются стихийными и слепыми иррациональными чувствами, импульсами, не имеющими конкретного социального адреса. Эти чувства могут легко и произвольно смещаться, переноситься с одного объекта на другой. Они могут проявляться не только по отношению к тем конкретным людям и обстоятельствам, которые представляют реальную угрозу или реальное препятствие на пути осуществления практического интереса человека, но и по отношению к любому человеку, любому объекту, в силу каких-либо субъективных ассоциаций, выступающих в качестве символа «угрозы», «опасности», «зла» или, как говорят, «козла отпущения». Неудовлетворенный в своих стремлениях, страдающий комплексом неполноценности индивидуа-

---

[18] *Horney K.* The Neurotic Personality of Our Time. — Contemporary Social Problems, (1 ed.), p. 168.

лист-невротик может переносить свои чувства на людей и на объекты, которые не имеют никакого отношения к действительным ситуациям его жизни.

Известный в США журналист и исследователь массового сознания С. Тэркел приводит в качестве типичного интервью с М. Лефевром. Лефевр — рабочий (металлист), его сознание мелкобуржуазно, а ценностная ориентация вполне традиционна. При этом он глубоко недоволен своей судьбой, положением человека, которым командуют, своим бесправием («Я чувствую себя мулом, старым мулом!»). Он считает себя неудачником, очень страдает от ощущения, что его «никто не уважает». Он испытывает гнев, но чувствует себя бессильным и неспособным адресовать его «Дженерал моторз», «кому-либо в Вашингтоне» или «системе». Однажды он поссорился с мастером, отказавшись говорить ему «да, сэр»; ему снизили разряд и уменьшили зарплату. Он готов выместить свое раздражение на первом встречном (по его словам, ему хочется после работы обругать первого встречного, едущего с ним в автобусе). Его озлобление и агрессивность чаще всего проявляются в пивной по отношению «к кому-либо», в результате возникают драки [19].

Ряд американских специалистов, исследовавших эти особенности личности, рассматривают типичные для многих американцев чувства раздражения и озлобленности как различные по глубине и значимости симптомы параноического состояния психики. Например, Л. Ченовез, характеризуя психику и поведение личности, неудовлетворенной в своих стремлениях к реализации «американской мечты», охотно пользуется понятием «паранойя». «Паронойя, — пишет он, — может атаковать людей, которые стремятся к достижению своих целей, но встречают препятствия на этом пути. Чувствуя свою вину и стыд вследствие неспособности достигнуть успеха, такие люди могут пытаться скрыть свои чувства неполноценности от самих себя и от других людей; тогда они ищут воображаемых злодеев, служащих «козлами отпущения»» [20].

В США кризис традиционных форм индивидуализма и личности, воспринявшей индивидуалистические цели,

---

[19] *Turkel S.* Working. N. Y., 1974, p. XXXII, XXXIII.
[20] *Chenoweth L.* The American Dream of Success, p. 18.

установки и иллюзии, одним из своих важнейших симптомов имеет очевидное обострение проблемы насилия. О глубине и масштабах этой проблемы говорят многие факты. Например, по данным Федерального бюро расследования, число убийств, нападений с тяжелыми последствиями и случаев изнасилования увеличилось с 1960 по 1974 г. на 238%. В 1975 г. в США было совершено 20 510 убийств (на 28,2% больше, чем в 1970 г.), 56 090 актов изнасилования (на 47,6% больше, чем в 1970 г.), 464 970 грабежей (на 32,9% больше, чем в 1970 г.), 484 710 нападений (на 44,7% больше, чем в 1970 г.) и т. д.[21] Специально созданная национальная комиссия по изучению причин насилия и способов его предупреждения подчеркнула тот факт, что США в этом плане занимают первое место среди 18 стран Западной Европы и Северной Америки. «Соединенные Штаты, — говорится в одном из материалов комиссии, — являются бесспорным лидером... по уровню убийств, нападений, изнасилований и грабежей»[22].

Все более глубокую озабоченность ростом насилия высказывают в США и рядовые американцы, и представители общественной науки. Так, по данным опросов, проведенных Институтом Гэллапа в 1968 г., 31% американцев боялись вечером выходить из дома; в 1979 г. — 42% (а если взять крупные города — 52%). Д. Гэллап в этой связи заметил: «Рост насилия и преступности приводит наблюдателя к пессимистическому взгляду на будущее Америки»[23]. Г. Бенсон и Т. Енглман, авторы популярной в США книги «Аморальная Америка», комментируя данные опросов общественного мнения, задают вопрос: «Может ли быть свободным общество, в котором люди не могут свободно передвигаться из-за страха за свою личную безопасность?». «У нас есть все основания, — добавляют они, — испытывать глубокий стыд за высокий уровень преступности»[24].

Констатируя остроту проблемы насилия в современной Америке, мы не претендуем на ее рассмотрение в сколько-нибудь полном объеме, во всех проявлениях и

---

[21] The World Almanac and Book of Facts. N. Y., 1977, p. 965.
[22] Цит. по: *Goble F.* Beyond Failure, p. 17—22, 154, 155.
[23] «The Gallup Poll», 18 April, 1976; 2 Dec., 1979.
[24] *Benson G., Engleman T.* Amoral America. Stanford (Calif.), 1975, p. 17, 40.

генетических связях. Мы только отметили, что любые формы насилия не могут не влиять на нравственно-психологический климат в стране. Они способствуют созданию определенных особенностей сознания и поведения людей, как тех, кто является субъектом насилия, так и тех, кто становится его объектом.

Кризис традиционного индивидуализма в США связан не только с обострением проблемы насилия, но и с ростом преступности. Для того чтобы глубже понять природу этой связи, надо принять во внимание ряд дополнительных обстоятельств. Индивидуалистическая система жизненной ориентации с самого начала была проникнута глубокими внутренними противоречиями. И личность, принявшая эту систему, отразила ее противоречивость в своем сознании и поведении. Когда личность усваивает принципы индивидуализма в качестве внутренних мотивов и императивов своей деятельности, тогда возникает возможность конфликта данной личности не только с другими людьми, но и с обществом, членом которого она является.

Буржуазному обществу, как всякому обществу, представляющему определенную социально организационную целостность, свойственны относительно постоянные формы социально-групповой жизни, закрепленные институционально и легально. Эти формы социально-групповой жизни, или социальной организации буржуазного общества, требуют от каждого человека подчинения многочисленным «нормам-рамкам», т. е. разнообразным законам, дисциплинарным предписаниям и правилам, регламентациям и запретам, которые составляют необходимую сторону его социального организма на всех стадиях развития. Речь прежде всего идет о тех законах и запретах, которые охраняют частную собственность, буржуазные производственные отношения и политическую власть правящего класса, о регламентациях, гарантирующих «нормальное», с точки зрения буржуазии, функционирование государства, различных институтов и всей сложной машины управления вещами и людьми. Речь идет о правилах и законах, упорядочивающих сделки, коммерческие и финансовые операции, словом, о правилах, поддерживающих «закон и порядок» в буржуазном общественном организме.

Система «норм-рамок» включает также законы и правила деятельности, которые, в той или иной мере

испытывая на себе влияние конкретной системы экономических, политических и идеологических отношений, в конечном счете являются продуктом поступательного общеисторического процесса развития человеческой цивилизации в целом. Сюда относятся нормы, нарушение которых угрожает физическому здоровью и самому существованию людей, а также элементарные правила морали, общежития и коллективной жизни.

Перечисленные предписания и нормы санкционируются теми или иными институтами, а также господствующим общественным мнением. Они получают одобрение в идеологии. С ними обычно связываются такие категории морали, как «честность», «добропорядочность» и т. д.

Но «нормы-рамки» по своему характеру, роли и социальной функции существенно отличаются от норм, которые были выделены нами выше, при анализе индивидуализма. Отличие заключается прежде всего в том, что «нормы-рамки» обычно непосредственно не выступают как жизненные цели личности, последовательно ориентированной на успех, а навязаны ей обществом. Представление о цели жизни связано с ценностными ориентациями индивидуализма. Нормы поведения, опирающиеся на индивидуализм, мы обозначаем термином «нормы-цели».

Между ценностными ориентациями, выступающими в качестве «норм-целей» жизни человека, и «нормами-рамками» социально организованной жизни общества реальна возможность конфликта. Когда личность прочно усваивает «нормы-цели» индивидуализма, то именно они становятся основными внутренними стимулами ее деятельности, источниками ее жизненной энергии. И хотя буржуазное государство и другие институты, которые претендуют на роль хранителей принципов и норм социальной организованности в рамках буржуазной системы, стремятся превратить «нормы-рамки» во внутреннюю привычку и внутреннее убеждение членов общества, упрямый индивидуалист воспринимает их как нечто чуждое, навязанное извне, противостоящее ему как личности.

М. Макоби подчеркивает, что последовательный индивидуалист склонен оценивать и измерять все явления и формы окружающей его социальной реальности в рамках одной шкалы, одной «системы координат» (или, как

он говорит, в рамках «одномерного континуума»). Он оценивает все лишь с точки зрения степени его независимости, свободы и уверенности в реализации идеала частного успеха. Поэтому любые нормы и правила, ограничивающие это стремление, воспринимаются им негативно [25].

Противоречие между «нормами-целями» и «нормами-рамками» выступает в США и в виде дихотомии противостоящих типов ориентации и поведения — «прагматизма» и «морализма». Как известно, термин «прагматизм» в США часто применяется не для обозначения позиции профессионала-философа, принадлежащего к прагматической школе, а для характеристики определенного типа жизненной, сугубо практической ориентации личности. Это и есть последовательная ориентация на успех в его традиционно американском понимании. Прагматик оценивает те или иные явления, исходя из практического расчета, в качестве критерия он принимает «нормы-цели», задаваемые индивидуализмом.

Термин «морализм» в США весьма часто употребляется для характеристики принципиально отличной ориентации личности, когда в качестве главного ориентира принимаются «нормы-рамки» и они становятся основой оценки поступков человека. М. Макоби пишет: «Моралист... постоянно наклеивает ярлыки «добро» или «зло». Соответственно моралисты обнаруживают тенденцию сужать сложные альтернативные ситуации до простых дихотомий, ограничивать их рамками одномерного континуума, на одном полюсе которого добро (высокая оценка), на другом — зло (низкая оценка)» [26]. И если «морализм» не лицемерная маска и не форма того же прагматизма или морального релятивизма [27], то обнаруживаются противоречия между «прагматизмом» и «морализмом». Эти противоречия постоянно выявляют историки американской культуры, причем в США распространена точка зрения, согласно которой амери-

---

[25] *Maccoby M.* The Games-Man, p. 44.

[26] Там же.

[27] Речь идет об использовании «морализма» лишь тогда, когда это выгодно личности, и об отходе от «морализма», когда это не выгодно, т. е. о «двойном» стандарте оценок поступков, о проявлении которого в политике США мы расскажем во второй части работы.

канцы — «прагматистская нация»[28], хотя и подверженная «периодическим пароксизмам морализма»[29].

Многие американские исследователи согласны с тем, что противоречие между «прагматизмом» и «морализмом» в истории США в значительной мере определяется господством традиционной индивидуалистической системы ценностных ориентаций. Это же обстоятельство определяет типичность личности, которая во имя прагматического индивидуалистического интереса идет на нарушение заповедей «морализма» и вообще «норм-рамок».

Нарушение «норм-рамок» буржуазного общества, т. е. действия, классифицируемые как преступные, причем совершаемые во имя буржуазной концепции успеха, в высшей степени характерно для истории США. Этому в немалой степени способствует индивидуалистическая система ценностей. Более того, можно сказать, что возможность преступного типа поведения заложена в самой индивидуалистической ориентации на «личный успех», если эта ориентация оказывается действительно последовательной. В этом случае символы «успеха», и прежде всего деньги, превращаются в самоцель, в первичную ценность.

Успех (в его буржуазном понимании) сам по себе объявляется благом, а неуспех — злом. Отсюда «естественно» следует вывод: не столь уж важно, какими средствами добыт этот успех; любые средства хороши, и законные и незаконные, если в конечном счете они на практике ведут к успеху. Такой официально признанный авторитет в исследовании американской культуры, как Р. Мертон, признает, что в США деньги, богатство, «как бы они ни были получены — незаконным путем, или способами, которые санкционированы институтами, могут быть использованы для покупки одних и тех же материальных благ и услуг». Таким образом, заключает он, «моральный мандат на достижение успеха осуществляет давление, побуждающее к тому, чтобы добиваться успеха, если возможно, честными средствами, но если необходимо, то и нечестными»[30].

Б. Кларк, характеризуя распространенность настроений морального релятивизма, нигилизма и цинизма сре-

---

[28] The Americans: 1976, p. 255.
[29] «Newsweek», 14 March, 1977, p. 8.
[30] *Merton R. K.* Social Theory and Social Structure, p. 168.

ди американской молодежи, отмечает: для США весьма типичен человек, поведение которого «не связано прочными нормами, различающими добро и зло... Он особенно озабочен сохранением своего собственного положения и укреплением своих шансов на успех и серьезно не озабочен методами, с помощью которых успех достигнут». Кларк приходит к выводу, что личность такого типа «была создана ценностями конкуренции в борьбе за положение и успех»[31].

Характерный для последовательного индивидуалистического сознания примат принимаемых им «норм-целей» над внешними «нормами-рамками» социально организованной жизни способствует формированию личности, которая ради осуществления эгоистических целей готова нарушить любые стесняющие ее законы и строить свою жизнь по принципу: «Цель оправдывает средства». Прав был Р. Миллс, когда утверждал, что «общество, сводящее понятие «жизненного успеха» всего лишь к обладанию крупными деньгами... возведшее деньги на уровень абсолютной ценности, — такое общество неизбежно плодит продувных дельцов и темные дела. Благословенны циники, ибо только они располагают тем, что необходимо для достижения жизненного успеха»[32].

Система норм поведения, т. е. система морали, если она основывается на последовательном индивидуализме, становящемся ее первичным и важнейшим элементом, объективно пронизывается глубокими внутренними противоречиями, оказывается релятивной. На это указывают крупные исследователи американской культуры.

Так, Р. Уильямс отмечает, что мораль последовательного индивидуализма предполагает «веру в то, что добродетель находит свою награду в богатстве, а грех свое наказание — в бедности», что «достигшие успеха в экономическом его понимании являются наиболее приспособленными (к нормам жизни, принятым в данном обществе. — *Ю. З.*) и сам по себе успех доказывает их моральное превосходство». Он пишет о «морали, в которой экономический успех становится высшим свидетельством моральной праведности»[33]. Таким образом,

---

[31] Values and Ideas of American Youth. N. Y., 1961, p. 252.
[32] *Миллс Р.* Властвующая элита, с. 463—464.
[33] *Williams R.* (jr) American Society, p. 455, 462, 483.

прагматический успех объявляется высшей моральной ценностью.

Конечно, в господствующей в США моральной традиции существуют две различные тенденции. С одной стороны, частный успех рассматривается как высшая и самодостаточная нравственная ценность и как доказательство моральности преуспевающего человека. С другой стороны, ведется ревностная проповедь «честности», «добропорядочности» и аналогичных добродетелей. В рамках традиционной индивидуалистической ориентации прослеживается все же определенная иерархия этих тенденций. Чем последовательнее индивидуализм, тем ощутимее первенство первой тенденции над второй. Р. Уильямс не случайно констатирует, что в США «успех часто рассматривался как самоцель» и что «иногда не бывает почти никакой позитивной связи между успехом и моральной добродетелью» [34].

Д. Белл, подчеркивая внутреннюю противоречивость сложившейся в США культуры, признает, что она предписывает «двойственную и необходимо противоречивую роль» индивиду, одновременно выступающему в качестве «гражданина» и «буржуа». Будучи «гражданином», индивид имеет обязательства перед определенной организованной общностью, частью которой он является. «В качестве второго (т. е. «буржуа». — *Ю. З.*) он отстаивает частные цели и заботы, преследуя свой собственный интерес». Д. Белл признает, что «западному обществу недостает и чувства гражданственности, т. е. спонтанного для личности желания идти на жертвы ради какой-либо общественной пользы, и политической философии, оправдывающей нормативные правила, которые определяют приоритеты и распределение в обществе» [35].

В результате противоречивости американских моральных традиций понятия «аморальный поступок», «преступление» также оказываются противоречивыми и условными. Аморальное поведение и даже преступление, с одной стороны, оцениваются как вполне «нормальные» и даже «моральные», если совершены в духе руководящих «норм-целей» и принципов индивидуалистической

---

[34] Там же, с. 456.

[35] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism, p. 20—21, 25.

морали; с другой стороны, они являются нарушением морали, ибо противоречат «нормам-рамкам», санкционированным той же буржуазной моралью.

С точки зрения последовательного индивидуалиста границы между преступлением и нравственным поведением оказываются крайне условными. Они более четко определяются лишь в сфере права и политико-административной организации, т. е. в сфере, которая является внешней по отношению к личности и ее внутреннему духовному миру.

В 50-х годах, в период наиболее интенсивного развития социологии в США, там был осуществлен ряд крупных исследований, в которых содержалась констатация того факта, что рост массовой преступности связан с обострением конфликта между жизненными ожиданиями, выраженными в «нормах-целях», и реальной действительностью, закрепляемой «нормами-рамками». Р. Мертон и его последователи А. Коэн и Дж. Шорт, объясняя преступность в США, указали на разрыв господствующих «культурных целей» с «институционально установленными средствами», в границах которых очень многие американцы не имеют возможности реализовать эти цели [36].

Аналогичной была точка зрения Д. Рисмэна и У. Уэйса. Эти авторы также сделали вывод, что «индивидуумы, чьи сильные стремления к успеху вступают в конфликт (с действительностью. — *Ю. З.*), вызывающий у них внутренние душевные раздражения, могут испытывать искушение обратиться к поискам иных путей поведения, включая и преступное поведение» [37]. По сути дела здесь везде речь идет об описанном выше конфликте между ожиданиями и целями, соответствующими традиционному индивидуализму, и реальностью современной Америки.

Бунт неудовлетворенного индивидуалиста против тех или иных «норм-рамок» господствующей социальной организации может быть организованным или неорганизованным. Он может происходить в форме расчетливо предпринимаемых действий, классифицируемых как преступления, но может выливаться и в стихийно-эмоциональный, анархический протест. Он также бывает ак-

---

[36] Contemporary Social Problems (1 ed.), p. 107—108.
[37] New Knowledge in Human Values. N. Y., 1959, p. VII.

тивным и пассивным, откровенно выраженным или скрытым, так сказать, загнанным вовнутрь личности. Бунт активного и расчетливо корыстного индивидуалиста часто переходит в преступные действия.

Стихийно-эмоциональный бунт неудовлетворенного индивидуалиста против «норм-рамок» нередко принимает, особенно в среде молодежи, форму вандализма — разрушения и уничтожения вещей и предметов, которые символизируют чужой успех и чужую частную собственность, недоступные для данного индивида. Такой бунт индивидуалиста против связывающих его «норм-рамок» нередко выступает в виде анархического протеста против всех и всяких общественных «норм-рамок».

Американцы, продолжающие упрямо верить в обещания и лозунги традиционного индивидуализма, свое глубокое возмущение регламентациями и рамками государственно-монополистической бюрократии зачастую выражают в виде нигилизма по отношению ко всем и всяким дисциплинарным нормам и организационным формам общественной жизни. Такой тип реакции подробно описан М. Макоби, анализировавшим психологию вчерашних фермеров и ремесленников, попавших в зависимость от бюрократической иерархии. Он писал: «Например, когда фермеры и ремесленники, принуждены подчиняться индустриальным иерархиям, их установка на независимость обнаруживает тенденцию превращаться в упрямый нигилизм» [38].

Таким образом, связь между быстрым ростом преступности в США и развитием противоречий, конфликтов в индивидуалистическом сознании несомненна. Но было бы ошибочно ее упрощать и абсолютизировать. Ведь для понимания всей совокупности причин преступности в США надо проанализировать влияние, которое оказывают на личность многие другие факторы социальной жизни буржуазного общества, например безработица и нищета. Наконец, необходимо принять во внимание и наличие в США организованного преступного мира, вовлекающего в свои сети сотни и тысячи людей.

[38] *Maccoby M.* The Games-Man, p. 44.

Глава IV

Личность в системе государственно-монополистической бюрократии

В данной главе мы попытаемся проанализировать типы личности, возникающие, во-первых, в процессе приспособления традиционно-индивидуалистической ориентации к формам бюрократической организации, созданной государственно-монополистическим капитализмом в США, и, во-вторых, в результате внутреннего кризиса этой ориентации, развивающегося в рамках данной организации. Наиболее характерным продуктом приспособления индивидуалистических традиций к новым условиям является карьеризм.

Речь идет о карьеризме особого типа, который характерен именно для США и является модификацией индивидуализма. Главной целью человеческой жизни остается все тот же личный, частный успех. Основным путем его достижения служит активная конкурентная борьба с другими людьми. Успех измеряется в конечном счете по-прежнему деньгами. Но если в представлении традиционного индивидуалиста в США деньги прочно ассоциировались с наличием частной собственности и своего «дела», а следовательно, со свободой, суверенитетом и независимостью личности в сфере предпринимательства, то карьерист отождествляет деньги с успехом, достигаемым в рамках бюрократии. Здесь главным символом успеха выступает «статус» — понятие типично американское, рожденное эпохой государственно-монополистического капитализма. В статусе воплощается единство определенного уровня дохода и того положения, которое человек занимает в системе бюрократических связей.

Бюрократическая организация конституируется в виде иерархической пирамиды постов и должностей, которые определяют денежные доходы и прочие привиле-

гии. При этом бюрократия стремится создать жесткую систему дисциплины, четко определить и регламентировать каналы продвижения вверх по лестнице иерархии, а также формализовать механизмы и процедуры, посредством которых продвижение может и должно осуществляться.

В США бюрократическая организация стремится представить себя в качестве системы безличных и чисто функциональных связей, якобы определяемых лишь содержанием, объемом и техническими характеристиками той деятельности, для осуществления которой она создана. Однако на деле эта бюрократическая организация оказывается авторитарно-иерархической системой межличностных связей. Речь идет о связях, отражающих интересы, личные склонности, предпочтения, симпатии и антипатии, привязанности, конфликты и даже антагонизмы людей, занимающих те или иные посты, выполняющих внешне безличные функции [1]. Капиталистическая бюрократия формирует непосредственные отношения конкретных лиц, групп, клик, мафий как отношения господства и подчинения. Они устанавливаются как внутри бюрократии, так и с окружающей социальной реальностью.

Индивидуальная карьера в рамках буржуазной бюрократии зависит от личного расположения, милости и доверия со стороны начальства. Человек, ориентированный на карьеру, должен уметь понравиться начальству, угождать ему, предвидеть и угадывать личные стремления, склонности и вкусы вышестоящих лиц. Он должен владеть «искусством» подсиживания своих конкурентов, их дискредитации как личностей в глазах начальства. Наконец, он должен обладать личным авторитетом в среде подчиненных, внушать им либо уважение, либо страх. Словом, карьерист должен не только демонстрировать способность на практике эффективно осуществлять конкретные безличные функции, возложенные на него бюрократической организацией, но и способность приспосабливаться к структуре межличностных отноше-

[1] Одним из первых на этот акт указал известный в США социолог Ч. Пейдж, занимавшийся изучением отношений на военном флоте. Он констатировал, что «усилению обезличивания официальной бюрократии часто соответствует столь же высокая степень развития личных неофициальных отношений внутри бюрократии» (*Page C. H.* Bureaucracy Other's Face. — «Social Forces», 1946, vol. XXV, p. 91).

ний в той организации, в которую он включен и от которой зависит его статус.

Карьеризм воспитывает в людях такие свойства, как чинопочитание, прислужничество. Он развивается в атмосфере недоверия, грызни и взаимоподсиживания — непременных спутников конкурентной борьбы за положение в бюрократической иерархии. Р. Миллс, характеризуя атмосферу внутри бюрократии, констатировал, что «спутником иерархии часто бывает лихорадка борьбы за статус»[2]. Подобная атмосфера была особенно ярко описана во многих социологических работах 50-х годов, когда в США было начато исследование феномена бюрократии. Наибольшую известность приобрели книги американских социологов и публицистов В. Паккарда «Охотники за статусом»[3] и М. Лернера «Америка как цивилизация»[4].

Конкурентная борьба за личный успех в рамках бюрократической организации существенно отличается и по содержанию и по форме от той конкурентной борьбы, которая соответствовала практике «свободного» частного предпринимательства. В ходе конкурентной борьбы в условиях свободного предпринимательства человек обладал известной независимостью в личностных отношениях с другими людьми. Ощущение независимости судьбы человека от его межличностных отношений возникало постольку, поскольку практика частного предпринимательства делала успех индивида производным от его усилий в сфере производства и от объективной логики рыночных отношений, а не от чувств, симпатий, антипатий других людей. Конечно, межличностные отношения всегда имели немалое значение. Они были важны при заключении торговых сделок, при получении кредита, словом, во всех тех сферах экономической, общественной и особенно политической жизни, где индивиды не могут не контактировать с другими людьми. Тем не менее практика индивидуального свободного предпринимательства в той мере, в какой она действительно была индивидуальной и освобожденной от внешних и непо-

---

[2] *Mills C. W.* White Collar, p. 255.

[3] *Packard V.* The Status Seekers.

[4] Ж. Лернер выделил в качестве одного из самых основных социальных типов в США того же «охотника за статусом» — «честолюбца-карьериста», причем рассматривал его как разновидность «деловой личности» (*Lerner M.* America as a Civilization p, 652—653).

средственных личностных зависимостей, давала индивиду возможность в жизни и деятельности исходить прежде всего из своих личных побуждений.

Государственно-монополистическая бюрократия предъявила иные требования к личности. Личность, включенная в активную конкурентную борьбу за место и чин в бюрократической организации, растрачивает, теряет многие черты, утверждение которых в свое время знаменовало победу капитализма над феодализмом. Бюрократизация способствует появлению сторон жизни, наиболее характерных именно для авторитарно-иерархических порядков и систем личных зависимостей, которые в свое время активно ниспровергал капитализм.

Однако в США бюрократическая организация создавалась как естественный продукт внутренней эволюции капитализма. Бюрократическая организация, и прежде всего ее наиболее развитая форма — корпорация, органически включена в систему капиталистической конкуренции.

Бюрократы и представляемые ими организации должны увеличивать свои шансы на победу в конкурентной борьбе, которая по мере увеличения концентрации и монополизации капитала становится особенно интенсивной и напряженной. Они должны постоянно повышать конкурентоспособность, добиваясь максимальной эффективности своей деятельности.

В этом заключается существенное отличие капиталистической бюрократии от бюрократии докапиталистической. Последней было достаточно воспроизводить себя в стабильных и неизменных рамках, культивировать рутину и внутренний застой. Бюрократическая организация должна постоянно интенсифицировать свои усилия для получения наибольшей прибыли. Она не может нормально функционировать, лишь воспроизводя рутину привычных процедур и действий. Этому препятствует объективная динамика капиталистической конкуренции. Та же динамика не позволяет организации в ее отношениях с людьми, включенными в ее систему и обеспечивающими ее функционирование, полагаться лишь на рутину. Для победы в конкурентной борьбе она должна располагать достаточно мощным стимулятором энергии всех людей, от чьей деятельности и усилий в той или иной мере зависит ее конкурентоспособность. В США, как было показано, главным стимулятором энергии лю-

дей были и остаются индивидуалистические ценности и цели. Бюрократическая организация активно использует в своих интересах индивидуализм и создаваемую им систему мотивов и стимулов.

Конечно, эти мотивы и стимулы проявляют себя по-разному на разных этажах пирамиды бюрократии. Остановимся сначала на деятельности тех, кто стоит во главе бюрократических организаций, кто определяет их политику. Люди этого ранга сохраняют значительную долю свободы в использовании самих организаций как инструмента реализации своих субъективных целей. В их деятельности индивидуалистические стимулы и мотивы часто реализуются в формах, которые хотя и модернизированы, но все еще сохраняют значительную связь с индивидуалистической традицией.

В этом отношении интересно исследование социально-психологических характеристик членов «руководящей элиты» крупнейших корпораций, осуществленное М. Макоби. Он констатирует распространенность в этой группе традиционного для США типа личности — активного индивидуалиста, которого он называет «воином в джунглях». Этим условным термином он по сути дела обозначает человека, все внимание и жизненная энергия которого направлены на достижение победы в капиталистической конкуренции и который в борьбе за достижение этой цели, ведущейся не на жизнь, а на смерть, не ведает жалости и не гнушается никакими средствами.

Подчеркивая тот факт, что руководители крупнейших корпораций — иначе говоря, основные слои монополистической буржуазии — и сегодня ориентированы на активную конкуренцию, а потому демонстрируют установки, соответствующие законам конкуренции, Макоби применяет при характеристике их личности еще другой условный термин — «человек-игрок». Описывая систему ценностных ориентаций такого человека, он утверждает: «Его главный интерес — в решении новых проблем, в конкуренции, где он может доказать свою способность стать победителем». Макоби объясняет, что не случайно употребляет термин «человек-игрок». По его мнению, этот человек «не боится риска» и даже «любит риск». Он «испытывает радостное возбуждение, когда сталкивается с возможностью использовать случай», «срезать угол» и т. д. «Он относится к работе и к жизни как к игре. Соперничество возбуждает его, и он передает свой

энтузиазм другим людям, поднимая их энергию». Он стремится «побудить других к продвижению вперед на скоростях выше нормальных». Он нетерпим к тем, кто отстает или слишком «осторожничает».

Здесь стоит отметить тот факт, что Макоби, весьма критически относящийся к «воину в джунглях», образ «человека-игрока» рисует с явной симпатией. Он склонен видеть в нем принципиально иной тип личности. Однако если иметь в виду, что эти термины применяются при характеристике активных субъектов капиталистической конкуренции — руководителей крупнейших корпораций, то различия между ними в конечном счете оказываются различиями в степени и форме проявления ценностных ориентаций, единых по классовой направленности.

Исследуя социально-психологические особенности руководящей элиты крупных корпораций, Макоби обнаруживает у членов этой группы, причем особенно четко в самый последний период истории США, черты несколько иного рода, свойственные типу личности, который он обозначает термином «человек компании». «Компанией» Макоби называет корпорацию, трест, синдикат, картель, т. е. организацию, создаваемую объединенным, групповым капиталом, принадлежащим не одному капиталисту, а группе или своего рода «коллективу» капиталистов.

Термином «человек компании» он обозначает совокупность тех специфических личностных установок, которые возникают у руководителя корпорации, когда он оказывается вынужденным соразмерять свои частные, индивидуальные интересы с интересами других владельцев совокупного капитала корпорации, с интересом корпорации как единого целого, когда он принужден выражать свои интересы в форме, определяемой задачами управления такой крупной бюрократической организацией, какой является корпорация, а также своей ролью (должностью) в корпорации. «Новый руководитель корпорации, — пишет Макоби, — соединяет черты «человека-игрока» с особенностями «человека компании»». Он является «игроком в команде», центр его интересов — корпорация. В его мышлении «личные цели объединены с целями корпорации». Руководитель корпорации, подчеркивает Макоби, «видит людей в свете возможности их использования большой организацией, даже самого себя он видит таким же образом...». «Ему удается под-

чинить свое «Я» интересам корпорации, хотя он понимает, что, находясь во главе этой организации, служа ей, он служит себе»[5].

Макоби при исследовании личностных установок руководителей корпораций совершенно не принимает во внимание классовую позицию членов этой группы, тем не менее его исследования дают фактический материал, свидетельствующий о модификации ориентаций и социально-психологических характеристик, традиционных для представителей крупной буржуазии в США. Эта модификация отражает процесс объединения, монополизации и бюрократизации крупного капитала, к которому вынуждены приспосабливаться руководители и крупнейшие чиновники корпорации. Но еще более существенную модификацию традиционно-индивидуалистических установок Макоби заметил у служащих и чиновников корпораций, не принадлежащих к руководящей элите, занимающих средние звенья в бюрократической иерархии. Речь идет прежде всего о тех, кто, с одной стороны, является объектом командования, т. е. подчинен руководству корпорации, а с другой стороны, осуществляет командование людьми, находящимися на более низких этажах бюрократической пирамиды власти. Именно в этой группе наиболее четко проявляются специфические черты бюрократа-карьериста. Макоби называет карьеристов этого ранга «лисами». «Лисы», по его словам, создают свои норы в корпоративной иерархии и продвигаются вперед путем коварства и «политиканства»[6].

Многие американские исследователи обратили внимание на то, что капиталистическая бюрократия существенно сужает поле конкуренции и создает ситуацию «закрытой комнаты». При этом ожесточается конкурентная борьба, которая в этой ситуации оказывается гораздо более интенсивной и напряженной[7]. Напряженность конкурентной борьбы за карьеру также связана с возрастающей непрочностью любого успеха, любой победы, достигаемых карьеристом в системе бюрократии. Ведь по воле и произволу начальства человек (наемный слу-

---

[5] *Maccoby M.* The Games-Man, p. 38, 48—49.

[6] Там же, с. 48.

[7] М. Макоби, подводя итоги обследования служащих корпорации, пишет: «Большинство признало, что конкуренция и неопределенность заставляли их испытывать чувство постоянного беспокойства» (там же, с. 32).

жащий или чиновник) может быть в любой момент смещен с должности или передвинут вниз по служебной лестнице. В результате усиливаются чувства неуверенности, нервозности и страха. И не случайно конкурентная борьба в рамках бюрократии в американской литературе получила образное название «крысиных бегов в закрытой комнате». Нервное напряжение — естественное и постоянное состояние личности, которая вынуждена участвовать в этих «бегах».

В книге «Человек организации», идеи и выводы которой и сегодня активно поддерживаются многими исследователями в США [8], У. Уайт подчеркивал, что любой рядовой служащий в системе бюрократии превосходно знает, что «обрек себя на длительную и, вероятно, жестокую борьбу». «Рядовой служащий, — отмечал Уайт,— начинает думать, что на пути будут постоянные столкновения между ним и его окружением (имеются в виду отношения внутри корпорации. — *Ю. З.*)» [9].

Уайт рассказал об интервью с 42-летним служащим, который так описывает свое положение: «Когда ты попадаешь на определенное место, то начинаешь бояться, что кто-либо еще может захотеть получить то место, которое ты занимаешь». Причем ты не можешь сказать, кто это может быть, что только увеличивает страх и беспокойство. Поэтому служащие хорошо знают, что «лучшая защита против угрозы быть обойденным — обойти кого-либо еще; но поскольку каждый служащий знает это и знает, что и другие знают это, никто и никогда не может чувствовать себя в безопасности». И люди боятся брать отпуска, ибо «за три недели, которые ты пропустишь, кто-то может занять твое место и вытеснить тебя» [10].

П. Гудмэн (его работы сыграли большую роль в формировании движения социального протеста начала 70-х годов), описывая самочувствие служащих в бюрократической организации США, также констатировал: люди осознают тот факт, что по сути дела они участвуют в жестоком состязании. «Они боятся выйти из числа его участников. Поскольку они думают, что находят-

---

[8] *Gordon R. A.* Business Leadership in the Large Corporation Univ. of Calif. Press, 1966; *Heller R.* The Great Executive Dream. N. Y., 1972; *Ditcher E.* The Manager. Boston, 1974.

[9] *White W. H.* (jr) The Organization Man. N. Y., 1956.

[10] Там же, с. 177.

ся в закрытой комнате, они полагают, что им некуда податься. А внутри этой комнаты они боятся выйти из состязания, оказавшись среди неудачников, потерпевших полное поражение в жизни» [11].

Здесь необходимо специально подчеркнуть, что отмеченные факты относятся в первую очередь к американцам, являющимся наемными служащими и чиновниками капиталистических корпораций, государственных ведомств и другого рода учреждений США, т. е. к социальным группам и слоям населения, занимающим своеобразное, промежуточное положение между классом крупных капиталистов и основной массой рабочего класса.

Естественно, что для большинства рабочих, а также для большинства членов наиболее угнетенных в США этнических меньшинств вопрос об активной борьбе за более высокий «статус» в бюрократической организации не является сколько-нибудь актуальным.

Зато применительно к группам служащих и чиновников, к тем, кого условно можно отнести к «средним слоям» — такие группы и слои, кстати сказать, в США быстро растут, — этот вопрос важен. Его рассмотрение помогает понять сложные процессы, вызываемые в личностных ориентациях членов этих слоев и групп развитием государственно-монополистической бюрократии. Капиталистическая бюрократическая организация пытается активно использовать конкуренцию, борьбу за статус между подчиненными ей людьми и как средство удержания их в своей власти, и как средство стимуляции их энергии в нужном для организации направлении.

Однако отношение бюрократических организаций к индивидуалистически-карьеристским притязаниям рядовых сотрудников очень противоречиво. Государственно-монополистическая бюрократия в США в процессе своего становления столкнулась, если можно так выразиться, с «трудным» человеческим материалом — с американцами, не имевшими до того дела с бюрократическими формами командования. Речь идет об американцах, которые либо уже имели жизненный опыт независимого предпринимательства, либо такого опыта не имели, но с детства о нем мечтали. Но именно из них создавалась бюрократическая система государственно-монополисти-

[11] *Goodman P.* Growing up Absurd. N. Y., 1960, p. 160—161.

ческого капитализма. Исходя из требований конкуренции, эта система должна была функционировать с максимальной эффективностью. Поскольку традиционно-индивидуалистические стремления и привычки наемных работников мешали решению функциональных задач бюрократической системы, постольку они становились объектом ограничения и обуздания. Практическая деятельность, посредством которой государственно-монополистическая бюрократия стремилась превратить подчиненных ей людей в послушные орудия своей воли [12], развивалась по двум основным направлениям.

Первым направлением было постоянное укрепление дисциплины и механизма авторитарного командования, совершенствование аппарата административного и экономического контроля. Вторым — манипуляция личностью, воспитательная работа, целью которой было заставить всех включенных в рамки бюрократической организации принять цели данной организации, отождествить с ними свои индивидуальные интересы. Соответственно и в практике управления, и в так называемой «управленческой науке» оформились два подхода к решению задач обеспечения внутренней дисциплины и контроля над умами, чувствами и делами наемных работников.

Наиболее четко различие этих подходов было обозначено в книге Д. Макгрегора «Человеческий аспект предприятия». Макгрегор сформулировал два основных принципа и соответственно два типа теорий, которые он назвал «теорией икс» и «теорией игрек». Если в рамках «теории икс» центральным принципом был «принцип авторитарности», то в рамках «теории игрек», пропагандистом которой и был Макгрегор, таковым объявлялся «принцип интеграции». Под интеграцией он понимал создание условий, при которых «члены организации начинают верить в то, что могут наилучшим образом реализовать собственные цели, лишь направляя усилия на

---

[12] Требования, предъявляемые к личности служащего, точно выражены одним из руководителей бизнеса в журнале американских предпринимателей «Форчун»: «Нам нужен хорошо обструганный (хорошо обточенный) человек, умеющий обращаться с хорошо обструганным (обточенным) народом» (*White W. H.* (jr) The Organization Man, p. 148—150.).

обеспечение успеха предприятия»[13]. Помимо Макгрегора «теорию игрек» разрабатывали А. Маслоу, Ф. Херцберг, Ф. Гобл и многие другие[14].

Работы этих авторов получили достаточно широкое признание у руководства ряда ведущих корпораций США. Среди этих корпораций такие гиганты, как «Техас инструментс», «Юнитек», «Доу кемикл» и т. д. В ходе специального опроса, проведенного в 30 корпорациях, 800 представителей данных организаций специально отметили интерес к «теории игрек» и работам вышеуказанных авторов. Ф. Гобл приводит высказывания президента одной корпорации, доказывавшего, что применение данной теории способствовало подъему производительности труда и прибылей, а также офицера военно-морского флота США, хваставшего повышением «морали» во вверенном ему подразделении в результате реализации той же теории[15].

Чтобы понять смысл «теории игрек», новые черты в практике управления и последствия этой практики, надо учесть следующие важные обстоятельства. В настоящее время в США объективный процесс функционирования и развития производительных сил принимает все более ярко и последовательно выраженный общественный характер. Эта объективная тенденция находит выражение в создании колоссальных объединений людей, техники в монополиях-гигантах и государственных ведомствах. Сотни тысяч людей оказываются тесно связанными друг с другом организационно в единые «коллективы». Но формы и содержание такой «коллективности» отражают и воплощают сущность капиталистических общественных отношений. В условиях государственно-монополистического капитализма эта «коллективность» принудительно навязывается трудящимся существующей социально-экономической и политической системой.

«Коллективы», создаваемые государственно-монополистическим капитализмом, по отношению к рядовому члену общества, к рабочему и служащему выступают как объективно отчужденная сила, ими не контролируе-

---

[13] Цит. по: *Goble F.* Beyond Failure, p. 76.

[14] *McGregor D.* The Human Side of Enterprise. N. Y., 1960; *Masloy A.* Eupsichian Management. Homewood (Illinois), 1965; *Hersberg F.* The Motivation to Work, N. Y., 1964; *Goble F.* Excellence in Leadership. N. Y., 1972.

[15] *Goble F.* Beyond Failure, p. 76—77.

мая, но контролирующая их. Контроль над людьми осуществляется в соответствии с целями, интересами, нормами и ценностями господствующего класса. Иллюзорность и мнимость «коллективности», воплощаемой в корпорациях, государственных ведомствах и других сходных с ними социальных образованиях, проявляются уже в том, что «коллективность» эта реально конституирует себя как бюрократия. В ее рамках рядовые рабочие и служащие фактически отстранены от принятия сколько-нибудь важных решений.

Постоянно укрепляя аппарат командования, бюрократический «коллектив» одновременно прилагает немало усилий для маскировки своей сущности. Он стремится представить себя в качестве подлинного коллектива. Свои цели и интересы он изображает как концентрированное выражение совокупных интересов всех работников. Например, одна из крупнейших монополий США, «Дженерал моторс», многие годы широко использует лозунг: «Что хорошо для «Дженерал моторс», хорошо для каждого работника этой корпорации!» Подобные лозунги и идеи выполняют различные функции. Они маскируют капиталистический характер бюрократии. Одновременно практика их использования является способом мобилизации энергии людей, подчиненных бюрократии.

Обнаруживается весьма характерная черта социальной организации, создаваемой современным государственно-монополистическим капитализмом. Эта организация сегодня вынуждена применять двойную систему идейно-психологического влияния на людей, их идейно-психологической обработки. В этой системе индивидуализм в его разных типично американских вариантах противоречиво соединяется с «коллективистской» фразеологией. Личность, включенная в систему бюрократии в качестве объекта командования и манипуляции, оказывается в очень сложной и, можно сказать, драматической ситуации. С одной стороны, она постоянно сталкивается с пропагандой ценностей и идеалов индивидуализма и в традиционной и в новой форме — форме карьеризма. Личность приглашают включиться в конкурентную борьбу за статус, ей внушают все ту же традиционную для США идею, что для каждого человека, волевого, энергичного, предприимчивого, знающего дело, конкуренция открывает дорогу к успеху, т. е. к продви-

жению вверх. Организация апеллирует к личному интересу, к стремлению человека к деньгам, привилегиям, власти. С другой стороны, человека призывают подчинить свой интерес интересам той организации, в которую он включен, ибо только так он якобы может реализовать свой личный интерес.

Люди, сталкивающиеся с подобной двойственностью обращенных к ним призывов и требований, естественно, реагируют на них по-разному. Одни в какой-то степени и на какое-то время верят коллективистской демагогии. Другие используют ее как ширму для прикрытия эгоистических целей и даже как средство их реализации. Это характерно для представителей буржуазного карьеризма в его новейшей разновидности.

Для современного американского карьериста важным и необходимым условием достижения личного успеха является не только демонстрация деловой компетентности, предприимчивости, стремления к продвижению вверх, но и способность убедить руководителей той бюрократической организации, которой он служит, в готовности принять ее цели, подчинить свои помыслы и практические усилия их реализации. Карьерист в данном случае есть индивидуалист, принужденный реализовать свой частный интерес в рамках «бюрократической коллективности» [16]. Он должен демонстрировать и доказывать не только личную преданность тому или иному начальнику, от которого зависит его карьера, но и верность «общему делу», т. е. организации, которую начальник представляет и олицетворяет. Карьерист должен также доказывать умение быть носителем и активным проводником идеи «коллективности» в отношениях со своими подчиненными. Он должен представлять и олицетворять в глазах подчиненных «общее дело» и обеспечивать их практическое служение этому «делу». Поскольку «коллективизм» — официально декларируемый принцип той или иной организации, постольку карьерист-индивидуалист нередко использует его в качестве средства дискредитации своих соперников как «эгоистов» и «индивидуалистов». Таким образом, идеи

[16] Такой тип личностной ориентации хорошо описан в статье Э. Ю. Соловьева «Внутрикорпоративная конкуренция и некоторые аспекты доктрины «массового общества»» в книге «Современная буржуазная идеология в США».

«коллективизма» в рамках буржуазной организации выступают внешней оболочкой, маской в интенсивной и напряженной конкурентной борьбе. Имея это в виду, П. Гудмэн с горечью делает вывод, что «культура этой организации есть фальшивка»[17].

Но ситуация гораздо сложнее, чем ее изображает П. Гудмэн. Современная бюрократическая организация в США активно и настойчиво навязывает включенной в нее личности эту фальшивку. Личность должна постоянно заботиться и о демонстрации «подлинности» своего «коллективизма», и о маскировке своих реальных эгоистических устремлений и страхов. Эта ситуация побуждает к лицемерию, превращает его в необходимость. Она же способствует усилению внутренней напряженности личности.

Это состояние в наибольшей степени испытывает карьерист, находящийся на средних и низших ступенях иерархической лестницы. Именно он — объект интенсивного контроля и манипуляций. Конечно, карьерист стремится обмануть бдительность тех, кто этот контроль осуществляет. Пропорционально совершенствованию техники контроля и манипуляции он совершенствует технику лицемерия, внушения, или, если воспользоваться типично американским выражением, технику «продажи» начальству нужного представления о себе. В этом карьеристу помогают привычки и навыки, которые сформировались на основе длительной практики рыночных отношений, отношений купли-продажи. Как известно, независимый частный предприниматель учился не только технике «продажи» товаров и услуг, но и в какой-то мере своего образа, своей репутации надежного торговца.

Индивидуалист-карьерист тоже вынужден торговать, но уже не производимыми товарами, а своим трудом, своей рабочей силой. Все более значительную роль приобретает для карьериста торговля своим «образом», своей репутацией «верного» служащего корпорации. Карьера для него не что иное, как цена, которую ему дают и повышают в зависимости от его «верности» интересам и целям данной организации. Стремясь к карьере, он учится более ловко и расчетливо торговать собственной личностью, совершенствовать технику этого рода «тор-

---

[17] *Goodman P.* Growing up Absurd, p. 160—161.

говли». Тенденция развития государственно-монополистической бюрократии в том и состоит, что предметом торговли все больше становятся личностные качества человека: их демонстрируют, как демонстрируют товар, рассчитывая получить в награду продвижение по служебной лестнице.

Это в свое время заметил еще один из родоначальников западноевропейской и американской социологии, К. Манхайм. Он обнаружил, что «функциональная рационализация» в сфере административного аппарата не только предписывает индивиду определенные действия технического порядка, но и навязывает ему в качестве условия «карьеры» схему функционирования его самого как личности. «Забота о карьере, — писал Манхайм, — требует максимума владений собой, так как не только включает действительный процесс работы, но и предписывает контроль за идеями и чувствами, которые разрешается иметь...» [18]

Индивидуалист-карьерист вынужден тщательно следить за своими чувствами и уметь манипулировать ими, Он учится сознательно прятать или подавлять те спонтанные импульсы, которые могут помешать карьере, и, наоборот, стимулировать или искусственно вызывать в себе такие чувства, какие требуются для продвижения. Л. Ченовез, характеризуя личность этого типа, подчеркивал, какое огромное значение в ее жизни имеет техника «продажи» самой себя, «способность так манипулировать своим разумом, как она манипулировала другими, манипулировать самой собой в практике борьбы за успех» [19]. Практика институционализированного в системе бюрократии лицемерия порождает у индивидуалиста-карьериста реальное раздвоение личности, потерю уважения к себе и, наконец, утрату ощущения собственного «Я» [20].

---

[18] Images of Man, p. 510—511.

[19] *Chenoweth L.* The American Dream of Success, p. 15.

[20] М. Макоби, интервьюируя служащих крупных компаний и корпораций, обнаружил: «Когда они характеризовали себя, они, казалось, стремились произвести нужное впечатление, продать себя интервьюеру». В результате своих обследований он пришел к следующему выводу: «Человек компании, описывая самого себя, часто звучал так, как если бы он пытался удовлетворить любой взгляд относительно того, каким ему следует быть. В результате от его «Я» не оставалось ничего, что можно было бы описать» (*Maccoby M.* The Games-Man, p. 92).

Уже говорилось, что бюрократическая организация в США активно подавляет у включенных в нее людей все те формы индивидуальной активности, все те личные качества и побуждения, которые могут помешать функционированию данной организации. В то же время современная бюрократическая организация в США вынуждена проявлять все более заметное внимание к личности рабочего и служащего, «заботу» об их личности. П. Бергер, констатируя наличие этой тенденции, обозначает ее как «персонализация бюрократии»[21].

Почему представители современных корпораций и государственного аппарата все настойчивее говорят о необходимости внимания к личности рядовых членов общества, подчиненных их контролю? Во-первых, надо принять во внимание тот факт, что по мере роста самосознания народных масс правящим кругам США все труднее становится командовать людьми лишь посредством использования традиционных форм экономического стимулирования или путем усиления административно-дисциплинарных мер. Во-вторых, от личности рядового работника во всевозрастающей степени зависит функционирование системы современного производства и управления. Производительность труда во все большей мере зависит от состояния нервной системы работника, от его характера, настроений, чувств. Поэтому бюрократические организации в США вынуждены «заботиться» о душевно-психических качествах индивида. Но это — забота особого рода. Она проникнута стремлением подчинить личность не только экономически или административно, но и духовно, не только внешне, но и внутренне.

Машина бюрократической организации США создает целую систему особых органов, пристально наблюдающих за личной жизнью работников. В большинстве крупных организаций имеются огромные штаты «наблюдателей за кадрами», т. е. внутренней «идейно-психологической полиции». Буквально на каждого работника заводится досье с полным учетом характеристик его как личности. Организуется и постоянно расширяется практика различного рода «тестов» (опросов, проверок, экзаменов) рабочих и служащих. Эту практику У. Уайт охарактеризовал как «инквизицию в области психической жизни», которая становится, по его мнению, «обыч-

---

[21] *Berger P.* a. o. The Homeless Mind. N. Y., 1974, p. 48.

ной чертой жизни организации, а в скором времени — и всей жизни США»[22].

Анализ различных форм деятельности, которую государственно-монополистическая организация США осуществляет по отношению к личности рядового американца, убедительно показывает, что все они как бы «работают» в одном направлении — в направлении обеспечения конформизма[23]. В рамках этой организации резко усиливается и приобретает новые формы конфликт традиционного индивидуализма и бюрократического конформизма.

Нельзя забывать, что даже в период свободной конкуренции и экстенсивно развивающегося предпринимательства индивидуализм сосуществовал с конформизмом. Более того, конформизм выступал как дополнение индивидуализма, как его оборотная сторона. Традиционный индивидуализм одновременно предполагал конформизм, поскольку требовал от каждой личности принятия единой системы ценностей и стандартов поведения. Единая модель жизненного успеха, личностной ориентации определяла конформизм мыслей и чувств, стремлений и поступков. Четко формулируя те императивы, которым личность должна следовать, такая модель требовала от нее активного неприятия всех форм сознания и поведения, которые не согласовывались с индивидуалистическими традициями. В американской литературе давно был отмечен очень характерный факт: чем последовательнее и упрямее был в своих стремлениях, мыслях и чувствах носитель традиционно-индивидуалистической идеологии и психологии, тем нетерпимее, непримиримее и враждебнее он относился к любым неконформным чертам в личности других людей.

Противоречивую взаимосвязь традиционного индивидуализма и конформизма отмечают исследователи истории и культуры в США. Р. Уильямс признает, что поведение человека, являвшегося активным субъектом предпринимательства и конкуренции, одновременно было

---

[22] *White W. H.* (jr) The Organization Man, p. 189.

[23] Психологическая манипуляция личностью в целях подготовки послушных, верных, умелых функционеров-конформистов не ограничивается рамками корпорации. К. Клукхон писал: «Механика обеспечения конформизма распространяется от больших корпораций на другие сферы общества: на школы, средства развлечения, на политику» (The American Style, p. 186).

«конвенциональным и стереотипным», что самосознание и самооценка такого человека сильно зависели от «одобрения» со стороны подобных ему людей. Он даже говорит об «отсутствии индивидуальности» у такого человека, отмечая, что в американской мыслительной культуре XVIII — XIX вв. отсутствовали развитые определения личности и человеческого «Я»[24]. И действительно, в истории США традиционный индивидуализм противоречиво сосуществовал с единообразием вкусов, с жесткостью и стандартизацией нравственных норм, с узостью, замкнутостью мировоззренческого горизонта, с низким уровнем культуры, с конформизмом и стереотипностью мировосприятия и мироощущения.

И все-таки система ценностей индивидуализма, сформировавшаяся и утвердившаяся в сознании и поведении американцев к середине XIX в., предполагала также и довольно высокую степень практического и прагматического нонконформизма. Активный проводник традиционно-индивидуалистических ценностей стремился сам участвовать в принятии решений, непосредственно влияющих на его судьбу. Традиционный индивидуализм стимулировал в человеке негативное отношение к бюрократии и авторитарной власти, ко всякому их вмешательству в его частную жизнь. Словом, он формировал ряд личных качеств, во многом противоположных тем, которые современная бюрократия стремится укоренить в личности (достаточно вспомнить героев Брет Гарта или Джека Лондона). Конформизм, утвержденный государственно-монополистической организацией в США, — это конформизм качественно нового, бюрократического типа.

Он воплощается в системе личностных ориентаций с разной степенью последовательности. Описанный нами карьеризм есть индивидуализм, приспосабливающийся к бюрократическому конформизму, ограниченный и в определенной мере подавляемый им. Но карьеризм, даже если он скрывается под маской конформизма, все же остается ориентацией на внутреннюю активность и инициативу личности в стремлении к реализации своего интереса. Внутренняя активность карьериста стимулируется верой в победу в конкурентной борьбе в рамках бюрократии, а частично даже в борьбе с самой бюрокра-

---

[24] *Williams R.* (jr) American Society, p. 484, 497.

тией: ведь победа, продвижение вверх, к более высокому посту ассоциируется с большей степенью личной свободы, независимости и самостоятельности.

По мере того как бюрократия приобретает все более четкие, жесткие и застывшие формы, эта вера в победу над конформизмом ослабевает и умирает. Характеризуя этот процесс, Л. Ченовез пишет: «Концепция успеха, которая раньше была связана с индивидуализмом, активностью и победой, стала ассоциироваться с конформностью, смирением, покорностью и... поражением»[25]. В результате получает распространение особый тип личности конформиста в полном смысле этого слова, т. е. человека, подчинившегося «нормам-рамкам», стандартам мысли, чувств и поведения, задаваемым господствующими и отчужденными от него формами социальной организации, человека, потерявшего способность к внутренне свободному и самостоятельному действию, утратившего индивидуальность. Исследователи, обнаружившие этот тип личности в американском обществе, обозначают его по-разному. М. Лернер назвал его «конформистом» и «рутинером», Р. Мертон — «ритуалистом-рутинером», У. Уайт — «человеком организации», М. Макоби — «человеком компании», Р. Миллс — «бюрократической личностью» и т. д.

Эти понятия в значительной степени условны и обычно не отражают классовых характеристик господствующих в США форм организации, а значит и порождаемой ими конформистской ориентации личности. Однако различие понятий, употребляемых американскими социологами, в какой-то мере оправданно, ибо они фиксируют определенные стороны, некоторые разновидности по сути дела единого типа личности. При этом большинство из них обращают внимание на одну отличительную черту конформистски ориентированной личности: жизнь, сознание и поведение этой личности не детерминируются внутренними и значимыми для нее целями. Нет целей-идеалов, которые определяли бы динамизм личности, ориентировали бы ее на достижение состояния или положения, качественно отличного от существующего в данный момент. Речь идет о личности, не имеющей целей, которые могли бы выступать внутренне и достаточно мощным генератором в ее энергии, могли бы быть внут-

---

[25] *Chenoweth L.* The American Dream of Success, p. 1.

ренним стержнем, обусловливающим ее целостность, устойчивость и духовное здоровье. Отсутствие такого рода целей делает личность полностью зависимой от внешних обстоятельств, сил и влияний, беззащитной по отношению к любому давлению извне.

Такой тип личности возникает в США в результате углубляющегося конфликта между традиционным индивидуализмом и авторитарно-бюрократическими формами социальной организации. Он возникает на определенном этапе кризиса и распада традиционно-индивидуалистических ценностей. По сути дела описываемый американскими социологами тип конформистски ориентированной личности — это человек, который последовательно, до конца прошел путь разочарования во всех основных идеологических схемах, предлагавшихся американским обществом в качестве модели индивидуального успеха, личностного идеала, ориентира и генератора энергии.

Такой человек разочаровался и в идеалах свободного и независимого предпринимательства, и в идеалах бюрократического карьеризма. Он разочаровался и в том «коллективизме», который государственно-монополистическая организация пытается ему предложить в качестве внутренней личной жизненной цели.

Следует подчеркнуть, что фактическое подчинение такого человека капиталистической системе пока не позволило ему понять смысл и значение прогрессивных, подлинно коллективистских, антикапиталистических целей и идеалов, которые могли бы стать целями сознательного революционного новаторства в социально-политической сфере и в сфере личной жизни.

Для данного социального типа характерен идейно-психологический вакуум, вакуум идеалов и жизненных целей и одновременно конформизм поведения, т. е. вынужденное подчинение внешним «нормам-рамкам», шаблонам и стандартам. По мнению Р. Мертона, человек, воплощающий данный тип, негативно относится к «жизненным целям», провозглашенным «господствующей культурой». Однако в повседневном поведении он соблюдает требуемые «нормы-рамки». Такой человек, называемый Р. Мертоном «ритуалистом-рутинером», «расстается с надеждой на успех», «не принимает» господствующую модель успеха как цель, но «продолжает использовать средства, санкционированные социальными

институтами и законом»[26]. Это — человек, вынужденный придерживаться стандартов современной социальной организации США, но живущий без веры в цели, провозглашаемые этой организацией. Перед нами тип личности, отличающийся от типов индивидуалиста и активного карьериста: свойственная им вера в реализуемость идеалов успеха оказывается разрушенной, вследствие чего установка на конформизм получает более последовательное выражение.

Понять внутреннюю структуру этого типа личности помогают широко известные в США работы Д. Рисмэна, и особенно его книги «Одинокая толпа» и «Лица в толпе»[27]. Д. Рисмэн первым теоретически проанализировал и эмпирически подтвердил появление в США рядом с традиционным типом личности, названным им «личностью, ориентированной изнутри»[28], нового типа личности, — «личности, ориентированной извне». «Личность, ориентированная изнутри», типичная для эпохи «свободной конкуренции», в своих действиях и поступках наделена внутренней активностью, энергией и динамизмом и чаще всего руководствуется традиционными индивидуалистическими мотивами и страстями. Д. Рисмэн подчеркивал, что главную роль в поведении этой личности играли внутренние цели, импульсы и идеалы.

«Личность, ориентированная извне», согласно характеристике Д. Рисмэна, — это личность американца того периода, когда он оказывается полностью подчиненным созданным в США в XX в. формам бюрократической организации. Большинство поступков и действий такой личности — лишь реакция на внешние сигналы: на требования организаций, институтов и объединений, в которых он служит и от которых зависит. Поэтому Рисмэн и сравнивает социально-психологический механизм этого типа личности с радаром. Этот своеобразный «радар» автоматически реагирует на сигналы извне, на внешние

---

[26] The Idea of Social Structure. N. Y., 1975, p. 185.

[27] *Riesman D.* a. o. The Lonely Crowd. New Haven, 1950; *Riesman D.* Faces in the Crowd. New Haven, 1952.

[28] Л. Брум и Ф. Селзник, видные американские социологи, продолжили исследования, опираясь на идеи Д. Рисмэна. Они также заметили, что главным источником, дающим «внутренне ориентированной личности» представление о нормах и внутренних целях, была семья и другие люди, включенные в систему непосредственных межличностных отношений (*Broom L., Selznick Ph.* Sociology, p. 114).

команды, запреты, стандарты и символы, исходящие от бюрократизированных организаций и институтов, а также средств массовых коммуникаций, господствующих в духовной жизни США. Современные Соединенные Штаты, по мнению Рисмэна, есть пример общества, «в котором внешняя ориентированность является господствующим способом обеспечения конформизма». Он считает, что «внешне ориентированная личность» получает особое распространение прежде всего в среде многочисленных служащих корпораций и государства, в среде людей, занятых в отраслях обслуживания, и т. д.

Таким образом, характерной особенностью рассматриваемой личности является более последовательный конформизм поведения, т. е. вынужденное подчинение внешним, официально санкционированным шаблонам и стандартам, подчинение начальству и всем тем, «кто идет в расчет», тем, «с кем нужно считаться» (так можно свободно перевести типичное американское выражение those who count) [29].

Надо учесть, что личность описанного типа, возникая в массовых масштабах, формирует определенную группу, оформляющуюся как специфическая идейно-психологическая общность. Конформисты, «внешне ориентированные» американцы, создают свои неформальные объединения, систему межличностных отношений, свое общественное мнение. Эти социальные образования действуют зачастую в том же направлении, что и бюрократическая организация: они внедряют и укрепляют конформизм. Личность испытывает давление не только со стороны авторитарно-бюрократических организаций, но и со стороны других конформистов. Давление особенно значительно там, тогда и постольку, где, когда и поскольку личности данного типа составляют большинство и начинают определять идейно-психологический климат, общественное мнение. М. Лернер, описывая тип конформиста, называл в качестве одной из самых глав-

[29] Л. Брум и Ф. Селзник отмечают, что «внешне ориентированная личность» склонна считать главной бедой в своей жизни неодобрение или нелюбовь других людей, тех, с которыми она связана формальными и неформальными узами и от мнения которых зависит ее реальная судьба или ее отношение к себе самой: самоуважение, сознание собственной значимости. Именно по этому поводу данная личность испытывает постоянное беспокойство, которое и составляет характерную особенность ее психологии (*Broom L., Selznick Ph.* Sociology, p. 114).

ных его особенностей то, что он «живет в страхе быть застигнутым в числе меньшинства»[30].

Официальная и апологетическая пропаганда в США нередко изображает описываемую нами личность как пример «позитивной приспособленности» к новым условиям современной жизни, как эталон «нормального» американца XX в. и даже как образец «психического и нравственного здоровья». Но исследование показывает, что именно данная личность демонстрирует многие кризисные и разрушительные процессы, оказывается носителем социальных заболеваний.

Мы уже говорили, что во внутренней структуре личности идеалы и долгосрочные цели выступают в качестве главного внутреннего генератора энергии. Именно они являются тем внутренним стержнем, который направляет жизнь личности и обеспечивает ее определенную целостность и духовное здоровье на протяжении всего жизненного цикла. В анализируемом нами социальном типе личности такой внутренний стержень распадается, разрушается. Генератор энергии прекращает работу. Создается болезненное состояние душевной пустоты.

В жизни такой личности господствует и порой становится невыносимой рутина, принудительные обязанности и мелочные, суетные заботы, воплощающие чисто прагматическое приспособление к отдельным конъюнктурным ситуациям. Жизнь такого человека можно сравнить с «беличьим колесом», где непрерывно повторяются шаблонные действия. Существование человека отмечено внутренней бесцветностью. Привычной формой бытия такой личности становится однообразие. Впрочем, оно часто нарушается вторжением отчужденных и стихийных внешних сил, угрожающих личности неприятностями или даже катастрофами. В этом случае личность теряется, мечется, впадает в панику. Конформист пытается спастись от внешних угроз и катастроф, становясь на путь еще более последовательного рутинерства. Однообразие жизни кажется ему убежищем от внешних угроз и всяческих неприятностей. Он стремится к сохранению и консервации сегодняшнего положения дел, тех форм жизни и тех условий, к которым он привык и с утратой которых у него связано ощущение опасности и даже катастрофы.

---

[30] *Lerner M.* America as a Civilization, p. 652.

Для бюрократа-конформиста форма, а не содержание деятельности становится высшим критерием и стимулятором поступков. Такой человек может уподобиться простейшей машине, повторяющей одни и те же функции, которая, кстати сказать, по сравнению с современными машинами весьма примитивна. Казенная рутина и бездушный формализм ведут к выработке крайне устойчивых функциональных привычек, отношений и представлений. Автоматизм действий бюрократа-формалиста подобен устойчивости простейших условных рефлексов. Такая приспособленность к стандартам, рутинизированным формам легко может стать и на деле часто становится причиной существенной неприспособленности человека к изменяющейся реальности его фактического бытия, к динамике всей социальной жизни. Р. Мертон заметил, что «бюрократия требует строгой приверженности к регулирующим правилам». «Такая приверженность правилам ведет к трансформации их в нечто абсолютное». А «это мешает быстрому приспособлению человека к изменениям в социальных условиях, которые не предвидели те, кто составлял общие правила»[31].

Современная общественная жизнь в США характеризуется возрастающим динамизмом. Назревают объективные потребности в коренных социальных преобразованиях. Все острее проявляются антагонизмы современного капитализма. Перед рядовым американцем, рабочим и служащим, возникает огромное количество насущных социальных вопросов, требующих немедленного решения. Традиционные, привычные для него формы жизни рушатся.

В период, когда общественная жизнь в США охвачена глубоким брожением, «внешне ориентированная» личность чувствует себя песчинкой в мире, который представляется ей страшным и хаотичным. Она еще острее ощущает пустоту, зыбкость, непрочность своего существования. Для конформиста очень характерен внутренний моральный релятивизм. Мы уже писали (см. главу III), что моральный релятивизм и даже цинизм — характерные черты последовательного индивидуалиста.

Однако в эпоху развивающегося капитализма этот цинизм нередко сочетался с активной деятельностью по обновлению производства и внешних условий жизни; он

---

[31] *Merton R.* Social Theory and Social Structure, p. 200.

был, если так можно сказать, энергичным и оптимистичным. В эпоху господства бюрократии, общего кризиса системы традиционных ценностей и верований возникает цинизм разочарованного индивидуалиста. Он пессимистичен и лишен прежней энергии. Такой цинизм — основа психологии беспринципного приспособленчества к казенной рутине, к тем, в чьих руках находится власть. Д. Рисмэн и его коллега М. Макоби писали, что «вакуум идеалов» порождает циников — людей, «считающих систему (социальную систему, в которой они живут. — *Ю. З.*) столь испорченной и разложившейся, что они для себя в этой системе видят лишь один путь — продаться тому, кто даст больше»[32]. Но такой цинизм, такая готовность приспосабливать свои взгляды, настроения, чувства, черты характера к требованиям бюрократической системы или конъюнктуре ситуации, такая «пластичность» оборачиваются полной аморфностью личности, потерей ею самой себя.

Человек ощущает себя в этом случае простым придатком машины, создаваемой бюрократией. По требованию этой машины он снимает и надевает, как одежду, различные маски, демонстрируя те или иные чувства, взгляды, черты характера. Он подобен актеру, автоматически играющему навязанные ему роли и постепенно утрачивающему внутреннюю целостность и определенность своего индивидуального «Я». Недаром в американской социологии часто употребляется понятие «исполнитель ролей» (role player). Здесь проявляется определенное отличие конформиста от активного карьериста. Для карьериста маска есть нечто, скрывающее его подлинное лицо, его подлинные стремления, которые он надеется реализовать именно при помощи маски. Для него исполнение той или иной роли есть средство реализации своего честолюбия, стремления к продвижению вперед и вверх, к новым и более «интересным» ролям, которые дают более высокий статус и престиж.

Конформист теряет ощущение своей личности, своего «Я». Применительно к нему маска есть не только внешняя видимость, она превращается в его сущность. Данное явление фиксируют американские авторы. Например, Р. Лифтон говорит о распространении в США

---

[32] *Riesman D., Maccoby M.* American Crisis. — «New Left Review», 1960, N 5, p. 7.

типа личности, названной им «протеиновым человеком». Такой человек «своей собственной фигуры не имеет», он аморфен и «принимает различные формы в соответствии с обстоятельствами». Подобный же тип описывает и Р. Тернер[33].

В современной Америке рушится традиционная и очень важная в системе индивидуалистических «ценностей» идея: человек, индивид при всех обстоятельствах должен быть целью, а не средством. Эта идея возникла в эпоху борьбы с феодализмом (она была наиболее четко обоснована И. Кантом). Сегодня сама жизнь, повседневный опыт убеждают американца, что он лишь средство, используемое бюрократической организацией или теми, в чьих руках сосредоточена власть. Осознание этого факта переживается человеком как внутренняя трагедия, порождающая самые болезненные явления, самые разрушительные последствия для его личности. Эта трагедия особенно остро переживается теми американцами, которые ранее ощущали себя хозяевами своей судьбы, которые хранят память о периоде развития свободного предпринимательства. Потеря себя, уважения к себе очень часто порождают болезненные чувства раздражения и озлобленности. Эти чувства могут направляться, переноситься на других людей, приводить к одиночеству. Глубоко прав А. Бродбэк, когда он, оценивая книгу Д. Рисмэна «Одинокая толпа», писал: «Через всю книгу проходит всеподчиняющее болезненное чувство одиночества в американском обществе... Это настроение присутствует почти на каждой странице как настойчивая и печальная мелодия, звучащая за сценой»[34].

Болезненные чувства внутренней пустоты, раздражения и озлобленности, весьма характерные для «конформиста-ритуалиста», утрата уважения к самому себе и потеря себя как личности — эти чувства могут быть обращены прежде всего на самого себя, могут приводить к мести самому себе, к нервным заболеваниям, пьянству, наркомании и, наконец, к самоубийству.

---

[33] *Lifton R. I.* Boundaries: Psychological Man in Revolution. N. Y., 1970; *Turner R.* The Real Self: from Institution to Impulse. — «American Journal of Sociology», 1976, vol. 81, N 5, p. 999.

[34] Culture and Social Character. Glencoe, 1961.

Глава V

Кризис традиционной для США системы ценностей и мятущаяся личность

Конформист, утративший внутренний динамизм, смысл жизни и ощущение собственной индивидуальности, выглядит как своего рода антипод упрямого и последовательного индивидуалиста в традиционном для США варианте. Оба типа внешне выступают как полярные: конформист кажется полным «отрицанием» индивидуалиста, ориентированного на внутреннюю свободу в выборе целей и средств борьбы за личный успех, активно отстаивающего собственную индивидуальность. Но их отношение, рассмотренное конкретно, в историко-социологическом плане, оказывается гораздо более сложным. За отрицанием, полярностью скрывается генетическая и коррелятивная связь этих типов личности.

В США конформист зачастую оформляется в особый тип в результате изменений, совершающихся во внутреннем мире личности, которая была воспитана в рамках индивидуалистической традиции. Превращение происходит по мере становления государственно-монополистического капитализма, бюрократизации основных общественных институтов. Этот процесс совершается в рамках и на основе определенной системы ценностей.

Речь идет о системе ценностей, для которой свобода личности, ее индивидуальность как бы изначально противостоят коллективности. В рамках этой системы ценностей ориентации на индивидуальную самостоятельность, свободу, целостность и активность личности могут в определенной мере сочетаться с внутренним принятием личностью каких-либо форм коллективности и социальной дисциплины, но лишь постольку, поскольку коллективность и социальная дисциплина позволяют личности реализовать ее частные интересы, задаваемые индивидуалистической традицией. За пределами этих

границ любые формы «коллективности» и социальной дисциплины воспринимаются как внешние ограничения, оковы, как утрата индивидуальности, самостоятельности и целостности личности.

Американский капитализм, развивая свойственные ему формы «коллективности», как бы реализует на практике изначально обозначившееся в рамках созданной им системы ценностей дихотомическое противопоставление личности и общества, индивидуальности и «коллективности». Социальные и коллективные связи все отчетливее предстают перед личностью либо в виде стихийных и внешних по отношению к личности законов капиталистического рынка, либо в виде социальных институтов, социальных «норм-рамок», в которых реализуют себя бюрократия и псевдоколлективизм.

Система ценностей, утвердившаяся в США, задает личности соответствующие рамки вйдения и понимания социальных процессов, схему ее внутреннего движения, шкалу оценки и измерения ее основных свойств и характеристик. Эта схема, или шкала, определяет способы объективации реальных импульсов, возникающих в личности, а также, что очень важно, способы осознания и оценки личностью данных импульсов.

На одном полюсе анализируемой шкалы — осознание личностью своей значимости, самой себя как индивидуальности (что прочно ассоциируется с суверенностью, независимостью и свободой, понимаемыми в духе идеализированной и романтизированной индивидуалистической традиции); идеал независимой и суверенной личности, последовательно ориентированной лишь на свои внутренние, спонтанные и совершенно свободные импульсы. На другом полюсе шкалы — осознание личностью ее зависимости не только от государственно-монополистической организации, но и от любых форм «коллективности», зависимости, которая отождествляется с конформизмом и потерей индивидуальности; образ конформиста, «внешне ориентированной личности», определяемой требованиями, которые исходят извне, от авторитарно-иерархической и бюрократической системы: от сил, отчужденных от данной личности, но управляющих и манипулирующих ею.

Задаваемая шкала оценки основных свойств и характеристик личности определяет рамки и механизмы ее внутренней динамики. Личность как бы движется от

одного полюса к другому. В духовном мире личности, чье ви́дение и окружающей действительности, и самой себя определяется данной шкалой, можно обнаружить тенденцию к «маятникообразным колебаниям», вызываемым притяжением и отталкиванием противоположных полюсов. Активизация и оживление сил, на которые опирается индивидуалистическая традиция, вызывают движение личности в направлении восстановления и защиты этой традиции. Как ответная и компенсаторная реакция личности возникает импульс обратного движения: концентрация и рост сил, обеспечивающих и закрепляющих конформизм.

Пока в США сохраняет влияние система ценностей, подчиняющая внутреннюю динамику личности указанной дихотомии, сохраняется борьба сил и тенденций, соответствующих полюсам, создаваемым данной дихотомией. По мере развития и углубления внутреннего кризиса данной системы ценностей эта борьба обостряется, способствуя увеличению амплитуды и резкости колебания во внутреннем мире личности.

Традиционный индивидуалист, одновременно и упрямый и неудовлетворенный, страдающий комплексом неполноценности, чувства которого подавляются и превращаются в конформистские, естественно, оказывает сопротивление. Увеличивая энергию протеста, он вновь и вновь пытается утвердить себя, набрать силу или хотя бы как-то и в чем-то компенсировать свою слабость. Он ищет новые способы и каналы самоутверждения, новые средства самовыражения. Эти поиски заводят личность в тупик, приводят к возникновению новых кризисных для нее ситуаций. Тогда у личности появляется стремление снова восстановить, обрести, укрепить свою связь с социально значимыми, «коллективными», организованными формами жизни и деятельности. Однако в условиях государственно-монополистической бюрократии эта связь зачастую приводит к конформизму и утрате личностью сознания своей индивидуальности. И тогда личность, неудовлетворенная в своих стремлениях, вновь может начать движение в противоположном направлении.

В результате «маятникообразных колебаний» появляются различные социально-психологические состояния личности, а также противоречивые идейные и политические позиции, в которых нередко находят превращенное

и причудливое выражение как несчастное конформистское сознание, пытающееся компенсировать свою внутреннюю пустоту, так и неудовлетворенный индивидуализм, пытающийся вновь утвердить себя. Данные социально-психологические состояния личности и идейно-политические позиции оформляются, противоборствуют, амбивалентно (т. е. при помощи резких колебаний) сменяют и разрушают друг друга, оставаясь в рамках той же системы ценностей и одновременно отражая ее внутренний кризис. Как говорится, и «устарела старина и старым бредит новизна».

Приступая к анализу различных состояний личности, которая испытывает на себе влияние углубляющегося кризиса традиционной для США системы ценностей, мы хотели бы обратить внимание на некоторые обстоятельства.

Как было показано выше, в сфере институционализированной (в рамках государственных ведомств и корпораций) деятельности все более подавляются и остаются неудовлетворенными те индивидуалистические стремления и мечты, которые все еще свойственны многим рядовым американцам. Именно в сфере институционализированной деятельности в США все более широко и настойчиво утверждает себя бюрократия, насаждающая конформизм. Любая институционализированная в массовых масштабах и сложных формах организованная деятельность в сознании многих рядовых американцев начинает все более прочно ассоциироваться с вынужденной необходимостью для человека демонстрировать взгляды и чувства, лично ему не свойственные, принудительно навязанные извне, т. е. с утратой подлинного «Я». В сознании таких людей закрепляется дихотомическая схема, в рамках которой идея и принцип подлинного «Я» четко противостоят идее и принципу институциональности, организованности вообще. Последние приобретают негативный смысл и вызывают соответствующее отношение личности.

Складываются два типа ценностной ориентации. Для ориентации первого типа характерно принятие, одобрение принципов и идей институционализации, организации, для ориентации второго типа, напротив, отрицание и осуждение их. Данные типы ценностных ориентаций как взаимоотрицающие и взаимоисключающие превращаются в своего рода противоположные полюсы, вокруг

которых как бы создаются разнонаправленные силы и идейно-психологические напряжения.

Подобная дихотомическая схема, прочно укорененная в сознании личности и превратившаяся в ее структурообразующий элемент, нашла отражение в работах многих ведущих философов, социологов и социальных психологов в США. Она, например, хорошо описана известным американским социологом Р. Тернером. Опираясь на многочисленные данные исследований сознания людей в США, он констатирует, что в стране широко распространено следующее убеждение: когда системе институциональных рамок не свойствен порядок, «когда на нее нельзя положиться, когда она утрачивает авторитет... подлинное «Я» не может быть обретено посредством участия в институциональной деятельности»; оно может быть обретено за пределами институциональной структуры и связано только с полным отрицанием всех ее требований [1].

Личность, чей горизонт ограничен подобной дихотомической схемой, чье сознание колеблется и мечется между полюсами описанных идейно-психологических напряжений, — такая личность неспособна дифференцированно оценить противоречивые процессы и тенденции, свойственные современной государственно-монополистической организации в США. Речь идет о противоречии производственных отношений и производительных сил, воплощенном в данной организации. Дело в том, что организация эта связана с классовой структурой, со структурой отношений собственности и власти, борьбы и конкуренции. Одновременно она связана и со структурой производительных сил, развивающихся в направлении все большего обобществления, развития сложных форм кооперированной трудовой деятельности. Государственно-монополистическая организация реализует объективные потребности современного производства, опирающегося на сложную систему разделения и интеграции общественно необходимого труда, в системе институтов, которые воплощают классовые авторитарно-бюрократические, мнимо коллективистские отношения.

Личность, в сознании которой прочно укоренилась дихотомическая структура, рожденная кризисом традицион-

---

[1] *Turner R.* The Real Self: from Institution to Impulse. — «American Journal of Sociology», 1976, vol. 81, N 5, p. 1005.

но-индивидуалистической культуры, не может дифференцировать отмеченные противоречивые тенденции, воплощенные в господствующих формах институциональной организации. Она не в состоянии оценить необратимость исторического процесса развития кооперированного коллективного труда. Она не готова к поискам институциональных организационных форм, которые соответствовали бы этому развитию и одновременно являлись бы альтернативой по отношению к формам, созданным государственно-монополистическим капитализмом.

Описанная дихотомическая структура сознания толкает личность, стремящуюся обрести подлинное «Я», на путь тотального отрицания самого принципа институционально-организованной деятельности, анархического отрицания любых форм такой деятельности как якобы абсолютно несовместимых с поисками подлинного «Я». Есть и еще один важный аспект. Такая личность связывает принцип рациональности исключительно с отрицаемыми ею институциональными структурами. В результате возникает убеждение, что любые формы рациональности противостоят самой возможности обрести подлинное «Я».

Подобная структура сознания делает для личности невозможным выяснение объективной противоречивости и социальной ограниченности бюрократических форм организационной рациональности, которые применяются и реализуются государственно-монополистическим капитализмом в США. Остается скрытым факт, что такие формы организационной рациональности функционально не только подогнаны к потребностям современного производства, но и обеспечивают классовые привилегии, сохранение авторитарно-иерархических структур власти. За функционально-рациональной организацией скрывается объективная иррациональность капиталистического рынка, конкурентная борьба частных интересов, правящих классов за сохранение власти, за право на эксплуатацию масс людей и манипуляцию их действиями и сознанием.

В рамках рассматриваемой дихотомической структуры сознания личности альтернативой бюрократической рациональности становится антирациональность, или иррациональность. Поиски подлинного «Я» кажутся личности возможными, если она преодолеет свою зависимость — как внешнюю, так и прежде всего внутрен-

нюю — от любых рационально организованных форм коллективного действия. Свобода, суверенность, индивидуальность в сознании личности начинают ассоциироваться с действием, воплощающим лишь ее внутренние стихийные и спонтанные эмоциональные импульсы, «освобожденные» от влияния рациональности в любых ее формах.

Начиная с конца 60-х годов такая личность стала типичной для США, что подтверждается многими наблюдателями. Р. Тернер замечает, что «в ходе последних нескольких десятилетий произошел существенный сдвиг, проявившийся в перенесении акцента с институциональности на импульс». Тернер подчеркивает, что в борьбе против бюрократического конформизма, нивелировки, самоотчуждения личности в системе бюрократии обнаружилась тенденция реабилитировать и даже романтизировать спонтанные, стихийные эмоциональные импульсы и аффекты, объявлять их главными символами подлинного «Я». Он отмечает, что «эта тема была важной для молодежных движений 60-х годов»[2].

Многочисленные социологические исследования подтвердили, что для США типичны охарактеризованные нами здесь смещения личностных ориентаций, особенно в среде молодежи. Например, Л. Зурчер, проводивший в 1973 г. обследование студентов, ввел два типа реакции. «Реакция типа В», согласно определению Зурчера, означала, что объект исследования «идентифицировал себя с различными институциональными ролями и статусами». «Реакцией типа С» он обозначил такую, в рамках которой личность (или «Я») считается способной и склонной демонстрировать спонтанность эмоциональных импульсов и желаний. Вывод Зурчера состоял в том, что студенты гораздо реже, чем раньше, обнаруживали «реакцию типа В» и все чаще демонстрировали «реакцию типа С»[3].

Комментируя данные подобных исследований, Р. Тернер констатировал, что все большее число молодых людей и студентов ищут и находят удовлетворение в деятельности, протекающей вне рамок существующих организаций и институтов. Он замечал, что такая тенденция

---

[2] Там же, с. 997, 998.

[3] *Zurcher L.* Alternative Institutions and the Mutable Self: an overview. — «Journal of Applied Behaviour, Sciences», 1973, N 9, p. 369—380.

обнаруживается, в частности, в любопытном факте: при первой встрече молодые американцы предпочитают не спрашивать друг друга, каким делом они занимаются. Вместо этого выясняют индивидуальные вкусы, непосредственные чувства и чисто субъективные переживания, импульсивно возникающие по поводу окружающих явлений [4].

Как мы уже показали, описываемая тенденция эволюции личностных ориентаций связана с отрицанием бюрократического конформизма, соответствующей ему ориентации на статус, на участие в деятельности существующих в США организаций и институтов. Такое отрицание нередко проходит под лозунгом борьбы за свободу и суверенность индивида, против зависимости от любых форм социальной организации и дисциплины. Личность, стремящаяся реализовать этот лозунг, как бы совершает внутреннее движение назад, к индивидуализму, пытаясь реабилитировать, восстановить и заново утвердить установки традиционного индивидуализма.

Но это — индивидуализм иного типа. Он существенно отличается от предпринимательского индивидуализма классического американского образца. Традиционный индивидуализм, как подчеркивалось, был четко ориентирован на личный успех, объективированный в наличии богатства и реальной власти. Институционализация богатства, власти, престижа, т. е. их закрепление в системе социальных институтов и организаций, имела для традиционного индивидуалиста-предпринимателя очевидную ценность. Бюрократический конформизм означал подавление свободы личности. Спонтанные импульсы, чувства и поступки личности он поставил в зависимость от интересов и требований бюрократии.

При отрицании бюрократического конформизма оформляется ориентация личности на абсолютно свободное проявление индивидуального спонтанного стихийного импульса, непосредственного чувствования, противостоящих всякому институционализированному, рационально организованному действию. Внешне эта ориентация проявляется как попытка восстановления индивидуализма, но по своей сути она есть продукт кризиса идеалов традиционного, «классического» американского

[4] *Turner R.* The Real Self. — «American Journal of Sociology», 1976, vol. 81, N 5, p. 999.

индивидуализма, а также прагматически-предпринимательского рационализма и бюрократической функциональной рациональности. Наконец, через эту ориентацию проявляется утрата доверия американцев не только к традиционным буржуазным институтам, рожденным практикой свободного предпринимательства и конкуренции, но и к новым институтам, представляющим бюрократические суррогаты «коллективности» в системе государственно-монополистического капитализма.

Личность, питающая недоверие к основным господствующим институтам, с полным основанием не видит практической возможности обрести подлинное «Я» в борьбе за богатство и власть, за достижение более высокого статуса и официально выраженного престижа. Она не видит возможности реализовать себя как личность в объективированных формах, санкционированных основными институтами, которые господствуют в экономике и в других основных областях социальной действительности. И неудивительно, что в сознании личности дихотомическая полярность индивид — общество, задаваемая традиционной системой ценностей, существенно видоизменяется, приобретает иной вид.

На одном полюсе, как бы помеченном отрицательным знаком, оказываются все основные институционально оформленные виды социальной деятельности. Все вместе они рассматриваются как некая негативно оцениваемая сфера, именуемая «общественной» жизнью (public life). На другом полюсе — ему как бы присваивается положительный знак — сосредоточивается сфера «частной» жизни индивида (private life). «Общественная» жизнь отождествляется с отсутствием индивидуальной свободы, с репрессивностью бюрократии и системой манипуляции личностью, с суррогатами «коллективности», с рутиной, ритуализмом, принудительным конформизмом и потерей индивидуальности. Напротив, «частная» жизнь ассоциируется с индивидуальной свободой, свободой проявления спонтанных личностных импульсов и эмоций, с возможностью найти подлинное «Я».

Возникает тенденция рассматривать «частную» жизнь как сферу, где личность может компенсировать себя за лишения, неудовлетворенные стремления и болезненные чувства, которые неизбежно сопровождают ее участие в «общественной» жизни. Эта тенденция достаточно полно выявлена и описана многими американски-

ми социологами, социальными психологами, историками и т. д. В их работах нередко подчеркивается, что такое состояние характерно не только для «обыденного» сознания многих рядовых американцев. Оно находит выражение в теоретической мысли, в художественной литературе, в деятельности таких важных социальных институтов, как институты массовых коммуникаций.

Эта тенденция, по убеждению многих американских авторов, типична для современного американского общества в целом. П. Бергер и его коллеги, соавторы книги «Бездомное сознание», пишут: «Предлагаемое современным обществом решение проблемы, связанной с чувствами неудовлетворенности, заключалось в создании сферы частной жизни — специфического и в значительной мере обособленного сектора социальной жизни... Сфера частной жизни служит своего рода механизмом создания баланса, механизмом, который используется для того, чтобы жизни и деятельности придавать смысл, чтобы компенсировать чувства неудовлетворенности, которые вызываются основными структурами современного общества»[5].

Характеризуя неудовлетворенность, которую вызывает у рядового американца его включенность в социальные институты, господствующие в экономике, управлении, политике и т. д., П. Бергер говорит прежде всего о сознании «бездомности»[6]. Это — сознание человека, чувствующего себя одиноким, «бездомным» в неуютном и отчужденном от него мире гигантских бюрократических организаций, которые используют его в своих интересах, манипулируют им и его чувствами, подавляют его индивидуальность.

Такой человек мечтает найти убежище, обрести свой «дом» в сфере «частной» жизни, «дом», в котором он был бы хозяином и которым мог бы управлять свободно, повинуясь лишь своим внутренним спонтанным склонностям и эмоциям. Понятием «частная» жизнь обозначаются быт и личное потребление, досуг и развлечение, семейные отношения, отношения между полами, наконец, отношения соседства и дружбы, словом, все

---

[5] *Berger P.* a. *o.* The Homeless Mind, p. 185—186.

[6] Понятием «бездомность» на протяжении нескольких десятилетий широко пользовались экзистенциалистские философы и писатели.

межличностные отношения, опирающиеся на симпатии и склонности субъектов. Однако надежды обрести подлинное «Я» в понимаемой таким образом «частной» жизни, едва возникнув, рушатся. И это не удивительно.

Все важнейшие стороны и измерения человеческой жизни в современном обществе зависят от состояния общественного организма в целом, от характера господствующей в нем системы социальных отношений. Они оказываются зависимыми от институционально-организованных форм социальной деятельности. Кроме того, на сферу быта, на межличностные, в том числе интимные, отношения оказывает влияние идейно-психологическая атмосфера, которая характерна для общественной жизни в целом. Очень проблематична возможность сделать «частную» жизнь убежищем от напряжений и проблем, возникающих в жизни «общественной». Это, кстати, хорошо понимают некоторые американские социологи.

Так, П. Бергер и его соавторы констатируют, что чувства неудовлетворенности, обычно ассоциируемые с институционально-организованными сферами общественной жизни, «обнаруживают весьма неприятную тенденцию вновь возникать в сфере «частной» жизни. В своей «частной» жизни индивиды настойчиво продолжают конструировать и реконструировать убежища, которые они воспринимают как свой «дом». Но холодные ветры «бездомности» снова и снова угрожают этим хрупким убежищам»[7].

Заметим, что Бергер и его соавторы не симпатизируют стремлению тех американцев, которые пытаются найти в «частной» жизни спасение от требований господствующей социальной организации. В этих стремлениях они усматривают опасность анархо-индивидуалистического бунтарства и даже выражают недовольство по поводу «недостаточной институционализации» сферы «частной» жизни в США. Сегодня подобное недовольство особенно явно высказывают многие американские идеологи, которые по своим политическим позициям примыкают к группе так называемых неоконсерваторов. (О них мы более подробно расскажем во II части работы.)

Растущие антиконформистские устремления многих

---

[7] *Berger P.* a. o. The Homeless Mind, p. 188.

американцев беспокоят не только идеологов. Основные господствующие институты и бюрократические организации, которые в США получили обобщенное название «истеблишмент», действуют так, чтобы обеспечить свое влияние на быт, семью, досуг, на различные формы межличностного общения индивидов. Поэтому институционально-организованный конформизм, от которого личность пытается убежать, постоянно ее настигает, вынуждая изыскивать новые формы «эскейпизма», отчуждения.

Для защиты своего «Я» от принудительного конформизма люди стремятся создать различного рода межличностные связи, которые, однако, легко поддаются влиянию того же конформизма. Особенно явно происходит конформизация межличностных связей, если они объективируются в виде сколько-нибудь устойчивых образований, закрепляются организационно. Стихийный протест против этого процесса рождает крайне экстремальные варианты антиконформистского сознания. Носители его убеждены в том, что последним прибежищем для личности может стать только она сама и только тогда, когда индивид освободится от каких бы то ни было организационно закрепленных и объективированных связей, причем не только с институтами, но и с другими людьми. Возникает представление, что последним прибежищем индивидуальной свободы и сферой, где еще можно найти подлинное «Я», является лишь внутренний, духовный мир личности. При этом предполагается полное «освобождение» этого внутреннего мира от влияния объективированных форм и рационально организованных способов действия. Надежды возлагаются, стало быть, на субъективные, спонтанные, стихийные эмоциональные импульсы, на непосредственно возникающие, сменяющие друг друга и исчезающие влечения и побуждения.

Подобное сознание — одна из экстремальных форм проявления неудовлетворенного, подавленного и мечущегося сознания индивидуалиста. В этом сознании традиционна дихотомическая схема, в которой индивидуальное противопоставляется социальному, приобретает такой вид: на одном полюсе оказывается субъективный спонтанный импульс индивида, на другом — все объективированные связи людей, и институционально-социальные и межличностные. Противопоставление полюсов получает здесь более четкое, так сказать, экстремальное

выражение: полюса расходятся, увеличивая амплитуды возможных колебаний личности.

Некоторые ведущие американские идеологи понимают, что здесь находит свое выражение кризис традиционной системы ценностей, или кризис культуры американского общества. Например, Д. Белл начинает свою статью «По ту сторону модернизма, по ту сторону «Я»» с рассмотрения типа культуры, который возник в начале XX в. На Западе его иногда называют культурой «модернизма» (речь идет о культуре, представленной прежде всего экспрессионизмом, сюрреализмом, эстетическими и нравственными позициями, выраженными философией экзистенциализма, и т. п.). Д. Белл поднимает интересный вопрос о связи «модернизма» с традиционной буржуазной культурой, которая в США к середине XIX в. стала господствующей. Согласно интерпретации Белла, для традиционной американской культуры были характерны культ рассудочности и функциональности, прагматизм, ориентация личности на самоограничение, самодисциплину.

«Модернизм» противопоставил традиционным ценностям американской культуры «свободный» субъективизм индивидуального «Я», спонтанный эмоциональный порыв личности, ее право выйти за рамки институционально-организованных и рационально обдуманных форм жизни и деятельности. Д. Белл считает, что в современной Америке распространено специфическое сознание, или настроение, которое он называет «постмодернистским». По основным установкам оно близко к «модернизму» и является как бы его упрощенным и экстремальным вариантом. В основе его лежит убеждение в том, что «только импульс и удовольствие реальны и только на них опирается жизнь», что «разум — враг, а желание тела — истина», что «объективное сознание обманывает и только эмоция имеет смысл» [8].

«Постмодернистское» сознание, по Д. Беллу, характерно для достаточно широких слоев рядовых американцев. «Постмодернизм» вызывает углубление кризиса традиционной культуры. В результате, как отмечает Д. Белл, создается почва для «разрушения авторитета», возникает проблема «легитимности», т. е. признания чле-

---

[8] *Bell D.* Beyond Modernism. Beyond Self. — Arts, Politics and Will. N. Y., 1977, p. 232.

нами общества законности социальной организации, как таковой[9]. Утрачивают авторитет основные социальные институты и система «рациональных» принципов и аргументов, из которых данные институты исходят и при помощи которых они оправдывают свою деятельность.

Но абсолютное отрицание любых форм институционализированной, рационально организованной, ограниченной рамками дисциплины социальной деятельности не дает возможности личности действительно полно ощутить собственную значимость и целостность. Такое отрицание закрывает ей путь к формированию социально значимых жизненных целей, которые позволили бы ей осознать свою роль в историческом процессе, свое место в обществе. Без социально значимых целей личность не может обрести внутреннюю целостность и определенность. Без них духовная жизнь личности легко может свестись к хаосу, к борьбе отдельных эмоциональных импульсов, дискретных и амбивалентных, стихийно возникающих, сменяющих друг друга или сталкивающихся.

Подобное состояние личности в американской психологической литературе нередко называется ее «фрагментацией». Оно было подробно описано, например, Г. Хендиным, исследовавшим духовную жизнь и психическое здоровье американских студентов. По определению Хендина, «суть фрагментации — в ощущении, что жизнь и отношения человека представляют собой простое чередование данных чувственного опыта — без смысла или цели». «Фрагментация», считает Хендин, оборачивается «деперсонализацией», уничтожением личности как устойчивой динамической целостности[10].

Субъектом этого процесса как будто остается индивидуалистически ориентированная личность: ведь это она стремится в стихии индивидуальных импульсов найти средство преодоления «внешней ориентированности». Однако конечное состояние личности, возникающее в результате «фрагментации», очень похоже на состояние «внешне ориентированной» личности. Оно также характеризуется «вакуумом» социально значимых целей; личность утрачивает внутреннюю устойчивость. Когда личность ориентируется на свободное проявление эмоциональных импульсов, тогда ее духовная жизнь легко мо-

---

[9] Там же, с. 233, 250, 251.
[10] *Hendin H.* The Age of Sensation, p. 7, 16.

жет свестись к простому реагированию на стихию импульсов. Они как будто возникают внутри самой личности, но по сути дела не контролируются ею сколько-нибудь сознательно и целенаправленно.

Личность становится «внешне ориентированной», поскольку ее спонтанные, будто бы стихийные и субъективные импульсы на деле зачастую объективно обусловлены теми или иными внешними обстоятельствами, реальными ситуациями, в которые личность попадает. Когда индивид прикован к стихии своих эмоций, он тем самым оказывается во власти и другой стихии — объективных социальных процессов, в которые он включен помимо своей воли. Приходится говорить именно о стихии: ведь индивид, как мы помним, отказался от средств рационального познания этих процессов и участия в социально организованном контроле над ними. В результате личность может еще более остро ощущать свою беспомощность и слабость перед стихией социальных процессов, а именно эти ощущения по сути дела вызывали ее бегство в мир внутренних субъективных импульсов.

Описываемая нами личность, правда, все же пытается преодолеть свою зависимость от этой стихии, как бы оградить свой эмоциональный мир от ее влияния. Характеризуя подобные попытки личности, американские психологи обнаружили очень противоречивые установки и стремления. С одной стороны, личность данного типа стремится всячески обогатить, активизировать и интенсифицировать свою внутреннюю эмоциональную жизнь, поскольку только в ней она видит убежище от разочарований, которые приходится испытывать при столкновении с объективной социальной реальностью сегодняшней Америки. С другой стороны, она, страшась возможных разочарований, стремится избежать каких-либо глубоких и прочных личностных эмоциональных связей, объектами которых могли бы стать как социальные явления и внешние предметы, так и другие люди. Г. Хендин наблюдал у исследуемых им молодых людей желание воспитать в себе равнодушие к окружающим событиям, фактам и людям. Они стремятся воспитать в себе «равнодушно-отчужденное» отношение (uncaring resignation), эмоциональную «холодность», «ограждающие» личность от болезненных переживаний и разочарований, которые, по убеждению такой личности, как

раз и возникают в результате глубокой привязанности к чему бы то ни было.

Эта установка особенно четко проявляется в отношении данной личности к другим людям. Личность, вырывающаяся из рамок бюрократических институционально-организованных отношений, естественно, тяготеет к отношениям межличностным, к дружбе и любви. Вместе с тем ей свойствен глубокий страх перед сложностью межличностных отношений. Человек опасается попасть в прочную зависимость от других людей. Болезненный, обостренный индивидуализм и эгоцентризм такого человека, его страх перед любыми организованными формами общения переносится и на интимные отношения с самыми близкими людьми: родителями, друзьями, лицами другого пола. Г Хендин отмечал характерную особенность установок такой личности: она хотела бы обрести способность по своему желанию в любой момент то «включать свои эмоции», то «выключать их», если они угрожают ее душевному спокойствию и влекут за собой беспокойные, а тем более болезненные состояния [11].

Таким образом, личность, которая как будто делает главным лозунгом своей жизни свободу и спонтанность собственных эмоций, одновременно ограничивает и подавляет их. Человек при этом не замечает, сколь велико его родство с нелюбимым им традиционным индивидуалистом-предпринимателем; ведь последний также ограничивает и подавляет любые «дисфункциональные» внутренние эмоции во имя прагматических целей успеха. Не менее явным оказывается и родство с ненавистным конформистом, который тоже манипулирует своими эмоциями по воле начальства или в угоду бюрократии.

Г. Хендин специально подчеркивал, что типичной чертой рассматриваемой личности является ее склонность к манипуляции своими эмоциями. Он показывает, как молодые люди, резко выступавшие против всяких попыток программирования их жизни, их эмоций извне, пытались сами «программировать» собственные эмоции. Они надеялись, порой бессознательно, достичь такой эффективности программирования, которая напоминала кибернетическую машину [12]. Г. Хендин в этой связи говорит о «новом рационализме», который в личности этого

[11] Там же, с. 7.
[12] Там же.

типа противоречиво сосуществовал с отрицанием «рациональности», как таковой, с культом спонтанного эмоционального импульса.

Данное противоречие особенно подробно анализировалось Г. Хендиным применительно к половым отношениям исследуемых им молодых людей. Именно в этой сфере отмеченное противоречие остро проявлялось и давало болезненные результаты. Молодые люди, отмечал социолог, придают огромное значение половым отношениям. Они рассчитывают в их сфере реализовать свободу внутренних спонтанных импульсов, обрести остроту и богатство внутренних эмоций, способных компенсировать отсутствие социально значимых целей, бессмысленность индивидуального существования и негативное влияние внешних бюрократических связей. Они решительно восстают против ханжества «пуританской» морали. Но их постоянно мучает страх, что они будут слишком глубоко эмоционально затронуты и испытают болезненные разочарования. Молодые (и не только молодые) американцы, искренне мечтающие о свободной реализации своих внутренних импульсов в сфере половых отношений, вместе с тем боятся попасть в зависимость от глубокой и прочной внутренней привязанности к другому человеку. Поэтому они предпочитают непосредственные чувственные ощущения.

Как пишет Г Хендин, «они стремятся открыть тело для чувственных стимуляций, но без интимности и эмоциональной привязанности»[13]. Опрашиваемые Г. Хендиным молодые люди сами вынуждены были признать, что бегство от глубоких человеческих привязанностей притупляет остроту ощущений; они изнашиваются, или, как пишет Хендин, «деревенеют» и «немеют». Возникает потребность в постоянном внешнем стимулировании чувственности, которое в конце концов истощает и притупляет способность к сильным эмоциям. Начинает быстро возрастать зависимость личности от внешних стимуляторов эмоций, от средств искусственного возбуждения тех самых чувств, на спонтанность и свободу которых так рассчитывала данная личность в поисках своего подлинного «Я». И тогда наиболее сильными, «радикальными» средствами становятся алкоголь, разного рода наркотики. Половые связи в их особых формах могут

---

[13] Там же, с. 9.

играть для личности роль наркотиков, становясь в этом случае необходимостью. Наркотизирующий эффект дают и многие коммерчески организованные развлечения и зрелища, особенно те, которые включают демонстрацию насилия и секса.

Но применение наркотиков в конечном счете лишь усиливает внутреннюю противоречивость, раздвоенность описываемой личности, нередко приводя ее к душевным заболеваниям. Болезненные состояния, которые являются результатом душевной опустошенности, глубокой депрессии и «смерти эмоций», по данным Г. Хендина, часто ведут к самоубийству. «Тяга к смерти часто является результатом жизни, характеризуемой смертью эмоций». Г. Хендин отмечает связь процесса «фрагментации» личности с утратой «надежды и веры в будущее», с сознанием «собственного бессилия», с «видением мира как западни» — все эти явления, по его мнению, типичны не только для студентов, но и для других слоев населения США [14].

Итак, попытки личности вырваться из-под контроля господствующих институтов путем бегства в мир субъективных, освобожденных от рациональности эмоциональных импульсов не дают желаемых результатов. Совершив полный цикл движения в таком направлении, пережив все стадии «фрагментации», личность нередко начинает движение в обратном направлении: она стремится преодолеть духовную пустоту, более активно участвуя в организованной деятельности. Но на этом пути она снова встречается с формами авторитарно-бюрократической организации. Они вызывают протест и вновь оживляют стремление ускользнуть от их влияния. Так и совершаются колебания, метания личности между полюсами, созданными эволюцией господствующей традиции. Но процесс колебаний, увеличивая амплитуды, объективно и неуклонно истощает и разрушает саму эту традицию. Постепенно и неотвратимо мысли и чувства многих американцев существенно обновляются. Конечно, данный процесс идет с разной степенью глубины и интенсивности в зависимости от того, протекает ли он стихийно или испытывает влияние новой идеологии, которая содержит реальную альтернативу системе ценностей американского капитализма.

---

[14] Там же, с. 11.

* * *

Можно ли обнаружить во взглядах, настроениях и чувствах рядовых американцев, причем даже тех, кто сегодня еще не включился активно и сознательно в антикапиталистическое движение и не испытал глубокого влияния социалистической идеологии, признаки действительного обновления? Да, можно, и это подтверждают различные исследования и опросы общественного мнения. Прежде всего рассмотрим различные следствия процесса постепенного разрушения общей модели жизненного успеха, которую, как уже отмечалось, называют «американской мечтой». Один из наиболее влиятельных журналов США, «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт», пишет: «Люди изводят себя чувством, что американская мечта сводится для них на нет»[15]. Речь нередко идет не только об осознании иллюзорности и недостижимости для все большего числа американцев тех идеалов и жизненных целей, которые объединяются термином «американская мечта», но и о существенных изменениях в идеалах и целях личности.

Часть наблюдателей отмечают, что многие американцы изменили отношение к деньгам; деньги для них перестают выступать в виде некоего общего и главного символа жизненного успеха, в виде некоей универсальной ценности, занимающей ведущее место в системе ценностей. Д. Янкелович, обследуя изменение ценностных установок учащейся молодежи и студентов, счел типичным факт «обесценивания денег и идеала успеха». В ходе проведенного им опроса только 18% указали на деньги как на «очень важную ценность». Опрос проводился в 1972 г., в годы подъема студенческого движения протеста, которое затем, как известно, пережило период спада. Но уже тогда Д. Янкелович высказал предположение, что некоторые тенденции, четко обнаруженные в среде студентов, затем проявятся в более широких масштабах и повлияют на общественное мнение всей страны. И действительно, проведенные Д. Янкеловичем в 1976—1977 гг. общенациональные опросы общественного мнения показали, что деньги в иерархии ценностей отодвинулись на 9-е место (всего 31% американцев объ-

---

[15] «U. S. News and World Repport», 8 May, 1978, p. 19.

явили их «важной ценностью»)[16]. Первые места на шкале ценностей заняли: образование, самовыражение личности в процессе труда, хорошая семья и дети и др. Здесь следует уточнить, что речь идет именно об общей, так сказать, идейно-символической ценности и значимости денег, ибо в современной Америке деньги, конечно, остаются средством существования, получения всех жизненных благ.

Целый ряд общенациональных опросов общественного мнения, в частности проведенных Д. Янкеловичем и Л. Харрисом, позволил им говорить об общей тенденции постепенного разрушения традиционной ориентации — погони за символами «материального благосостояния» и «потребительского успеха». Такой вывод регулярно делает Л. Харрис начиная с 1975 г., когда впервые большинство опрошенных согласились с общим утверждением, что «американцы чрезвычайно материалистичны, испорченны и расточительны»[17]. Подобные факты в США нередко обозначают термином «девальвация материализма» (слово «материализм», как известно, в США особенно часто употребляется не для обозначения партии в философии, а для фиксирования специфической ориентации личности прежде всего на символы материального благосостояния и «потребительства», на деньги и вещи).

Многие опросы и социологические исследования показали, что акцент ныне переносится на духовные характеристики жизни. Согласно одному из опросов Л. Харриса, 79% опрошенных считают гораздо важнее, чтобы люди научились жить, основываясь на более значимых ценностных характеристиках жизни, чем высокие стандарты потребления. 63% опрошенных американцев высказали мнение, что важно научиться рассматривать в качестве главных целей не «материальные ценности», а человека, являющегося высшей ценностью. 66% хотят, чтобы большее значение в США придавалось «возврату к более очеловеченному существованию»[18]. И хотя сам Л. Харрис не очень уверен, что эти

---

[16] *Yankelovich D.* Skelly and White ink. The General Mills American Family Repport: 1976—1977. — The Raising Children in a Changing Society. N. Y., 1977, p. 73.

[17] «The Harris Survay», 4 Dec., 1975

[18] The Changing Shape of Politics. Remarcs by Harris L. (Washington) 27 Sept., 1977, p. 6.

мнения американцев, выраженные в довольно общей и абстрактной форме (с частым использованием выражений «было бы хорошо», «следовало бы» и т. п.), отражают их практические, жизненные установки, их реальную готовность изменить цели, стиль повседневной жизни, он тем не менее считает такие мнения важным показателем процессов идейно-психологического обновления.

Ведущие специалисты по изучению массового сознания в США склонны по-разному объяснять подобные процессы. Многие из них, например Д. Янкелович, считают их следствием достигнутого в США высокого уровня производства: люди исходят из того, что в их распоряжении уже имеются основные и необходимые условия материального благополучия и потребления, а потому концентрируют внимание на потребностях более высокого плана. П. Ингльхарт идет еще дальше: он связывает тягу к духовным ценностям с тем, что общество якобы вступает в «постиндустриальный» период развития [19].

Л. Харрис и другие, напротив, выводят сегодняшние «антиматериалистические» настроения американцев главным образом из того, что многие из них понимают, насколько трудно реализовать ожидания на повышение материального благосостояния в условиях роста инфляции и экономических трудностей. Они приходят к выводу, что следует ограничивать потребление, экономить да и вообще «понижать» жизненные, материально-экономические ожидания.

И те и другие в определенной степени правы: на усиление значимости духовных ценностей могут влиять и степень материального благосостояния, и, наоборот, кризисные ситуации в экономике. Однако куда более важно другое: разрушение системы ценностей, традиционных для американского капитализма. Это касается основных ценностей (денег, богатства, статуса, власти), с помощью которых формировалась определенная концепция жизненного успеха, мотивировалась жизнедеятельность личности, стимулировалась ее энергия.

И не случайно многие американские исследователи апологетической или консервативной ориентации с явным беспокойством констатируют разрушение традици-

---

[19] *Inglehart P.* The Silent Revolution. Princeton (New Jersey), 1977.

онной модели успеха и ценностей, составляющих ее ядро. П. Бергер, например, с грустью отмечает «отреченность от успеха, который служил главным мотивом индустриального действия в современном обществе». При этом он имеет в виду тот факт, что успеху дается «негативное определение... отнесенное прежде всего к честолюбию и желанию добиться статуса, богатства, власти»[20]. Б. Демотт очень озадачен «несогласием с религией успеха». Симптомы, или «сигналы», этого процесса, как он считает, все чаще можно наблюдать в США[21]. Наконец, Р. Уильямс, давая общую характеристику американского общества, пишет: «Существует немало свидетельств того, что явно выраженный акцент на достижение успеха в течение последних десятилетий уменьшает свое влияние»[22].

Как уже отмечалось, разрушение традиционной модели успеха отнюдь не всегда сопровождается формированием новых целей и мотивов деятельности. Однако есть много данных, говорящих о том, что разрушение старой системы мотивации расчищает пути для формирования новых личностных мотивов. В этой связи, например, интересны исследования динамики мотивов, побуждающих к труду. Исследователи прежде всего сталкиваются с фактами, свидетельствующими о неудовлетворенности многих американцев своим трудом. Согласно опросу общественного мнения, проведенному Дж. Гэллапом в конце 1976 г., меньше половины их (49%) заявило о высокой степени удовлетворенности трудом[23].

Неудовлетворенность трудом вызывается многообразными причинами. С одной стороны, сказывается истощение и разрушение традиционных мотивов: многие американцы, все еще верные индивидуалистической традиции, объективно превращены в наемных работников корпораций; они не в состоянии реализовать идеалы свободного предпринимательства, надежды на продвижение вверх по лестнице богатства и власти, а потому теряют интерес к исполняемой ими работе. С другой стороны, реальная неудовлетворенность трудом в США показывает, что в сфере труда не реализуются и новые,

---

20 *Berger P.* a. o. The Homeless Mind, p. 207, 208.
21 The Americans: 1976, p. 322.
22 *Williams R.* (jr) American Society, p. 455.
23 «The Gallup Poll», 16 Dec, 1976.

отличные от традиционных ценностные установки, жизненные ожидания и мотивы. Например, недовольство многих американцев характером непосредственно выполняемого ими труда объясняется его монотонностью и рутинностью. Недовольство это увеличивается по мере роста образовательного уровня населения, притязаний на труд разнообразный, интересный, включающий все больше элементов творчества.

Неудовлетворенность трудом иной раз является следствием того, что многие люди в США еще не ощущают его важности и социальной значимости. «Отчуждение» от труда во всевозрастающей мере вызывается и тем, что труд является принудительным. В США имеет место осознание все большим числом людей того факта, что «на производстве с ними обращаются как с полностью подчиненными существами в соответствии с типично авторитарной структурой современной экономической жизни»[24]. Наконец, труд с полным основанием рассматривается все большим числом американских рабочих и служащих как сфера эксплуатации, что усиливает их неудовлетворенность трудом.

Однако в процессе труда происходит складывание новых ценностных установок. Растет понимание того, что труд может и должен быть основной сферой становления личности, формой развития ее внутреннего потенциала. В труде личность все чаще и настойчивее начинает искать способы самовыражения, самореализации. Так, по данным одного из опросов работающей молодежи, 44% опрошенных на первый план в иерархии мотивов к труду поставили не заработок, а «самовыражение»[25]. Рабочие США все чаще выступают не только за улучшение своего материального положения, но и за создание таких условий, при которых работа была бы не просто средством заработка, но и давала бы большее внутреннее удовлетворение[26].

Известный американский исследователь Р. Уолтен делает вывод, что наемные работники стремятся к более содержательной работе, к развитию личности в сфере труда. Их отношение к труду во всевозрастающей степени зависит от того, насколько работа интересна, на-

---

[24] «Monthly Labour Review», 1977, May, p. 12.
[25] «New York Times», 22 May, 1974.
[26] «Monthly Labour Review», 1977, May, p. 11.

сколько вызывает в нем чувство ответственности[27]. Д. Янкелович констатирует: «Мы переживаем период большого изменения в культуре, сущность которого заключается в трансформации трудовых ценностей, «трудовой этики»». По его мнению, «новые идеи успеха возникают вокруг различных форм самовыражения. Упор теперь делается на самостоятельность... которая требует выражения, удовлетворения». Согласно Д. Янкеловичу, речь идет о стремлении личности найти «содержательный труд», т. е. работу, которая может увлечь и заинтересовать, которая заставляет использовать свои способности и которая обеспечивает «участие в принятии решения»[28].

Характерно, что трудящиеся США все настойчивее пытаются освободить труд от бюрократических форм его организации. Стремление к содержательному труду соединяется с идеей демократизации сферы производственной деятельности. Социолог Э. Левисон в работе «Большинство рабочего класса» подчеркивает, что у американских рабочих обострились чувства человеческого достоинства, социальной справедливости, усилилось стремление к демократизации трудовых отношений и ограничению бюрократических форм управления. Он пишет: «Кроме желания получить материальные блага существует стремление к благам, менее поддающимся подсчету». Суть этих стремлений выражена в требованиях: «Они должны обращаться с нами как с людьми»[29]. Даже такой журнал, как «Бизнес уик», являющийся органом американских предпринимателей, вынужден признать факт растущей активности трудящихся США в борьбе за изменение социальных условий труда, за «экономическую демократию», т. е. право участия в принятии решений, касающихся условий и содержания труда[30]. Расширение требований трудящихся свидетельствует о повышении уровня классовой борьбы. Одновременно это существенный показатель изменений в структуре ценностных ориентаций, тем более важный, что речь идет о настроениях и устремлениях большого числа людей.

Постепенное уменьшение влияния традиционной для

---

[27] The Worker and Job. N. Y, 1974, p. 146—148.
[28] Там же, с. 20, 25, 37.
[29] *Levison A.* The Worker's Class Majority. N. Y. 1974, p. 180.
[30] «Business Week», 20 Feb., 1978.

США узкопрагматической ориентации наблюдается не только в отношении к труду, но и в отношении к образованию. Образование в этой стране всегда занимало высокое место на шкале ценностей, однако оно всегда рассматривалось прежде всего как средство повышения экономического статуса и престижа человека, т. е. в тесной корреляции с представлением о жизненном успехе. Но сегодня образование нередко оценивается как предпосылка самовыражения личности и развития ее внутреннего потенциала, как условие формирования более сознательной позиции личности в окружающем ее мире.

В ходе опроса, проведенного Д. Янкеловичем среди учащейся молодежи и студентов, 39% опрошенных, характеризуя свое отношение к образованию, отвергли традиционную форму ответа, в которой подчеркивалась прагматическая значимость образования («Я смогу заработать больше денег, иметь более интересную карьеру, занять лучшее положение в обществе»). Они предпочли нетрадиционный ответ: «Меня действительно не очень заботят практические выгоды от обучения в колледже. Я рассматриваю их как нечто само собой разумеющееся. Возможности колледжа для меня нечто более трудно определяемое: может быть, речь идет скорее о возможностях изменять сложившееся положение вещей, чем преуспевать в рамках существующей системы»[31].

Как видно, здесь в какой-то мере выражены стремления личности играть активную роль в изменении существующей системы, т. е. быть не объектом, а субъектом социальной деятельности. Стремления к социальной активности, поиски своей роли в обществе, а не погоня за карьерой или бегство в мир фантазий и мифов выделяет и Л. Ченовез как показатели того, что люди в США пытаются найти иную жизненную ориентацию[32].

В этой связи особенно важно подчеркнуть, что столь значимые для многих американцев стремления к индивидуальности, самостоятельности, активности, свободно-

---

[31] Д. Янкелович считает студентов, выбравших такую форму ответа, «предвестниками» «новой морали». Но он замечает, что их ценностные установки и стремления «медленно распространяются на другие слои населения» (*Yankelovich D.* The Changing Values on Campus. N. Y., 1977, p. 93—95).

[32] *Chenoweth L.* The American Dream of Success, p. 169.

му проявлению личной инициативы постепенно обособляются от индивидуалистической традиции. Личность, демонстрирующая стремление к индивидуальности, все чаще связывает их не с частнопредпринимательским, бюрократически-карьеристским или узкопотребительским пониманием успеха, а с традициями общедемократической и гуманистической культуры, с общественно полезным трудом, с борьбой против бюрократических, отчужденных форм организации, создаваемых государственно-монополистическим капитализмом.

В сознании все большего числа американцев идет процесс девальвации индивидуалистических установок, наиболее тесно связанных с идеей конкуренции. На смену психологии конкурентной борьбы между людьми постепенно приходит психология преодоления отчуждения в отношениях между ними. Они начинают осознавать необходимость создания иных форм человеческого общения, сотрудничества. Описывая черты «новой морали», выявившиеся в ходе опросов учащейся молодежи и студентов, Д. Янкелович не случайно на первое место ставит «больший акцент на общности людей, чем на отдельном индивиде». Поясняя свою мысль, он перечисляет следующие установки: «Скорее жить в группах, чем изолированно» и «Кооперация, а не конкуренция» [33]. Г. Хендин, который исследовал те же группы, подчеркивает глубокое нежелание молодежи участвовать в конкуренции во всех сферах: в труде, образовании, личных отношениях и даже спорте [34].

Р. Уолтен, исследовавший психологию наемных рабочих и служащих в США, пришел к выводу, что в этих слоях населения идея удовлетворения потребностей все меньше ассоциируется с конкуренцией. Все меньше людей склонны отождествлять конкуренцию с «американским образом жизни». Люди хотят «открытости человеческих отношений». Перечисляя новые, «наиболее фундаментальные и необратимые тенденции в американском обществе», Уолтен указывает на то, что центр тяжести в ценностных ориентациях все чаще переносится с психологии индивидуализма на «психологию социальной ответственности» [35]. Общенациональный опрос, про-

---

[33] *Yankelovich D.* The Changing Values on Campus, p. 169—170.
[34] *Hendin H.* The Age of Sensation, p. 4.
[35] The Worker and the Job, p. 146—148.

веденный в 1977 г. Л. Харрисом, показал, что 72% американцев (против 21%) хотели бы участвовать в такой деятельности, где люди сотрудничают, а не конкурируют[36].

Конечно, на пути реализации таких стремлений и ценностных ориентаций американских трудящихся, их превращения в действительно развитые формы коллективного действия стоит система экономических, социально-политических и идеологических отношений, создаваемая современным капитализмом. Однако стремления к новым формам человеческих отношений постепенно, но неуклонно усиливаются, развиваются, превращаются в важную предпосылку становления подлинного коллективизма и в сознании, и в практических действиях американских трудящихся, в их реальной борьбе за свои права. Интересно, что ряд авторитетных исследователей, выявивших изменения в ориентациях людей, указывают на коррелятивную связь между девальвацией ценности денег и успеха в США, предпочтением, оказываемым сотрудничеству, а не конкуренции, с одной стороны, и критицизмом по отношению к основным социальным и политическим институтам, стремлением изменить общество в целом — с другой[37].

Более подробный анализ изменений в социально-политических ориентациях американцев будет дан во второй части книги. Здесь же мы хотели подчеркнуть, что изменение ценностных установок американцев, их общесоциальных и политических ориентаций в конечном счете зависит от развития и распространения в США подлинно демократической культуры, действительно коллективистской антикапиталистической идеологии и опирающихся на нее форм массовой и организованной революционно-преобразующей деятельности.

---

[36] Commencement Adress by L. Harris. Hiram College (Ohio), 1977.

[37] На эту коррелятивную связь указывает Д. Янкелович в анализе «новой морали» в среде молодежи и студенчества США (*Yankelovich D.* The Changing Values on Campus, p. 64).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ В США

Глава VI

Традиционные для США типы политической ориентации личности: специфические особенности и социальные корни

Для человека, являющегося носителем идеологии и психологии индивидуализма в традиционных американских вариантах, было характерно специфическое отношение к политике. В центре его внимания чаще всего были конкретные проблемы, возникавшие в повседневной практике частного предпринимательства. Субъект свободного предпринимательства был наиболее активен в политической борьбе, которая происходила на местном уровне (выборы шерифа, судьи, мэра, муниципальных советников и т. д.). Его интерес к «высокой» политике, к деятельности центральных органов власти просыпался лишь в наиболее критические моменты истории, например в период борьбы за независимость или во время гражданской войны между Севером и Югом, когда решался вопрос о значительном расширении территории США или назревали какие-либо общезначимые социально-политические реформы (например, в период президентства Э. Джексона).

Но поскольку интерес к политике существовал, наиболее типичной формой его выражения оказывался по-

литический либерализм в том его специфическом варианте, который получил в США распространение в XVIII—XIX вв. Политический либерализм и традиционный индивидуализм стали важнейшими, органически взаимосвязанными элементами того сознания, которое сохраняло господство в США на всем протяжении домонополистической стадии капитализма.

Личность, усвоившая установки индивидуализма, естественно принимала либерализм в качестве своей политической ориентации. Для нее рыночные отношения (спрос и предложение) служили эталоном всех отношений — и экономических, и политических. Механизм принятия политических решений рассматривался как реализация спроса и предложения. Политическая власть представлялась результатом конкурентной борьбы, в которой якобы могут свободно участвовать все граждане. Последовательный либерал-индивидуалист признавал множественность, или плюрализм, субъектов политических отношений и их интересов. В качестве конечного и основного суверенного субъекта рассматривался индивид — гражданин США. Политические группировки и партии представлялись объединениями, свободно создаваемыми этими субъектами. Все политические институты, и в частности государство, рассматривались как функция конкурентных и договорных отношений субъектов политики, как результат совпадения, столкновения или согласования их интересов, воль и действий.

Либерал следовал той же логике рассуждения, которая была свойственна индивидуализму: предполагалось, что успех того или иного субъекта не только в сфере бизнеса, но и в политике зависит от его инициативы, энергии, настойчивости, воли, от способности трезво рассчитать конъюнктуру политической конкуренции или убедить в своей позиции других политических субъектов. Считалось, что успех зависит также и от случая, поскольку политика, как и рынок, включает стихийно складывающиеся ситуации, а значит, элемент случайности и риска.

Защитники «классического» либерализма полагали, что государство не должно вмешиваться в непосредственную экономическую деятельность или «частную» жизнь граждан, оно должно быть лишь гарантом частной собственности и свободного предпринимательства. Оно должно охранять общие «нормы-рамки», порядок,

законы и «правила игры», обеспечивающие максимально эффективное функционирование капиталистической системы хозяйства. Государство также должно, как они утверждали, воплощать и защищать национальный суверенитет и целостность страны, охранять, а по мере необходимости и возможности расширять территорию свободного предпринимательства (войны с индейцами, присоединение Калифорнии, Луизианы, Техаса, покупка Аляски и т. д.). Оно также должно регулировать в интересах своих граждан-предпринимателей отношения с внешним миром, в том числе и в области внешней торговли или вывоза капитала.

Предполагалось, что внутренняя социально-экономическая деятельность государства должна ограничиваться главным образом принятием законов, которые регулировали бы присвоение и переход в частную собственность новых осваиваемых территорий, а также упорядочивали бы процессы эмиграции. «Классический» либерал, унаследовавший многие идеи просветительской философии, возводил в обязанность государства развитие образования (которое было средством подготовки необходимой рабочей силы и адаптации новых поколений эмигрантов к формам хозяйственной и производственной деятельности, получившим развитие в США).

На ранних этапах истории США, и прежде всего на этапе борьбы за независимость и буржуазной революции, политический либерализм оформился в полемике и борьбе с политическим консерватизмом, который выступал защитником докапиталистических, феодально-монархических и колониальных порядков. Консерватизм первоначально оформился в США как политическая ориентация сил, которые сопротивлялись буржуазно-демократическим преобразованиям, утверждению свободного предпринимательства и индивидуализма в качестве господствующих форм сознания и практики.

Консерваторы — апологеты феодально-патриархальных традиций — понимали общественную жизнь как воплощение неких неизменных законов. Они рассматривали индивида лишь в связи с сословием, семьей, общиной, сильным авторитарным государством. Они исходили из убеждения, что человек по своей природе несовершенен и греховен, а потому нуждается в строгих дисциплинарных ограничениях, задаваемых ему сверху и независимо от его субъективных желаний. Основанием

консерватизма этого типа была идея о прирожденном неравенстве людей, о необходимости существования четкой социальной иерархии, а значит, и аристократии, прежде всего наследственной.

Такой консерватизм сохранял силу в США и после буржуазной революции. Его защитники опирались на остаточные формы феодально-патриархальных и рабовладельческих отношений в самих Соединенных Штатах, и прежде всего на юге страны[1]. Но по мере развития капитализма в США возникает и оформляется консерватизм иного типа, воплощающий политическую ориентацию уже не той личности, которая выступала противником буржуазно-предпринимательской практики, а личности, ставшей субъектом этой практики. Он становится ориентацией тех сил, которые формируются в ходе развития самого капитализма и на его собственной почве. «Среди того, что стремились сохранить консерваторы, — пишет известный историк и защитник консерватизма в США П. Витонский,—была американская система свободного предпринимательства — основа нашего величия; и это обстоятельство существенно отличает их от их европейских двойников»[2].

Новая буржуазная консервативная ориентация включила установку на частный успех в его традиционно американском понимании и другие установки индивидуализма, которые, однако, в рамках этой ориентации получили специфическую интерпретацию и дополнились идеями, заимствованными из более ранних вариантов консервативной идеологии. Буржуазный консерватизм, сложившийся и утвердившийся в период «свободной» конкуренции, стал наряду с либерализмом важнейшим элементом политической традиции в США. Оформившиеся в этот период консервативная и либеральная ориентации личности в американской литературе получили наименование традиционных.

Различия этих двух основных типов политической ориентации могут быть поняты, если принять во внимание наиболее характерные варианты личностных структур, возникших в ходе развития практики частного пред-

---

[1] В. И. Ленин писал в 1917 г. о наличии в США экономических пережитков рабства, не отличающихся от феодализма, которые *«очень сильны до сих пор»* на бывшем рабовладельческом юге (см. *Ленин. В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 141).

[2] The Wisdom of Conservatism. v. 1. New Rochelle, 1971, p. 35.

принимательства. Либерализм оказался более типичен для такого субъекта предпринимательской практики, который был последовательно ориентирован на традиционно-индивидуалистический идеал успеха и одновременно стремился радикально улучшить свое положение в системе конкуренции, т. е. круто подняться вверх к богатству и власти. Консерватизм был характерен для человека, стремящегося прежде всего сохранить и закрепить успех, который был достигнут в предпринимательской деятельности им самим или его предками, т. е. уже располагавшего капиталом, властью, престижем и привилегиями. Консерватизм коррелятивен со стремлением превратить уже добытые капитал, власть, престиж, привилегии в объективированные, охраняемые законом и традицией «естественные» права (не только личные, но и семейные, династические).

Ключевой проблемой для консерватора был вопрос о сохранении и расширении частной собственности. «Собственность является могучим консервативным фактором» [3], — это признают американские авторы. Консерватор стремился защищать свою собственность и права, во-первых, от интенсивного напора конкурентов, от угрозы со стороны тех, кто рвется снизу, кто рассчитывает подняться на волне свободного предпринимательства, и, во-вторых, от всех тех, кто вообще не является активным субъектом предпринимательства, кто не имеет ни богатства, ни власти, ни привилегий и выражает недовольство реально существующим неравенством.

Политический либерализм оказался больше характерен для личности, ориентированной на социальную мобильность, на индивидуальную предпринимательскую инициативу, энергию, изобретательность, новаторство как средства обеспечения мобильности. Либерал отстаивал динамизм продвижения вверх по ступеням пирамиды богатства, власти, престижа и соответственно «открытость» и «доступность» всех этажей пирамиды для тех, кто включался в предпринимательскую практику. Политический консерватизм был скорее свойствен личности, принимающей основные идеалы американского капитализма, но делающей гораздо больший акцент на традиции, сформировавшейся в процессе развития самого капитализма, на сохранение и воспроизводство

---

[3] *Rossiter C.* Conservatism in America, N. Y., 1968, p. 82.

уже сложившейся иерархии, на преемственность, status quo как важнейшую сторону общественной жизни в рамках капитализма. Американские авторы, характеризуя консерватизм, выделяют эти его черты: «Консерватор как бы говорит себе: мне нравится статус-кво, меня и мне подобных вполне удовлетворяет это состояние, я хочу его сохранить, я не хочу его потерять» [4].

В первой части работы мы уже говорили о противоречивом взаимоотношении в рамках буржуазного сознания, с одной стороны, «норм-целей» традиционного индивидуализма, ориентирующих человека на борьбу за достижение успеха и рассматривающих интенсивную конкуренцию как условие социальной и личной динамики, и, с другой стороны, «норм-рамок», обеспечивающих стабильность социальной организации и классовой структуры капиталистического общества, способствующих закреплению, кристаллизации реальных результатов конкуренции, уже воплощенных в неравенстве классов и групп.

Политический либерализм в его классическом варианте оказался коррелятивен с ценностной ориентацией прежде всего и преимущественно на «нормы-цели», а политический консерватизм — на «нормы-рамки», которые должны упорядочивать стихию конкурентной борьбы за успех. Консерватор превыше всего ставил строгость и авторитет законов, последовательность их проведения в жизнь. В отличие от традиционного либерализма, высоко оценивающего предпринимательскую дерзость, традиционный консерватизм выдвинул на первый план идеалы буржуазной респектабельности, «честности» и «порядочности», а также самоограничения личности в том их понимании, которое характерно для норм морали, господствующих при капитализме.

В отличие от сторонников традиционного либерализма, в структуре личности которых доминировала установка на наиболее последовательный индивидуализм, на признание индивидуальных интересов и целей в качестве основы общественной жизни, защитники консерватизма перенесли акцент на создаваемые американским капитализмом наиболее устойчивые и становящиеся традиционными формы «коллективности» (такие, как семья, община, территориальная, локальная общность,

---

[4] The Wisdom of Conservatism, v. 1, p. 35.

т. е. местечко, город, наконец, нация в целом). Эти буржуазные по содержанию формы «коллективности» стали рассматриваться как самоценные элементы социальной жизни, которые задают индивиду четкие правила жизни и дисциплинарные ограничения, независимые от его воли и желания.

Умеренность, господство разума над аффектами, верность лозунгу «закон и порядок» — таковы ценностные установки американского консерватора. Некоторые черты личности, придерживающиеся традиционной консервативной ориентации, неплохо описал современный автор Ч. Хемпден-Тернер: «Американский консерватор — это приверженец элитизма и иерархии, он стремится осуществлять контроль над другими людьми. Он считает все остальное человечество аффективной и неорганизованной толпой. Он часто проявляет энергию, но бывает одержим и шаблонен в своих привычках. Он высоко ценит консенсус и дисциплину. Он не доверяет тем, от кого не знаешь наперед, что можно ожидать, он нетерпим к непредвиденному в человеческих поступках, рассматривает жизнь как борьбу экономических интересов, апеллирует к прошлому, склонен к стереотипам. Он не в ладах с эмоциями и аффектами, предпочитает выдерживать социальную дистанцию между собой и всеми остальными и замыкаться в кругу единоверцев»[5].

Традиционный либерализм был политической ориентацией, более приемлемой для личности, обуреваемой страстями, питаемыми мечтой об успехе, для индивидуалиста, честолюбца, делающего ставку на смелость и натиск в борьбе за успех, на личную изобретательность и поиски новых путей достижения успеха. А пути эти не всегда укладывались в стабильные институционализированные формы и уже устоявшиеся традиции. Либерализм давал гораздо больший, чем консерватизм, простор для реализации предпринимательских притязаний. Недаром Д. Белл признает, что «фактически политический либерализм... использовался для оправдания неограниченных экономических требований, личных экономических аппетитов»[6].

И действительно, либерализм более полно, чем консерватизм, соответствовал энергии предпринимателей,

---

[5] *Hampden-Turner Ch.* Radical Man. Garden City, 1971, p. 16.
[6] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism, p. 26.

их напористости. Он более адекватно выражал оптимистические надежды и иллюзии, порожденные в США интенсивным развитием предпринимательства. Либералы отстаивали право каждой личности на успех, на продвижение вверх, на победу над конкурентами. Они подчеркивали зависимость предпринимательского успеха от индивидуальных качеств личности. Поэтому люди, исходившие из принципа зависимости успеха от индивидуальных качеств человека, проявляли склонность принять именно либеральную политическую ориентацию.

Политические консерваторы, принимая в общей форме эту типичную для американского буржуазного сознания идею, рассматривали атрибуты успеха (богатство, власть, привилегии, престиж) как объективированные, постоянные характеристики не столько отдельного индивида, сколько семьи или династии. Для них особую значимость приобрела иерархия позиций, наследственно передаваемая из поколения в поколение и опирающаяся на закон и традицию. Консерваторы подчеркивали право определенных классов, групп, семей, т. е. олигархии, на наследственное обладание не только богатством, но и престижем, политической властью. Особое значение они придавали гарантиям этого права, которые обеспечиваются не только законами, но и силой традиций.

Буржуазный консерватизм заимствовал у феодально-патриархального консерватизма идею о «естественности», необходимости, более того, о функциональной, политически-практической значимости и полезности аристократии. Правда, идеал аристократизма в сознании буржуазного консерватора был связан с апологетикой традиций не столько феодальных, сколько тех, которые создавались уже в ходе развития капитализма. Аристократия в его понимании — это семьи и династии, достигшие успеха в предпринимательской практике благодаря личным качествам их создателей (речь идет о качествах, идеализируемых буржуазным индивидуализмом в его специфически американском варианте). Одновременно аристократия — это семьи и династии, в которых данные личностные качества как бы наиболее полно олицетворяются, воспроизводятся, передаются последующим поколениям. Апологетика аристократии и признание ее необходимым, а иногда даже главнейшим элементом общественной, экономической, культурной и по-

литической жизни стала одной из наиболее существенных черт консервативной политической ориентации в США.

Для буржуазного консерватизма характерно признание существующих и ставших традиционными институтов буржуазной демократии в США[7]. Однако в отличие от либерализма, делавшего особое ударение на проведении в жизнь буржуазно-демократических принципов, консерватизм тяготел к разным вариантам синтеза демократии с аристократией, постоянно выступая против «чрезмерности» демократических стремлений масс.

Четко выраженная либеральная ориентация включала идею «естественности» и даже полезности конфликтов не только индивидуальных, но и групповых интересов для динамического развития капиталистического общества[8]. Подобная ориентация не удовлетворяла сторонников последовательного буржуазного консерватизма в США. Консерватор испытывал страх перед возможным дестабилизующим влиянием на существующую систему любых социальных и политических конфликтов. Вот почему консервативная политическая ориентация настойчиво утверждала ценность единства и «согласия» всех членов общества, их действий, мыслей и чувств в рамках основных институтов — семьи, производственной организации, государства, нации в целом.

Буржуазный консерватизм в более последовательной, чем либерализм, форме воспринял и превратил в политическую ориентацию личности тот специфический взгляд на человека, который был свойствен таким формам религии, как кальвинизм и пуританизм. Согласно этому взгляду, человек по природе греховен и постоян-

---

[7] «В целом консерватор принимает американские институты такими, какими они существуют сегодня» (*Kirk R. A* Programm for Conservatives. Chicago, 1962, p. 248).

[8] Американский либерализм признавал полезность конфликтов интересов лишь постольку, поскольку эти конфликты протекали в институционализированных формах, ограниченных рамками сложившейся в США политической организации, и были функциональными по отношению к механизмам капиталистической конкуренции. Например, в либеральном сознании рабочие выступали не как представители класса, противостоящего классу капиталистов, но как неудачники-предприниматели, не имеющие для продажи другого товара, кроме собственной рабочей силы. Конфликт рабочих и работодателей виделся как борьба за лучшие условия торговой сделки. Итоги этой борьбы якобы зависели лишь от «свободной» инициативы обеих сторон.

но склонен к нарушениям основных правил дисциплины и заповедей морали. Отсюда консерватор делал вывод о необходимости неусыпного и действенного контроля за каждым индивидом[9]. Американский консерватизм всегда отличался моральным ригоризмом и абсолютизмом. Политическая организация и государство рассматривались консерваторами как важные орудия морального воспитания и как основные элементы необходимого репрессивного аппарата, обеспечивающего конформизм американцев.

Формулируя свое отношение к человеку, защитники консерватизма подвергали сомнению и даже оспаривали тезис либерализма о природной способности человека к рациональной организации своей частной жизни, а также политической жизни общества в целом. Как известно, для либеральной традиции в США весьма характерной была вера в то, что субъект политики (будь то отдельный гражданин или какой-либо орган политической власти) сам способен трезво рассчитывать шансы на реализацию тех или иных целей, отыскивать наиболее эффективные средства для их осуществления, наконец, обдуманно и рационально увязывать, согласовывать эти цели с целями других субъектов и общества в целом. Сторонники политического либерализма верили, что установившиеся в США процедуры принятия политических решений обеспечивали максимальную рациональность социальной жизни.

Защитники консерватизма исходили из того, что человеку свойственна тенденция подчиняться эмоциям и слепым страстям, заблуждаться и ошибаться. Поэтому в отличие от либералов основным руководящим принципом и единственно надежным ориентиром в поведении и отдельного человека и всего общества они считали не его собственную рациональность, а воплощенный в традиции «разум» прошлых поколений.

Выше мы подчеркивали, что консерватизм, получивший развитие в США в период свободного предпринимательства, был прежде всего политической ориентацией новой, буржуазной аристократии, новой элиты, представлявшей олигархическую линию в политике. При этом надо учитывать, что консерватизм нередко прини-

[9] «В своей классической форме консерватизм является позицией господства...» (*Horowitz I.* Ideology and Utopia in the United States: 1956—1977. London — Oxford — New York, 1977, p. 134).

мался и теми средними и мелкими предпринимателями, рядовыми американцами, которых охватывал страх перед будущим, перед динамизмом капиталистического развития. А оно нередко несло с собой катастрофы и разорение. Консерватизм принимался американцами, боявшимися потерять то, что они уже имели, и потому принимавшими ориентацию на консервацию существующих порядков, на защиту и охрану status quo.

В XIX в. в США непрерывным потоком прибывали эмигранты, разделявшие предпринимательские ориентации. Некоторые из эмигрантов активно включались в конкурентную борьбу за успех. И подчас «коренные» американцы видели в эмигрантах реальную или потенциальную угрозу их положению в обществе. Для них консерватизм становился средством защиты своего положения.

Но и среди эмигрантов, особенно тех, кто прибывал из стран с устойчивыми феодально-патриархальными традициями, было немало людей, ощущавших по отношению к новой, незнакомой обстановке растерянность и страх, а потому принимавших консервативную ориентацию.

Склонность к принятию консервативной ориентации иногда проявляли мелкие предприниматели, испытывавшие страх перед динамическим, интенсивным развитием крупного капитала, реально и во все большей мере угрожавшего их существованию. В этом случае консерватизм был своего рода защитной идейно-психологической реакцией личности, которая боялась любых перемен и стремилась сохранить то, что есть. Такого рода консервативная ориентация приобретала мелкобуржуазную и «популистскую» окраску, выступала как ориентация «маленького человека». Он страшился «сильных мира сего» и перспективы их еще большего укрепления.

Но при всем разнообразии вариантов и разновидностей консерватизм в своем противостоянии либерализму обозначился как единый тип политической ориентации. Традиционный консерватизм и традиционный либерализм стали в период свободной конкуренции основными типами ориентации личности, поскольку она развивалась в русле буржуазного и мелкобуржуазного сознания. И тот и другой варианты соответствовали личности, принявшей ценности индивидуализма, но в разной форме и степени. Если либерализм был коррелятом

наиболее последовательного, активного и оптимистического индивидуализма, то консерватизм — индивидуализма, одержимого страхами перед будущим, испытывающего ностальгию по прошлому, настаивающего на разных способах охраны уже сложившихся форм бытия.

Мы подвергли специальному анализу социально-психологические механизмы формирования либеральной и консервативной политической ориентации в XVIII и XIX вв., чтобы в ходе последующего исследования стал более ясным и четко видимым процесс не только воспроизводства данных механизмов, но и их существенного изменения, инверсии в эпоху государственно-монополистического капитализма.

Глава VII

Эволюция либеральной ориентации в рамках государственно-монополистического капитализма

Основой эволюции и кризиса традиционных форм политической ориентации личности в США является процесс развития государственно-монополистического капитализма. В ходе этого процесса традиционные типы ориентации сталкиваются с изменяющимися формами социальной организации и социальной жизни. Углубление этого противоречия реализуется в ряде тенденций, одна из которых выражается в попытке приспособить традиции к новой исторической реальности. Результатом является возникновение в США так называемого неолиберализма.

В XX в. перед американцами со всевозрастающей остротой встает ряд проблем. Необратимый и интенсивно совершающийся процесс обобществления производительных сил общества, сталкиваясь с капиталистическими формами хозяйствования и управления, дает о себе знать через экономические кризисы. Особенно болезненно проходил кризис начала 30-х годов, вызвавший массовую безработицу, падение уровня жизни, личные трагедии миллионов людей. В ходе кризиса в результате острой борьбы разных сил произошло существенное изменение механизмов экономического регулирования. Государство приобрело новые функции, начало все более активно вмешиваться в хозяйственную жизнь страны, принимая меры по спасению существующей системы. Оформление неолиберализма как особого типа политической ориентации в США обычно связывают с реформами, известными под названием «нового курса» президента Ф. Рузвельта.

В сознании многих американцев утвердилась идея важности общенациональных «антикризисных» мероприятий. Укрепилась мысль о необходимости государствен-

ного регулирования экономической жизни страны, а значит, и определенного вмешательства в стихию рыночных, частнопредпринимательских отношений.

Многие американцы начали выступать за введение государственной системы социального обеспечения, прежде всего государственной помощи безработным и тем слоям населения, которые оказываются в наиболее бедственном положении. Изменялось старое представление о функциях и роли государства в сфере распределения, т. е. в той сфере жизни граждан, которая обозначается в США термином «частная жизнь» и которая включает организацию семейного хозяйства, формирование бюджета семьи и т. д. Представление о новых функциях государства в США воплотилось и закрепилось в понятии «государства, ориентированного на благосостояние своих граждан» (так, пожалуй, можно наиболее адекватно передать смысл понятия «welfare state»).

В сознании многих американцев укрепилась и до наших дней сохраняется идея о непосредственной и растущей зависимости их личной судьбы, индивидуального благосостояния, их жизненного успеха от судеб общества в целом как некоего целостного организма, от состояния экономики всей страны, от политических решений, осуществляемых на общегосударственном уровне. «Американский либерализм сегодня является этатистским»[1], — констатируют исследователи современной ситуации в США.

Перечисленные идеи и представления не могли не вступить в противоречие с ранее утвердившимися в сознании традиционными постулатами индивидуализма и либерализма. Ведь традиционное сознание исходило из принципа невмешательства государств в «свободные» рыночные отношения, в сферу производства и распределения, в «частную» жизнь граждан. Американцы привыкли считать, что судьба индивида, его благосостояние и жизненный успех зависят не от общества в целом, а лишь от личности — ее воли, трудолюбия, энергии и инициативы и т. д.

Традиции и основные постулаты индивидуализма и либерализма не исчезли с появлением новых идей — они весьма прочно внедрены в идеологию и общественное

---

[1] Ideologies of Politics. Cape Town — London — New York, 1975, p. 15.

сознание в США. Они поддерживаются большинством институтов, которые в этой стране заняты воспитанием людей. Общественное мнение по-прежнему склонно отождествлять практику формирования органов политической власти и принятия политических решений с отношениями на рынке, где, подобно товарам, «свободно» обмениваются, сравниваются, оцениваются взгляды и интересы всех субъектов политических отношений.

Оформившееся в 30—50-х годах неолиберальное сознание представляло собой продукт симбиоза всех этих противоречащих друг другу идей и представлений. Апологеты неолиберализма в США хотят представить его как целостную систему идей. Но на деле неолиберализм характеризовался глубокой внутренней противоречивостью и напряжением, явной эклектичностью, острой борьбой разнонаправленных тенденций.

Эти черты американского неолиберализма имеют объективный характер и усиливаются на всем протяжении его развития, особенно после второй мировой войны, когда это течение, казалось, переживало период расцвета. С наибольшей силой и отчетливостью противоречивость неолиберализма обнаружилась в 70-х годах. В этот период кризис неолиберализма становится общепризнанным фактом.

С самого возникновения неолиберализм имел разнородную социально-психологическую основу. Внешне он демонстрировал единую тенденцию: он объединял идеи и стереотипы, унаследованные от традиционного индивидуализма и либерализма, с теми идеями и представлениями, которые были вызваны к жизни изменившейся реальностью государственно-монополистического капитализма и новыми социальными проблемами. Но эта общая тенденция приспособления старого к новому, компромисса между старым и новым скрывала разные по своему социальному смыслу и социальной направленности политические ориентации. Они были характерны для различных типов личности, а в конечном счете для различных классов, групп и слоев населения в США.

Неолиберальные идеи в той или иной степени были приняты довольно широкими слоями американцев. Так, эти идеи разделялись теми людьми, которые, превратившись в наемных работников, еще хранили память о «старых временах», еще придерживались старых ценностей и иллюзий. Но объективный процесс изменения их

социального положения способствовал появлению в их сознании новых идей и представлений. Они, например, осознавали растущую зависимость своего благосостояния от уровня развития производительных сил, с очевидностью обнаруживавших тенденцию к обобществлению в рамках всей страны. Это способствовало пробуждению их интереса к состоянию экономики в целом. Укреплялась идея о том, что экономика есть некая целостность, своего рода единый организм, требующий новых форм управления, осуществляемого в общенациональных масштабах. Государство было единственной общенациональной организацией, и вполне естественно, что оно стало рассматриваться как орган такого управления.

Довольно широкие слои трудящихся американцев восприняли воплощенную в «новом курсе» Рузвельта идею государственного регулирования экономики как выражение своих интересов, поскольку считали, что это регулирование направлено прежде всего на преодоление кризиса, на уменьшение безработицы, на помощь безработным и особо нуждающимся. В сознании трудящихся американцев эта идея приобрела демократическую и гуманистическую значимость. Но она сосуществовала с традиционным представлением о частном предпринимательстве и капиталистическом рынке.

Неолиберальное сознание — в его наиболее массовых и демократических вариантах (когда оно стало сознанием различных слоев американских трудящихся) — представляло собой противоречивое сочетание традиционно-индивидуалистических, традиционно-либеральных привычек, иллюзий и новых, нетрадиционных представлений.

Распространение такого рода сознания в определенных слоях трудящихся на конкретном этапе эволюции капитализма вполне закономерно. Этот факт, с одной стороны, отражает поступательное развитие самосознания масс, с другой — свидетельствует о трудности протекания данного процесса, о силе привычек и традиций, о влиянии господствующей идеологии и культуры. Противоречивость сознания есть результат действия тех реальных противоречий, которыми сопровождается развитие общества в эпоху современного государственно-монополистического капитализма.

В сознании многих рядовых американцев постепенно

и все прочнее укрепляется представление, согласно которому многие социальные и личные проблемы лучшим образом могут быть разрешены на уровне не индивидуальной деятельности или локальной политики, а политики общегосударственной. С деятельностью государства массы рядовых американцев связывают свои растущие и законные ожидания и требования. Они ожидают и требуют от государства действенных мер по улучшению своего материального положения, по расширению и качественному совершенствованию системы социального обеспечения и социальных услуг, народного образования, по ликвидации трущоб, расовых гетто, «районов бедности», по сохранению природных и энергетических ресурсов, по борьбе с загрязнением биосферы и т. д. Государство, не удовлетворяющее эти ожидания и требования, становится объектом острой критики. Типичным оказывается недовольство неэффективностью действий государства, бюрократизмом, равнодушием к нуждам рядовых американцев.

Но растущее недовольство бюрократизацией у многих американцев нередко сочетается с сохранением и даже оживлением веры в то, что традиционно-либеральные механизмы политической жизни являются единственным и вполне достаточным средством преодоления бюрократизма. Речь идет о вере в то, что для обеспечения эффективного контроля над государством со стороны рядовых граждан достаточна лишь последовательная реализация в сфере политики основных принципов «классического» либерализма: «свободного» волеизъявления в ходе выборов, «свободной» конкуренции основных политических партий и политических деятелей, наконец, принципа «свободного» политического предпринимательства (создания разных групп давления на правительство).

Люди, верящие в эти принципы, еще не осознают, что для эффективного контроля над государством необходимо преодолеть классовое неравенство, ликвидировать привилегированное положение правящих классов, держащих в своих руках основные средства производства, ключевые посты в экономике, средства массовых коммуникаций и другие орудия экономического и политического контроля над деятельностью государственного аппарата и общественным мнением. Вера в механизмы буржуазной демократии удерживает сознание многих

рядовых американцев в русле либеральной традиции, модифицированной формой которой и оказался неолиберализм.

В процессе становления и эволюции неолиберализма в США значительную роль играли представители монополистической буржуазии и управленческой верхушки[2]. В истории американского капитализма монополии явились продуктом естественного развития «свободного» предпринимательства, но одновременно результатом его существенного ограничения и даже отрицания. Монополии остаются субъектом рыночных отношений и капиталистической конкуренции, еще более интенсивной, чем в эпоху «свободного» предпринимательства. Но монополии качественно сужают и ограничивают конкуренцию, устанавливая контроль над рынком.

Монополистический капитал стремится не только подчинить себе сферу экономики, но и установить авторитарный контроль над политической жизнью, используя в качестве инструмента такого контроля государство. Однако представители монополий не заинтересованы в том, чтобы такой контроль стал слишком явным. Они стремятся к сохранению традиционного либерально-индивидуалистического представления, согласно которому в США якобы все еще последовательно проводятся принципы «свободного» предпринимательства в сфере экономики и политики.

Монополистическая буржуазия связана с групповыми формами крупнокапиталистической собственности, с «коллективными» формами управления капиталом. Эти «коллективы» — гигантские бюрократизированные организации — предпринимают немалые усилия для обуздания традиционно-индивидуалистических и традиционно-либеральных стремлений и привычек тех американцев, которые включены в эти «коллективы». При этом, однако, всевластие свое монополистическая буржуазия предпочитает осуществлять через политические институты, избранные в соответствии с принципами либеральной демократии.

Эти противоречивые тенденции и побуждения пред-

---

[2] «Капитализм и либерализм представляют собой основной поток, потому что это — укоренившиеся, постоянные, «ортодоксальные» воззрения, доминировавшие в мышлении американских политических и иных лидеров» (*Dolbeare K., Dolbeare P.* American Ideologies. Chicago, 1971, p. 15).

ставителей монополистического капитала находят выражение в их неолиберальной ориентации, в которой проявляется своекорыстная индивидуалистическая активность субъекта «большого бизнеса», приспособленная к задачам функционирования монополистического капитала, к потребностям создаваемой им системы авторитарного контроля над миллионами рядовых американцев.

Отношение управленческой верхушки крупных корпораций США к изменению роли и места государства в экономике страны, естественно, было и остается весьма противоречивым. Значительная часть монополистической буржуазии, как известно, выступила против «нового курса» Ф. Рузвельта. Однако представители монополистического капитала вынуждены были согласиться с «антикризисными» реформами, проводимыми государством, а также — хотя и в меньшей степени — с мероприятиями, направленными на устранение очевидных «очагов нищеты», на увеличение помощи безработным и наиболее нуждающимся слоям населения, на расширение социального обеспечения. Они соглашались с реформами во имя стабилизации и сохранения существующей системы и предотвращения массовых форм социального протеста.

Именно на этой основе происходило формирование неолиберальной ориентации правящего класса, которая включала идею взаимосвязи государства и крупнейших корпораций. Эта взаимосвязь государственных ведомств и корпораций была обозначена понятием «либерального истеблишмента». Специфический смысл неолиберально понимаемого единства государства и корпораций довольно правильно толкуют леворадикальные критики в самих США. «Его патернализм по отношению к бедным или черным в действительности служит самосохранению (истеблишмента. — *Ю. З.*). Этот патернализм предназначен для ликвидации нищеты и дискриминации ради сохранения системы свободного предпринимательства и существующей классовой структуры»[3].

Когда личность, являющаяся субъектом «большого бизнеса», принимает неолиберальную политическую ориентацию, она стремится использовать аппарат государственного регулирования экономикой в своих интересах. Такой человек рассчитывает на государственные субси-

[3] *Dye T. R.* Who's Running America. N. Y., 1976, p. 170.

дии. Он заинтересован в государственных контрактах и потому склонен поддержать мероприятия государства, направленные на то, чтобы за счет налогоплательщиков (в основном рядовых американцев) осуществить некоторые дорогостоящие и не сулящие больших прибылей проекты в области науки и техники, дорожного строительства, освоения новых источников энергии и т. д. Нуждаясь в большом количестве квалифицированной рабочей силы и специалистов, представители «большого бизнеса» поддерживают деятельность государства и по улучшению системы образования.

Монополистическая буржуазия стремится заставить ведущих государственных чиновников и организации, осуществляющие «планирование» экономикой, служить интересам крупных корпораций, быть их «приказчиками». Монополистическая буржуазия, как это признают американские исследователи, рассчитывает «побудить тех, кто занимается государственным планированием, к тесному союзу с интересами бизнеса, с тем чтобы планирующие организации стали активными проводниками интересов тех фирм, с которыми, по их мнению, легче всего иметь дело»[4].

Неолиберальная политическая ориентация, поскольку она выражает установки людей, составляющих верхушку корпораций, одновременно с декларациями о верности либеральной традиции в политике содержит противоречащие этой традиции антидемократические идеи, рассчитанные на существенное ограничение непосредственного участия масс в принятии основных политических решений. Это — ориентация на усиление репрессивного аппарата государства и на применение его против движений социального протеста и против тех профсоюзов, которые активно борются за права рабочих. Антизабастовочный закон Тафта — Хартли служит примером реализации конгрессом и государством политической ориентации этого рода. Неолиберальная политическая ориентация, выражающая интересы монополистического капитала, включает требование к государству обеспечивать интересы этого капитала в других странах, во всем мире. На нее во многом опиралась внешняя политика США после второй мировой войны.

---

[4] Corporate Planning vs. Government Planning. — «The Public Interest», 1977, N 46, p. 68.

Итак, с середины XX в. на базе неолиберализма оформились два основных, отличающихся друг от друга варианта политической ориентации личности: ориентация правящей элиты и ориентация рядового американца. Кроме них в русле неолиберальной традиции можно выделить ряд иных, менее четких и, так сказать, промежуточных вариантов политической ориентации.

Так, особый вариант неолиберальной ориентации стал характерен в США для индивидуалиста-карьериста, вынужденного приспосабливать свой интерес (свои индивидуалистические установки) к бюрократической практике и официальной идеологии тех организаций, которые создал государственно-монополистический капитализм и которые вошли в «либеральный истеблишмент». Такой тип политической ориентации личности получил наибольшее распространение в среде служащих ряда крупных корпораций, чиновников государственных и муниципальных учреждений. Он свойствен личности, которая и в повседневной деятельности, и в сфере политики вынуждена ограничивать свое стремление к независимости, склонность к поведению, последовательно выдержанному в духе «свободного» предпринимательства, так как объективно занимает «несвободное» положение наемного служащего или чиновника.

Несколько отличный вариант неолиберальной политической ориентации характерен для многих американских профессиональных политиков разного уровня и ранга, принадлежащих к основным политическим партиям. Они активно используют принципы, традиционные для «классического» индивидуализма и либерализма, и прежде всего принцип «свободной» конкуренции в борьбе за голоса избирателей. Для них политика — это торг, игра, сделка, в которой каждый должен набрать как можно больше сторонников, причем наиболее влиятельных, и в которой, как и в практике частного предпринимательства, многое зависит от личных качеств субъекта и от стихии политической конъюнктуры.

Вместе с тем американский профессионал-политик все больше зависит от государственных и корпоративных организаций, от специфических институтов власти, непосредственно создаваемых государственно-монополистическим капитализмом, от бюрократических процедур. Он также не может не считаться с требованиями и ожиданиями широких масс избирателей, заинтересованных

в организации на общегосударственном уровне систем социального обеспечения, социальных услуг, помощи наиболее нуждающимся слоям.

Вот почему профессионал-политик в США в общем и целом принял неолиберализм, хотя придал ему свой, специфический политиканско-либеральный оттенок. При этом, конечно, следует учитывать, что выбор профессионалом-политиком той или иной политической позиции в очень большой степени зависит не только от его личных установок и склонностей, но и от политической конъюнктуры в том районе, где живут его избиратели, в той партии, к которой он принадлежит, наконец, в стране в целом.

В связи с анализом социальных характеристик основных типов личности, которые в том или ином варианте приняли в США неолиберальную политическую ориентацию, нельзя также не отметить следующий факт. Поскольку неолиберализм получает в США официальную поддержку со стороны значительной части правящего класса, многих корпораций, государства и средств массовой информации, постольку он становится одним из основных направлений господствующей в США идеологии. Поэтому специфический социальный тип личности, который мы обозначили понятиями «внешне ориентированная личность», «конформист», «ритуалист», принимает неолиберализм именно как общепринятую идеологию, как признак и свидетельство конформности по отношению ко всем тем разнообразным силам, которые действительно стоят за «либеральным истеблишментом».

Разнообразие видов политической ориентации, условно и противоречиво объединенных в рамках американского неолиберализма, их взаимосвязь с различными структурами личности четко выявляются при анализе их отношения к проблемам научно-технического развития, к возможностям, социальной роли и историческим перспективам современной техники и науки. Вот почему в данной главе, посвященной социально-психологическим механизмам формирования неолиберальной ориентации, мы хотим специально остановиться на вопросе о том, как личности, разделяющие эти ориентации, относятся к проблемам научно-технического развития.

Эти проблемы занимают в неолиберальном сознании особенно заметное место. Именно в русле неолиберализ-

ма получила распространение апологетическая оценка перспектив научно-технического развития страны в условиях государственно-монополистического капитализма и специфическая форма фетишизации науки и техники. Науке и технике сторонники неолиберализма приписывают не просто важную, но решающую роль в развитии современного человека. Научно-технический прогресс изображается в качестве главного условия, основной предпосылки, важнейшего практического средства разрешения наиболее острых и волнующих американцев социальных проблем.

Формирование неолиберального сознания в его наиболее последовательном варианте оказалось связанным с фетишизацией социального значения ускоряющегося развития науки и обновления техники. Неолибералы, особенно в 50—60-х годах, исходили из оптимистической идеи, что этот процесс будет и впредь идти в США бесперебойно по восходящей линии, что он сам по себе обеспечит увеличение экономического роста и тем самым даст возможность удовлетворить интересы всех классов и слоев американского населения. Предполагалось, что интенсивное развитие науки и техники позволит обеспечить и расширение частного «свободного» предпринимательства, и увеличение прибылей крупнейших корпораций, и совершенствование государственной системы социального обеспечения, и, наконец, повышение и постепенное выравнивание доходов всех американцев (прежде всего за счет подъема доходов наименее обеспеченных слоев населения).

Для оформившегося в 50—60-х годах неолиберального сознания было характерно убеждение, что решение наиболее острых социальных и экономических проблем США упирается лишь в разработку более совершенных технических средств. Типичное выражение этой идеи дал в свое время президент Дж. Кеннеди: «Мы нуждаемся не в идеологических ярлыках и клише, но в более фундаментальных дискуссиях по более общим, тонким и техническим вопросам, решение которых необходимо для успешного развития огромного экономического механизма...»[5] Надежды и расчеты возлагались на технические, естественные и некоторые общественные науки

---

[5] Цит. по: *Galbraith I. K.* The New Industrial State. Boston, 1967, p. 7.

(на экономическую науку, опирающуюся на разные варианты «кейнсианства», социологию и политическую науку, социальную психологию и т. д.). В соответствии с традициями американского позитивизма и прагматизма науку рассматривали прежде всего как инструмент разработки новой «техники» или «технологии». Эти понятия употребляются не только применительно к сфере промышленности, но и к другим сферам деятельности[6].

Следует отметить, что схемы «технологического фетишизма» занимают весьма специфическое место в неолиберальном сознании. Они используются именно тогда, когда в них возникает прагматическая идеолого-манипуляторская или идейно-психологическая потребность. Отвечая этим потребностям, существующие экономические и политические структуры выводятся из «императивов технологии» и тем самым оправдываются; политические и идеологические споры вокруг существа острых проблем заменяются спорами о чисто «технических способах» их решения. Когда же эти схемы оказываются дисфункциональными, их забывают. И снова на первый план выдвигается либеральная традиция. В соответствии с нею те или иные государственные мероприятия объясняются и оправдываются ссылками уже не на «императивы технологии», а на «свободное» волеизъявление избирателей, на законы политического рынка и политической игры. Исходя из этой же либеральной традиции, политика государства или монополий оправдывается ссылками на стихию спроса и предложения, на якобы желания большинства либо избирателей, либо потребителей, либо акционеров.

Такая смена аргументов, типичная именно для неолиберального сознания, характеризует его определенную внутреннюю пластичность и изворотливость. Но она же свидетельствует о внутренней противоречивости неолиберальной ориентации личности. Противоречивость эта проявляется в том, что идеи «технологического» фетишизма, или детерминизма, нередко приобретают принципиально различный смысл для разных групп и типов личности.

Факты говорят о том, что многие представители пра-

---

[6] Гэлбрейт так определяет эти понятия: «Технология означает систематическое применение научного и другого организованного знания к практическим задачам» (там же, с. 12).

вящих классов предпочитают выражать собственные цели и смысл своей деятельности в «деидеологизированных» терминах «чистой технологии». Прежде всего речь идет о тех представителях монополистической буржуазии, которые осознают потребность в определенной маскировке традиционных капиталистических источников своей власти. Они пытаются изобразить свою власть и положение как якобы прямое следствие обладания специализированными знаниями в области науки, техники и технологии управления. Носителями и выразителями технократического и одновременно либерального сознания чаще всего являются представители верхушки бюрократической организации в США, не являющиеся непосредственно наследственными владельцами крупной капиталистической собственности и использующие для достижения высоких постов в бюрократической иерархии наряду с прочими средствами специализированные знания в области технологии производства и управления. Чаще всего именно этих людей именуют в США «технократами».

Их отношение к традиционной элите двойственно: с одной стороны, в большинстве случаев бюрократическая технократическая элита постепенно обретает частный капитал или непосредственно зависит от него. С другой стороны, технократы склонны подчеркивать более высокую ценность знания по сравнению с унаследованным капиталом. Свою принадлежность к разряду технических специалистов они используют в борьбе за право перейти в высшие группы традиционной элиты.

Своеобразной питательной средой для возникновения и воспроизводства иллюзии «технологического фетишизма» являются многие американцы — представители наемного труда, деятельность которых непосредственно связана с научно-техническими областями. Речь идет о научно-технической интеллигенции, о многочисленных и быстро растущих группах специалистов и экспертов. Члены этих групп хотя и принимают участие в обновлении технологии и даже в подготовке, осуществлении тех или иных экономических и политических решений, но не играют определяющей роли в реальном процессе принятия действительно важных решений. Последние вырабатываются с помощью специалистов и экспертов, но принимаются не ими, а правящей верхушкой. Этот слой в ходе научно-технической революции

становится и более значимым, и более массовым. Однако знания представителей данного слоя используются в качестве средства для достижения целей, к определению которых эти люди реально не имеют отношения[7]. Членов этого слоя, разделяющих технократические иллюзии, в США иногда называют «технократами без власти».

Для массы «технократов без власти» технократические идеи и принципы нередко имеют иной идейно-психологический смысл, чем для технократов, властью обладающих. Основная причина заключается в объективном положении данного слоя в системе современного американского капитализма. Это положение — особенно если иметь в виду специалистов и научно-техническую интеллигенцию — можно охарактеризовать как промежуточное: с одной стороны, многие представители этого слоя стремятся выбиться в ряды технократической элиты, с другой стороны, массовость данного слоя и государственно-монополистические формы социальной организации науки и техники делают куда более реальным для его представителей статус рядового, эксплуатируемого работника специализированного умственного труда (с рядом последствий, характерных для наемного труда, включая безработицу). Вот почему в сознании представителей этого слоя порой причудливо и крайне противоречиво соединяются характерные для технократического сознания претензии, иллюзии и в то же время настроения недовольства и критицизма.

Для «технократов без власти» фетишизация специализированного знания и новой технологии (наконец, сама идея «технократической революции», или «власти экспертов») часто является превращенной формой выражения их недовольства, и прежде всего тем, что они не располагают реальной властью. На «технологический фетишизм» уповают члены данной группы, связывают с ним свои надежды на то, что научно-техническая революция сама собой приведет к такому положению, когда

---

[7] Эта ситуация хорошо описана в некоторых работах американских социологов. Так, М. Бирнбаум констатирует, что «решение о том, как использовать ресурсы знания, принимается не носителями знания, а их нанимателями». Бирнбаум далее пишет, что применительно к знанию имеет место «избирательный способ его использования бюрократами, которые часто могут взять лишь знание, согласующееся с их политическими целями» (*Birnbaum N.* Toward a Critical Sociology. Oxford — London — New York, 1973, p. 427, 431).

специалисты в области науки и техники станут руководящей силой в структуре власти, вытеснив «старый» правящий класс, т. е. владельцев крупного капитала. Эти притязания и надежды в конечном счете и определяют их склонность к принятию идей технократии. Поскольку же данные притязания и надежды, естественно, оказываются нереализованными, постольку в их сознании сохраняется и даже оживает вера в традиционные идеалы либерализма, в то, что бо́льшую власть и большее влияние на общественную жизнь они могут приобрести посредством использования или даже расширения существующих в США механизмов либеральной демократии.

Если в сознании членов элитарных групп, принадлежащих к правящему классу, идеи технократии объективно служат ограничению идеи демократии, то в сознании представителей научно-технической интеллигенции идеи технократии часто дополняются идеалами демократии. По мере кризиса технократических иллюзий упования на расширение демократии могут реально усиливаться, что является одной из весьма существенных тенденций, характеризующих сегодняшнее состояние умов и чувств многих представителей научно-технической интеллигенции в США.

Фетишизация науки и техники в сознании «технократов без власти», выполняя чисто компенсаторскую функцию, служит средством самоутешения и самообмана. Ведь осознание растущей значимости науки и техники нередко сопровождается усилением комплекса социальной неполноценности в сознании тех, кто, с одной стороны, реально способствует научно-техническому прогрессу, а с другой стороны, оказывается лишь бесправным винтиком в машине государственно-монополистической организации. Этот комплекс неполноценности является выражением и закреплением в сознании «технократов без власти» их действительного отчуждения от механизмов принятия общественно значимых решений.

Ориентация на «узкотехницистский» подход к социальным и политическим проблемам, свойственная многим деятелям науки и техники в США, может варьироваться и иметь разный смысл. Для одних «техницизм» означает существенное сужение горизонта жизненной и политической ориентации. Фетишизация «императивов технологии» и недоверие к «императивам идеологии» и «императивам политики» являются выражением отсут-

ствия в их мировоззрении сознательно принятых и отстаиваемых широких идеологических и политических программ. А это в свою очередь может служить основанием политического и идеологического нейтрализма, воздержания от активного участия в политических и идейных битвах современности.

Для других людей «техницистский» подход есть лишь новая форма выражения узкопрагматической, оппортунистической, предпринимательско-индивидуалистической установки: «свобода» от «императивов идеологии» по сути дела означает также «свободу» от морально-этических запретов, например от запрета вступать в торг с «покупателями», использующими знания специалистов в антигуманных целях, для осуществления реакционной политики.

Наконец, для третьих «техницистская» личностная ориентация стала особым вариантом прогрессистско-реформаторской ориентации. Речь идет об ориентации личности, которая надеется, что посредством экономического роста, якобы обеспечиваемого лишь наукой и техникой (а также посредством универсального проведения в жизнь технологического принципа «формальной рациональности» и «максимальной эффективности»), можно постепенно усовершенствовать существующую систему и даже создать условия для качественного изменения этой системы в направлении «гармоничного» социального прогресса. И хотя данная ориентация не выходит за рамки неолиберального реформизма, она отличается от ориентации на апологию существующих сегодня в США порядков.

Рассматриваемые варианты неолиберально-технократической и техницистской ориентации личности сложились в США в 50—60-х годах и воплотились по большей части в оптимистических представлениях о будущих перспективах развития науки и техники. Однако, забегая вперед, можно сказать, что обострения противоречий капиталистической системы по мере развертывания научно-технической революции, несбывшиеся завышенные надежды технократов и техницистов и другие обстоятельства реальной действительности снизили уровень оптимизма неолиберального сознания и даже вызвали в 70-х годах его кризис. Но было бы ошибкой утверждать, будто это сознание полностью утрачивает влияние. Оно глубоко укоренилось в капиталистической

системе, в организации науки и техники в условиях государственно-монополистического капитализма.

В 50—60-х годах в США основные варианты технократической и техницистской ориентации были важной идейно-психологической базой неолиберализма. На этой базе создались и получили распространение утопические, оптимистические прогнозы и схемы дальнейшего социального развития, объединяемые теориями «индустриального», «постиндустриального» общества, «технотронной» цивилизации и т. п. В этот период относительно высоких темпов экономического развития оформились различные варианты «потребительской» ориентации, также ставшие важной идейно-психологической базой неолиберализма. Особенно широкое распространение получила превращенная и модифицированная форма индивидуализма — индивидуализм потребительский.

Речь идет о специфическом варианте индивидуалистической ориентации, при которой именно личное потребление, а не производство и бизнес оказывается той основной сферой, где человек стремится и надеется обеспечить свой частный успех. Главным признаком успеха становятся прежде всего вещи, служащие для личного потребления, бытовые услуги, наконец, деньги, расходуемые на данные вещи и услуги (дом подороже, новая, более модная и дорогая автомашина, покупка вещей в более дорогих магазинах, поездка на более дорогие курорты, посещение особенно дорогих, фешенебельных ресторанов, парикмахерских, салонов мод и красоты и т. п.). Траты такого рода стали играть роль главных эталонов и критериев социального престижа индивида, стали определять отношения к нему других людей и его отношение к самому себе.

Потребительская ориентация явилась следствием и спутником переживаемого многими американцами кризиса традиционных индивидуалистических идеалов, жизненных ожиданий и стимулов в сфере активного предпринимательства и труда. Индивид уже не в состоянии проявить личную инициативу и самостоятельность в сфере частнопредпринимательской деятельности. Тем более невозможно в сфере отчужденного, бюрократизированного труда раскрыть творческие индивидуальные потенции, обрести смысл жизни. Трудно проявить себя как автономная личность и при осуществлении служебных функций в рамках бюрократии. Американцы, воспитан-

ные в духе прежних традиций, ищут компенсацию нереализованных идеалов и установок в сфере личного потребления, быта, досуга, развлечения. Основными жизненными целями их, по меткому выражению Р. Миллса, становятся идеалы досуга и потребления [8].

О вытеснении надежд на реализацию идеалов независимости, свободы выбора, инициативы, творчества из сферы производства в сферу личного потребления написано в США очень много. Одними из первых, кто указал на широкие масштабы и быстрые темпы развития чисто потребительского отношения к жизни в США, были Р. Миллс и Д. Рисмэн.

Последний, например, заметил, что духовный, идеологический и моральный климат в США в XX в. отличается тем, что отношение к жизни многих американцев приобретает все более ярко выраженный потребительский характер. По убеждению Рисмэна, развитие потребительской психологии — это центральный момент, отличающий «внешне ориентированную личность», типичную для современной Америки, от «внутренне ориентированной личности», характерной для ее прошлого. «Энергия внешне ориентированной личности, — писал он, — в огромной степени направляется в постоянно расширяющую свои границы сферу потребления, в то время как энергия внутренне ориентированной личности была направлена в область производства» [9]. «Имеется все больше и больше свидетельств того, — писал Р. Уильямс, — что активность в сфере потребления частично заменяет активность в сфере работы, и признаком «преуспевания» все чаще оказывается не то, как человек добывает деньги, а то, как он их тратит» [10].

Известный в 60-х годах социолог Д. Мартиндейл также отмечал, что для духовного климата современной Америки характерна не «ориентация на производство», а «ориентация на потребление». На заре капиталистического развития, писал Д. Мартиндейл, предприниматель был охвачен прежде всего страстью к приобретению денег, капитала ради употребления их на организацию или расширение «своего дела». При этом он нередко отличался «пуританскими добродетелями» [11].

---

[8] См. *Миллс Р.* Властвующая элита, с. 431.
[9] *Riesman D.* a. o. The Lonely Crowd, p. 100.
[10] *Williams R.* (jr) American Society, p. 419.
[11] *Martindale D.* American Society, p. 25.

Природа потребительства внутренне двойственна. С одной стороны, потребительская ориентация возникает как проявление особого рода паразитического индивидуализма в среде наиболее крупной буржуазии. С другой стороны, она есть продукт вырождения и разложения индивидуализма в сознании тех людей, которые пережили или переживают превращение из мелкого и среднего предпринимателя в наемного рабочего и служащего корпораций.

Элитарные слои могут проявлять свои индивидуалистические страсти в сфере буржуазного производства, бизнеса, но предпочитают вести паразитическую жизнь богатых бездельников, ценностные ориентации которых реализуются в сфере «престижного потребления». Наемные рабочие и служащие не могут реализовать в сфере производства или бизнеса индивидуалистические идеалы и стремления, продолжающие жить в их сознании. Для них быт (в его особом, специфическом — потребительском понимании) оказывается практически последней опорой для индивидуализма, т. е. для реализации традиционных идеалов самостоятельности и свободы. Являясь вне стен своего дома объектом эксплуатации, бюрократического принуждения и манипуляций, рабочие и служащие в быту, в сфере личного потребления пытаются найти возможность для проявления личной инициативы и т. д. Поскольку эта инициатива направляется в сферу потребления, постольку рождается психология «маленького человека», обывателя, мещанина, индивидуалиста-потребителя.

Во всем, что не касается вопросов быта, для него характерна пассивная психология приспособительства и конформизма. Такой человек на работе, в вопросах политики часто оказывается «ритуалистом», внешне подчиняющимся «нормам-рамкам» государственно-монополистической организации. Его психология, образ мыслей — следствие осознания им своей незначительности перед бездушной силой гигантской организации — управления и подавления, создаваемой государственно-монополистической системой. И чем глубже ощущение этой незначительности, тем выше активность в сфере быта и потребления. Для человека, утратившего самоуважение и уважение в сфере бюрократии, быт, личное потребление представляются теми средствами, при помощи которых их можно возместить. В этой сфере человек рассчиты-

вает снова обрести межличностные дружеские связи с другими людьми, разрушенные буржуазной бюрократией.

В течение последних 30—40 лет в США наблюдалось превращение потребительской психологии в одно из важнейших направлений официально принятой, господствующей идеологии. Государственно-монополистическая организация, особенно в 60-х годах, широко использовала идеалы потребительства. Она прилагала немало усилий, чтобы воспитать из рядового американца обывателя, думающего прежде всего о том, как бы удовлетворить свои стремления в сфере личного потребления и быта, и послушного воле правящих классов в сфере экономики и политики. В результате широкое распространение получил тип личности, называемый «человек-потребитель» (homo consumens).

Массовая пропаганда в этот период была захвачена воспеванием «радостей быта», которые якобы одни и определяют «подлинный успех» человека в жизни. Она изображала жизнь рядового обывателя как воплощение «истинного» счастья и довольства. Заправилы бизнеса и политики, т. е. главные и действительно активные субъекты социальной практики в США, в чьих руках сосредоточены власть и капиталы, были представлены как своего рода «мученики», якобы во имя дела отказывающиеся от «истинных» радостей жизни. Средства массовой информации способствовали развитию фетишизма вещей и предметов потребления. Но одновременно они активно формировали в целом оптимистическое восприятие общего положения дел в стране и апологетическое отношение к социальной системе.

Акцент на потребительские ориентации в США явился также следствием внутренних потребностей экономической практики государственно-монополистического капитализма. Корпорации стремились обеспечить рынок сбыта товаров в условиях ожесточенной конкуренции и поддержать более высокий уровень экономической конъюнктуры в стране путем непрерывного формирования массовых потребительских запросов.

Фетишизму потребления особенно поддалось либеральное сознание. Либералы были склонны связывать социальный прогресс прежде всего с расширением производства и потребления вещей и услуг. Именно в этом смысле они истолковывали перспективу «всеобщего бла-

госостояния». И не случайно У. Ростоу в качестве высшей стадии развития общества рассматривал общество «массового потребления».

Этот вариант неолиберальной ориентации приняли не только индивидуалисты-потребители. В какой-то мере созвучным своим стремлениям его сочли и те достаточно широкие слои американских трудящихся, которые выдвигали естественные и закономерные требования улучшения «качества жизни». Либеральная идеология стремилась приспособиться к этим требованиям. Неолиберальные программы 60-х годов содержали обещания удовлетворить быстро растущие стремления к повышению материального благосостояния всех слоев американского населения. Они сулили непрерывное улучшение «качества жизни» (в том числе бытовых условий и т. п.) Но в рамках неолиберального сознания справедливые, закономерно возрастающие стремления трудящихся масс к повышению уровня и качества потребления отождествлялись с запросами и притязаниями, в которых воплощались товарно-потребительский фетишизм и ориентации потребительского «индивидуализма».

В неолиберальном сознании оказались смешаны два происходящих в США разнородных процесса: во-первых, закономерное возвышение потребностей широких масс, и особенно тех слоев, которые находятся на нижних этажах социальной лестницы, и, во-вторых, искусственное форсирование и завышение ожиданий, возникших на основе потребительской психологии и коммерческой рекламы [12]. Неолиберальное сознание противоречиво соединили оба процесса. Это, с одной стороны, определило его популярность и значительное влияние в 50—60-х годах, но, с другой стороны, в определенной мере подготовило тот внутренний кризис, который охватил неолиберализм в конце 60-х годов.

---

[12] Массовая пропаганда и реклама ежечасно внушают американцу, что его престиж зависит от приобретения сотен вещей и услуг. На экранах кино и телевизоров, на страницах газет и журналов американец видит непрерывно повторяющуюся идеализированную картину, изображающую некую семью: она обитает в самом современном коттедже, располагает автомобилями последнего образца, ее одежда — образчик моды, продукты питания и напитки разнообразны и высококачественны; семья непрерывно покупает самые различные вещи. И все это преподносится как некий эталон, без которого немыслимы самоуважение человека, его удовлетворенность жизнью.

Глава VIII

Модификация форм консервативной ориентации личности в США

Анализ новейшей истории США позволяет рассматривать неолиберальную ориентацию личности в ее различных модифицированных вариантах в качестве типа политической ориентации, наиболее характерного для данной страны на этапе государственно-монополистического капитализма. Неолиберализм, как мы видели, оказал заметное влияние на умы и чувства многих американцев, на их поведение как субъектов политических отношений. Он играл роль своего рода матрицы, которая накладывалась на стихийные и разнонаправленные процессы, происходящие в сознании, в психологии различных классов и социальных групп страны. Неолиберализм как бы структурировал результаты этих процессов, создавая относительное единообразие политических позиций людей, объективно занимающих неодинаковое положение в обществе и отличающихся своеобразием многих социально-психологических характеристик.

Вместе с тем анализ самого неолиберального сознания свидетельствует о его глубокой и органической противоречивости. Это создавало постоянную возможность формирования за фасадом относительного единообразия по сути дела разных и иногда конфликтующих между собой типов политической ориентации, а также возможность инверсии неолиберального сознания, т. е. превращения его в сознание иного рода.

В этой связи мы хотели бы подчеркнуть следующие моменты. Неолиберализм, как было показано выше, ориентирует личность на приспособление к новым, бюрократизированным формам организации, которые создает государственно-монополистический капитализм. Но, отстаивая идею бюрократической и технократической организованности в экономике, в управленческой практике

основных институтов, и прежде всего государства, неолиберализм вместе с тем рекламирует традиционно-индивидуалистическую и традиционно-либеральную идеи «индивидуальной свободы» в политике, идеологии и культуре, а также в морали и «частной» жизни. Применительно к этим последним отстаивается идея свободной конкуренции политических подходов, взглядов, мнений, идей, форм поведения.

В рамках американского неолиберализма разные сферы жизни: экономика и связанная с ней управленческая деятельность, с одной стороны, и политика, идеология, культура, мораль, «частная» жизнь — с другой, ассоциируются с действием разных принципов. При этом предполагается, что данные различия в конце концов гармонически согласуются [1].

Либерал всегда рассматривал различия как условие социальной гармонии, которая представлялась ему результатом взаимной компенсации, компромисса и оптимального уравновешивания разных принципов. В соответствии с логикой либерального мышления настойчивое проведение в жизнь принципов, характерных для одной сферы общественной жизни, предполагает соответствующую активизацию иных принципов, действующих в другой сфере. Именно такова неолиберальная модель «оптимально-гармоничного» и «плавного» пути развития и общества и личности.

Данная модель, идеализирующая механизм взаимного уравновешивания и взаимной компенсации разных сил, тенденций и принципов, может, конечно, прагматически «работать» и в практике буржуазного общества, и в сфере психологии создаваемой им личности. Но это возможно главным образом в тех ситуациях и в те периоды истории, которые характеризуются относительной стабильностью, отсутствием глубоких и резких структурных перемен и острых противоречий.

Однако именно такие перемены и противоречия все явственнее дают о себе знать в современной Америке, где все более четко и болезненно проявляют себя проти-

---

[1] «Решение, в направлении которого движется либеральная мысль, заключается в признании того, что свобода и индивидуализм могут быть приведены к гармонии путем планирования и общественного контроля...» (*McGill V* The Main Trend in Social Philosophy in America. — Philosophic Thought in France and The United States. N. Y. 1968, p. 693).

воречия и конфликты, возникающие вследствие несогласованности и разрыва тех механизмов, которые действуют в разных сферах общественной жизни: в экономике, политике, идеологии, морали и культуре. Так, в условиях государственно-монополистического капитализма характерный для либеральной ориентации акцент на политические свободы и на свободу личности в сфере идеологии, морали и «частной» жизни может у определенной части людей, принявших либеральную ориентацию, стимулировать подъем демократических настроений. Иными словами, может происходить и реально происходит активизация сил, которые опираются на либеральную традицию и в то же время противопоставляют себя бюрократически-авторитарной организации. Последняя, естественно, воспринимает эти силы как очень опасные и дестабилизирующие.

Сталкиваясь с ростом антибюрократических настроений и политического активизма достаточно широких слоев населения, бюрократически-авторитарная организация начинает интенсивнее использовать созданный ею репрессивный аппарат, вторгаясь в сферу политики, идеологии и морали. Она отказывается от традиционно-либеральной рекламы демократических процедур, «индивидуальных свобод» и выдвигает лозунг «закона и порядка». Этот лозунг подхватывают и вокруг него сплачиваются определенные политические группировки. В них нередко входит часть либералов, напуганных активизацией демократических движений. Так создается и превращается в действительность возможность инверсии, превращения некоторых вчерашних либералов, например, в консерваторов и даже в правых экстремистов.

Становление неолиберальной политической ориентации в качестве господствующей в США происходило в период, когда значительный рост экономической мощи, политической активности и идеологической роли крупных корпораций происходил параллельно с усилением государства и его экономических функций, с расширением системы государственных мероприятий в области социального обеспечения, образования, помощи безработным и наиболее обездоленным слоям населения. Новейшая история США показала, что эти процессы были органически взаимосвязаны, что нашло выражение в широком распространении таких понятий, как «корпоративное го-

сударство» или даже «корпоративное государство всеобщего благосостояния»[2].

Неолиберализм оказался типом политической ориентации, принятым значительной частью управленческой элиты корпораций. Однако отношение руководителей крупнейших корпораций к неолиберализму было двойственным. Они, как правило, выступали против антитрестовских законов и за ограничение вмешательства государства в деятельность корпораций. Они выступали и против тех реформ в сфере социального обеспечения, которые рассматривались ими как «чрезмерная» уступка «эгалитарным» порывам масс. Они мечтали об устойчивом равновесии «свободного предпринимательства» и элементов государственного регулирования экономикой.

Многие руководители корпораций охотно использовали для оправдания и маскировки своей власти «коллективистские» лозунги, которые оформились в русле неолиберализма. Они изображали корпорации организациями, представляющими якобы общий «коллективный» интерес потребителей, мелких владельцев акций, рабочих и служащих. Однако они с опаской относились к широкому развитию «коллективистской» фразеологии. Руководители корпораций стремились к поддержанию определенного баланса и равновесия «коллективистских» ориентаций и традиционных ценностей.

Сохранение желаемого баланса и равновесия противоречащих друг другу принципов и структур сознания оказывалось возможным лишь в относительной мере и главным образом в периоды сравнительно стабильного развития американского капитализма, т. е. в «хорошие» для него годы. При ухудшении экономической, политической и идейно-психологической конъюнктуры, при углублении кризисных процессов и возникновении трудностей как внутреннего, так и внешнего порядка явственно обнаруживается невозможность сбалансировать противоречивые тенденции в рамках неолиберализма. И тогда многие руководители корпораций обращаются к другим типам политической ориентации, более тесно связанным с традицией и более последовательно на нее ориентированным.

---

[2] Эти понятия широко употреблялись участниками дискуссии «Что такое либерализм и кто такой консерватор?», проведенной журналом «Комментари» («Commentary», 1976, Sept., p. 51).

Таким типом социальной и политической ориентации является консерватизм, и в первую очередь те его варианты, которые получают развитие и распространение в ходе новейшей истории США, в период развития государственно-монополистического капитализма и являются результатом инверсии либерализма. Социально-психологические механизмы формирования этих вариантов консерватизма в США очень своеобразны.

Во-первых, имеет место резкий перенос акцента на те структуры либерального сознания, которые уже стали традиционными для США. Затем эти устоявшиеся и привычные структуры противопоставляются новым структурам сознания, возникающим в рамках либерализма вследствие его приспособления к требованиям, предъявляемым изменившейся ситуацией. Во-вторых, имеет место истолкование уже традиционных для либерализма структур сознания в духе существующей в истории США консервативной традиции, а также усвоение некоторых элементов предшествующего консерватизма.

Возникают весьма причудливые сочетания, формируются противоречивые типы политической ориентации; их ядро составляют структуры сознания, исторически возникшие в русле либерализма. Однако они уже противопоставлены новым тенденциям в том же либерализме и дополнены рядом положений, присущих ранее сложившейся консервативной традиции. Такие ориентации получают наименование консервативных с добавлением в одном случае прилагательного «новые», в другом — префикса «нео» («новый консерватизм», неоконсерватизм»).

Существенной чертой американского либерализма оказывается его четкая склонность «поворачивать вправо» (тем самым превращаясь в консерватизм) в периоды кризиса, подъема демократических движений или мощного напора сил протеста. Эту особенность уловили в 50-х годах американские авторы. Но они выражали верную мысль о реальной амбивалентности неолиберальной ориентации в типично либеральных клише: «В тех случаях, когда существующий режим является автократичным и деспотичным, последователи либерализма являются ярыми реформистами и требуют глубоких политических преобразований. Когда же, напротив, страна обладает свободным и демократическим правительством и это правительство подвергается угрозам со стороны тен-

денций к автократизму и деспотизму, истинный либерал является консерватором, сопротивляющимся всем попыткам сокрушить существующий режим»[3].

Типичный пример перехода от либерализма к консерватизму (и наоборот) можно найти и в более ранней истории США, точнее, в период экономического кризиса 30-х годов. В результате острой борьбы, развернувшейся вокруг «нового курса» Ф. Д. Рузвельта, оформился особый тип консерватизма. Основным лозунгом этого нового консерватизма стала защита «свободного» капиталистического рынка, «свободы» частнособственнического предпринимательства от вмешательства государства, от «стейтизма» (от англ. State — государство). Использовалась, таким образом, старая классическая либеральная установка (обоснованная в свое время идеологом либерализма А. Смитом в книге «Богатство наций»); начиная с 30-х годов она стала ядром нового американского консерватизма. Либерализм был связан с идеей «смешанной» экономики, обоснованной Кейнсом (сочетание капиталистического рынка и частной капиталистической собственности с государственным регулированием и государственной собственностью на средства производства).

На этот факт как на общепризнанный ссылаются все американские исследователи новейшей истории. Он всегда фигурирует в дискуссиях о либерализме и консерватизме. Так, в дискуссии под названием «Что такое либерализм и кто такой консерватор?» Р. Бартли (он явно тяготеет к консерватизму) констатировал: «В течение почти двухсот лет сторонники «Богатства наций» называли себя либералами; в континентальной Европе они по-прежнему это делают. Но в современных дискуссиях, идущих в Соединенных Штатах, последователи Смита называются консерваторами. Они следуют уже утвердившему себя опыту, в то время как либералы начали маршировать под новую музыку: они приняли абстракции кейнсианской многомерности»[4]. Главной социально-психологической базой консерватизма нового типа оказался упрямый индивидуалист классического американского типа с его боязнью происходящих перемен и

---

[3] *McGovern W Collier D.* Radicals and Conservatives. Chicago, 1957, p. 3—4.

[4] «Commentary», 1976, Sept., p. 39.

попытками возвратить прошлое, консервировать традицию.

Оформление консерватизма нового типа и его активизация в 30-х годах явились проявлением внутренних противоречий в стане либералов. Лагерь либералов раскололся, и осуществился откат назад, поворот вправо прежде всего тех вчерашних сторонников либерализма, которые представляли традиционно ориентированные слои правящего класса. Основными носителями и защитниками консерватизма этого типа стали представители крупного капитала, которые были испуганы волной буржуазного реформизма, воплотившегося в «новом курсе».

Другой пример дает послевоенная история США, точнее, начало 50-х годов. В годы второй мировой войны неолиберализм в США получил новые мощные стимулы развития. Милитаризация экономики и политики способствовала резкому усилению государства и государственной бюрократии. Был создан военно-промышленный комплекс, ставший затем одним из самых важных элементов «истеблишмента». Вошло в практику широкое использование государственного бюджета для интенсивного развития новых отраслей производства, новой техники и дорогостоящих отраслей науки. Государственные контракты стали значительным источником активизации частнопредпринимательской деятельности и т. д.

Война создала весьма благоприятную конъюнктуру для американского капитализма, обеспечив более высокие темпы научно-технического развития и экономического роста, более высокий уровень занятости, вызвавшей определенное повышение доходов населения. Все эти факты обусловили оживление и более широкое распространение в США оптимистических надежд и иллюзий, типичных для неолиберализма. Война, как известно, создала благоприятную ситуацию для активизации государственно-монополистического капитализма США не только внутри страны, но и на международной арене, где он захватил многие позиции, которые ранее занимали его основные конкуренты — наиболее развитые в индустриальном отношении капиталистические страны Европы, а также Япония.

Неолиберализм выступил носителем идей и лозунгов внешнеполитической и внешнеэкономической активности, экспансионизма. Добавим, что именно начиная со вто-

рой мировой войны идеи, связанные с проблемами внешней политики и международной экономической деятельности США, стали играть значительно бо́льшую роль в формировании политических ориентаций американцев и в размежевании основных типов политической ориентации (либерализма, консерватизма, правого и левого радикализма). Возросло взаимовлияние внешнеполитической ситуации и ситуации внутри страны. Этот факт признает большинство американских идеологов [5].

Хотя в этот период неолиберализм интенсивно развивался, в нем стали (как и вообще во всех господствующих формах политического сознания) постепенно усиливаться внутренние противоречия, происходило постепенное накопление социального недовольства. Оно отражало естественно возникавший протест рядовых американцев против авторитарно-бюрократических порядков и отражало рост демократических стремлений масс. Следует также учитывать, что поступательное развитие сознания американских трудящихся было связано и с общим изменением сил на международной арене после второй мировой войны, с подъемом антифашистской освободительной борьбы трудящихся в мире, с ростом авторитета социалистических идей.

Однако особые условия США определили тот факт, что для некоторых слоев населения страны антибюрократические настроения и недовольство в идейно-психологическом плане нередко были формой воплощения разочарованного, глубоко неудовлетворенного в своих ожиданиях и мечтах индивидуализма и либерализма. Эти настроения, как уже говорилось, распространились в среде американцев, болезненно переживавших факт своего превращения из мелких независимых предпринимателей в наемных рабочих и служащих гигантских корпораций или государства. Они уже не были независимыми предпринимателями, но все еще жили надеждами, что, быть может, снова станут ими в будущем или такое превращение случится с их детьми.

Так или иначе, но сознание, все еще глубоко связанное с традиционно американскими типами ориентации.

---

[5] Так, в ходе упоминавшейся нами ранее дискуссии «Что такое либерализм и кто такой консерватор?» редактор журнала «Уорлд вью» Дж. Финн отметил: «Сейчас внутренняя и международная политика влияют друг на друга в гораздо большей степени, чем это имело место раньше» («Commentary», 1976, Sept., p. 55).

притом сознание неудовлетворенное, несчастное, мучимое страхом перед будущим и испытывающее ностальгию по прошлому, к тому же явно идеализируемому, — такое противоречивое сознание являлось реальным и существенным фактом в послевоенной Америке. Наличие и достаточная распространенность в США сознания этого рода создавали и продолжают создавать возможность оживления традиционализма, усиления консерватизма. Последний либо воспроизводится в виде тенденции в рамках современного либерализма, либо складывается в особого типа политическую ориентацию, противопоставляющую себя либерализму, как таковому.

После окончания второй мировой войны неолиберализм сохранял господствующее положение в структуре массового политического сознания прежде всего за счет сравнительно благоприятной для США внутренней и внешней конъюнктуры, за счет формирования высокого уровня ожиданий, оптимизма, поддерживаемого постоянными обещаниями «всеобщего благосостояния» и непрерывного, убыстряющегося экономического роста.

Высокий уровень ожиданий и оптимизма в идейно-психологическом плане был связан со столь же высоким уровнем национализма и шовинизма, выступавших чаще под флагом «американизма». Характерной чертой «либерального истеблишмента» после второй мировой войны стала интенсивная пропаганда идеи «мировой миссии» США, идеи «американского века», якобы наступившего в международных отношениях, и т. д. «Либеральный истеблишмент» всячески рекламировал экономическое, научно-техническое, политическое, идеологическое и военное превосходство США (идея военного превосходства тогда опиралась прежде всего на монопольное владение США ядерным оружием).

Но по мере нарастания противоречий внутри США «либеральный истеблишмент» и многие слои правящего класса все активнее использовали антикоммунизм и антисоветизм как важное для них средство искусственного сдерживания противоречий, как средство психологической компенсации и психологической защиты. Обвинения в адрес мирового коммунистического движения и реального социализма стали все активнее использоваться в качестве инструмента искусственного нагнетания внутреннего напряжения. Психологическое состояние на-

пряжения использовалось для искусственного же поддерживания внутреннего единства нации.

Мировое коммунистическое движение и реальный социализм стали играть роль своего рода «козла отпущения», т. е. объекта, на который можно было перенести разнообразные болезненные чувства, чувства общей неудовлетворенности и даже озлобления, спонтанно возникавшие у многих американцев в связи с обострением внутренних противоречий в США. Эскалация антикоммунизма и антисоветизма, активизация политики и идеологии «холодной войны» были, как известно, очень характерны для администрации Г Трумэна, до сих пор считающегося в США одним из главных идеологов либерализма.

Антикоммунизм и антисоветизм обусловили активизацию, консолидацию различных сил, выступавших с позиций откровенного традиционализма, консерватизма и даже правого экстремизма, создали возможность временных поворотов вправо в политическом сознании США. Такой поворот произошел в начале 50-х годов. Усиление консерватизма и правого экстремизма всегда было связано с оголтелым, воинствующим антикоммунизмом и антисоветизмом. Вот почему весьма важно осуществить анализ социально-психологических корней антикоммунизма и антисоветизма как достаточно типичного феномена политической и идейно-психологической жизни в США.

Здесь стоит сделать одно важное замечание. Дело в том, что распространяемые реакционными политическими группировками идеи антикоммунизма далеко не всегда выступают и усваиваются рядовым американцем как нечто оторванное, обособленное от его привычек, чувств и переживаний, от его повседневного опыта. Политики и идеологи антикоммунизма «подают» этому американцу свои идеи под соусом защиты традиционных для Соединенных Штатов «политических и идеологических ценностей». Они рекламируют свои антикоммунистические схемы как средство решения тех острых проблем, в том числе идейно-психологических, с которыми действительно сталкивается американец. Они апеллируют не только к разуму человека, но и к его чувствам, к предрассудкам и иллюзиям. Таким образом, антикоммунизм в США связан с кризисными процессами в сознании личности, причем связь эта принимает особую

форму и окраску в условиях противостояния двух мировых социально-экономических систем.

Вот почему для глубокого понимания социально-психологических корней американского антикоммунизма очень важно проследить, в каких формах его идеи вплетаются в массовое сознание и «ассимилируются» им. Очень важно также выявить связь содержания антикоммунистических идей с ходячими иллюзиями и болезненными настроениями рядовых американцев. Это позволит лучше понять механизм и причины влияния идей антикоммунизма на определенные слои населения в США. Такой подход подразумевается научной методологией анализа идеологических явлений, поскольку он помогает вскрыть действительную классовую природу антикоммунизма.

Внимательное исследование взглядов и высказываний активных носителей антикоммунизма в США говорит об их стремлении направить на антикоммунистический путь тот стихийный социальный критицизм, то массовое недовольство, которые вырастают как протест против засилья бюрократии, прежде всего государственной бюрократии. Этому помогают и апелляции к индивидуализму, к «патриотическим» идеалам свободного предпринимательства и романтическим грезам о личной «независимости». Чтобы понять, почему идеологам антикоммунизма удается в той или иной мере реализовать эти стремления, необходимо проанализировать специфику стихийного критицизма и недовольства, проявляемого многими американцами. Эта специфика в свою очередь отражает углубляющуюся противоречивость системы современного государственно-монополистического капитализма США. Как мы уже не раз подчеркивали, эта система, с одной стороны, неотвратимо воспроизводит и даже романтизирует идеалы индивидуализма, стремление к «деловой» самостоятельности и независимости, а с другой — не дает огромному большинству американцев никакой возможности воплотить эти идеалы в жизнь, ставит человека в постоянную и болезненно осознаваемую им зависимость от бюрократических связей, которыми государство и монополии охватили все общество.

В первой части работы мы показали, что именно при столкновении традиционных идеалов с современной действительностью, не позволяющей этим идеалам реализоваться, возникают столь типичные для современной Аме-

рики настроения неудовлетворенности и раздражения. Неудовлетворенные и раздраженные индивидуалисты являются одним из основных объектов пропаганды правых сил. Под влиянием этих сил болезненные настроения мятущегося, неудовлетворенного индивидуалиста могут преобразовываться в антикоммунистическую истерию. Это преобразование осуществляется при помощи сложных психологических механизмов: механизмов «рационализации», т. е. использования системы внешне рациональных аргументов, направленных на создание иллюзорной картины действительности; механизмов «вытеснения» из сферы сознания некоторых форм действительно реалистического мышления и тех эмоциональных реакций, которые фиксируют реальные социальные связи; наконец, механизмов «переноса» раздражения, вызванного одними объектами, на другие объекты, выступающие в роли «козла отпущения»[6]. Ниже мы попытаемся показать действие этих механизмов.

Практическая повседневная жизнь американцев, как уже говорилось, все больше и больше зависит от различных бюрократических организаций — государственных, монополистических и т. п., которые определяют рамки и содержание индивидуальной деятельности миллионов людей. Эти организации выступают как нечто противостоящее личности рядового американца, как сила социальная, «коллективная» и вместе с тем противостоящая индивиду.

Такое противостояние, что также отмечалось, имеет вполне объективную основу: авторитарно-бюрократические, мнимо коллективистские формы государственно-монополистической организации в США являются воплощением объективного отчуждения управленческих структур и аппарата власти от потребностей и интересов рядовых членов общества, масс трудящихся. Но осознать конкретно-историческую классовую сущность этого отчуждения рядовому американцу очень трудно. Мешает

---

[6] В психологической науке эти механизмы были первоначально выявлены при изучении некоторых форм психических заболеваний и условно названы механизмами «психологической защиты» (см. *Бассин Ф. В.* Сознание, «бессознательное» и болезнь. — «Вопросы философии», 1971, № 9, с. 100—102). Позднее социальные психологи в США обнаружили, что схожие механизмы могут использоваться как инструменты идейно-психологической манипуляции и пропаганды.

устойчивая традиция индивидуализма и либерализма, а также крайняя противоречивость новых господствующих типов идеологии и политического сознания, прежде всего неолиберальной идеологии и неолиберального сознания. Мешает практическая повседневная идейно-психологическая манипуляторская деятельность тех организаций, которые воплощают бюрократический мнимый «коллективизм» и используют «коллективистскую» демагогию.

Разные способы, посредством которых государственно-монополистическая бюрократия пытается оправдать и «рационально» объяснить свою деятельность, рассчитаны на уменьшение или нейтрализацию чувств глубокого недовольства и раздражения, естественно возникающих у тех рядовых американцев, которые оказываются объектами манипуляции. В какой-то мере это удается. У некоторой части американцев чувства недовольства и протеста ослабевают, гаснут, уступая место конформизму чувств, мыслей, поведения.

Но на психологию весьма значительной части американцев эти способы объяснения и оправдания деятельности бюрократии оказывают иное действие: свойственные этим американцам чувства недовольства, раздражения и даже озлобления не исчезают, сохраняют свою силу и интенсивность и лишь «вытесняются» в сферу подсознательного и бессознательного. Они как бы теряют четкого и конкретного адресата, становясь при этом не менее сильными, но более слепыми. В результате возникает возможность их иррационального проявления и выражения, переноса на самые различные объекты, часто не имеющие никакого отношения к тем реальным явлениям жизни, которыми эти чувства и настроения вызваны. Они могут приобретать невротический характер и воплощаться в параноических состояниях. Глубоко несчастная невротическая личность, сбитая с толку и как бы ослепшая, может разрядить свое внутреннее напряжение на любые объекты.

Параноическое сознание оказалось в начале 50-х годов свойственно многим людям, чья традиционно-индивидуалистическая вера в «американскую мечту об успехе» натолкнулась на американскую действительность. На это сознание подействовали истерические крики традиционалистов-консерваторов и реакционеров об угрозе всем ценностям «американизма» и «цивилизации» вообще, исходящей от «коллективизма» и «стейтизма». Ис-

точником последних был объявлен коммунизм. Одновременно традиционалисты подняли крик по поводу того, что неолиберализм и его реформистские программы, предполагающие усиление государственного регулирования, якобы представляют собой уступку «коллективизму», «стейтизму» и коммунизму. «В начале 50-х годов особенно, — писал Л. Ченовез, — апокалиптические страхи и прогнозы относительно разрушения цивилизации либералами... и коммунизмом регулярно высказывались и делались писателями, которые с отчаянной решимостью настаивали на верности святыням успеха» [7].

Характерной чертой разочарованного, озлобленного и вместе с тем слепого индивидуалиста стало смешение и даже отождествление ненавистных ему бюрократических суррогатов «коллективности», возникших в США в рамках «либерального истеблишмента», с тем принципиально иным типом коллективизма, за который борются коммунисты и который реально существует в странах социализма.

В этом смешении были повинны и неолибералы, выдававшие суррогаты «коллективности», т. е. государство и крупнейшие корпорации, за подлинную коллективность. На «коллективистской» демагогии неолибералов спекулировали правые экстремисты и консерваторы-традиционалисты. Смешение принципиально различных форм коллективности всячески закреплялось и использовалось для дискредитации прежде всего коммунизма и реального социализма. Правые экстремисты и консерваторы прибегали к такому приему и в своей внутренней борьбе с неолибералами и теми тенденциями в государственной политике и буржуазно-реформистской практике, которые, не имея ничего общего ни с коммунизмом, ни с социализмом, не устраивали наиболее упрямых традиционалистов и реакционеров.

Отмеченное нами стремление выдать формы псевдоколлективистской деятельности, которые создают монополии и государственные организации, за проявление «коммунистических тенденций» отчетливо выступает в антикоммунистической литературе. Такой способ аргументации особенно широко использовало «Общество Джона Бёрча», приобретшего влияние в США с конца 40-х годов.

---

[7] *Chenoweth L.* The American Dream of Success, p. 18—19.

Вот как, например, формулирует цель «общества» его основатель и глава Р. Уэлч. По его мнению, задача состоит в том, чтобы «убедить наших сограждан начать порывать с углубляющимся маразмом коллективизма и затем подняться к вершинам более высоких уровней индивидуальной свободы и ответственности по сравнению с тем, которого человек когда-либо достигал раньше»[8]. Один из активнейших деятелей «Общества Джона Бёрча», конгрессмен Дж. Русселот, выступая 12 июня 1962 г. в конгрессе США, говорил: «Мы против коллективизма как политической и экономической системы... Мы против него независимо от того, именуется ли коллективизм «социализмом», «государством благоденствия», «новым курсом», «новыми рубежами» или развивается под другими семантическими масками... Мы убеждены, что возрастание роли правительства, рост централизации управления и расширение правительственных функций вредят материальному прогрессу и разрушают личную свободу»[9].

Такая аргументация опирается на предрассудки и схемы, нередко бытующие в сознании рядового американца, который воспринимает идеи социализма и коллективизма сквозь призму стереотипов и иллюзий, порожденных укладом его жизни. Сознательно или бессознательно он наполняет положения и лозунги социализма, о котором он знает еще очень мало, содержанием, отражающим влияние традиций индивидуалистического сознания, которое воплощает в искаженной форме конфликт этих традиций с современной капиталистической действительностью.

Говоря о социально-психологических корнях антикоммунизма в США, следует учитывать и тот факт, что антикоммунизм здесь становится элементом официально принятой идеологии — и либеральной, и консервативной, — а также признаком «патриотизма». Появляются люди, принимающие идеологию антикоммунизма для того, чтобы показать свой конформизм по отношению к официальным властям или застраховать себя от их обвинений в «непатриотизме». Данный мотив играл и иг-

---

[8] *Welch R.* A Brief Introduction to the John Birch Society. Belmont (Mass.), 1962, p. 8.

[9] *Roussilot J. H.* Beliefs and Principles of the John Birch Society. — «Congressional Records...», 12 June, 1962.

рает у американцев немалую роль. Он свойствен не только обывателям-конформистам, но и некоторым слоям интеллигенции США, демонстрировавшим подчас свое критическое отношение к тем или иным сторонам американской действительности. В периоды усиления реакционных сил многие в целом демократически настроенные представители интеллигенции стремились «искупить» свою критику тех или иных аспектов американской действительности выпадами против коммунизма. Они боялись показаться «непатриотичными», боялись, чтобы их не спутали с коммунистами, тем более что правые и консерваторы в самом деле нередко объявляли их коммунистами. Д. Рисмэн и М. Якоби отмечали: тот, кто в Америке хочет быть социальным критиком, должен публично отвергнуть коммунизм, иначе его назовут последователем марксизма и коммунизма [10].

Таковы в общих чертах социально-психологические корни антикоммунизма, получившего в США распространение в результате активности правых экстремистов и консерваторов. Эта активность, в частности, нашла свое особенно четкое воплощение в маккартизме. Следует добавить, что правые экстремисты и консерваторы, защищая традиционные лозунги индивидуализма, всемерно поддерживали антикоммунистическое законодательство, репрессивные действия, преследования прогрессивных организаций, реакционную внешнюю политику.

Выше мы говорили, что быстрая активизация консерватизма и правого экстремизма оказывается своеобразной реакцией на противоречия и кризис либерального сознания, результатом его внутренней инверсии. Подчеркивая типичность инверсии либералов и консерваторов, С. Липсет писал: «Неоконсерваторы — это в основном либералы... которые расценивают коммунизм в таких же устрашающих категориях, как и консерваторы» [11]. Антикоммунизмом — бесчисленными проклятиями в адрес «врага», скандированием тезиса об «угрозе», сетованиями на «разложение» утвердившейся в США системы ценностей и возрастание «красной опасности» — консерваторы как раз и пытались замаскировать отсутствие новых идей. Однако результатом периода господства маккар-

---

[10] *Riesman D., Jacoby M.* The American Crisis. — «New Left Review», 1960, N 5.

[11] «Commentary», 1978, April, p. 59

тизма явилось то, что миллионы американцев разглядели истинное лицо консерватизма и правого экстремизма, нищету его идеологии.

Практика маккартизма также показала, что получившие в этот период особое развитие типы консервативной и правоэкстремистской политической ориентации, выступавшие в качестве альтернативы неолиберализму, принесли с собой еще более резкие противоречия. Они вызвали еще более драматические конфликты в сознании американцев, которые по тем или иным мотивам, в той или иной мере приняли эти типы ориентации.

Сказанное в первую очередь касается правого экстремизма и тех американцев, которые увидели в нем средство преодоления идейно-психологических противоречий личности. Американцы, обнаружившие двойственность, непоследовательность неолиберального сознания и соблазненные обещаниями правых экстремистов восстановить систему «традиционных американских ценностей» как целостную, якобы дающую прочные ориентиры в жизни и политике, обнаружили, что и они сами, и окружающие люди снова охвачены смятением и растерянностью.

Многие американцы, которые поверили обещаниям правых обеспечить внутреннюю целостность и единство духа американской нации, позже убедились, что политический, идеологический и моральный экстремизм правых, практика маккартизма привели к резкому усилению внутренней борьбы в политике, идеологии, морали, к разгулу иррациональных страстей, к возникновению невротических и параноических форм идеологии и психологии.

Маккартизм, опирающийся на теорию общенационального заговора, организовал в масштабе всей страны «охоту за ведьмами», кампанию по обнаружению и преследованию любых форм инакомыслия. Эта кампания начала пугать многих американцев, чье сознание развивалось в русле либеральной и индивидуалистической традиций. Ведь эти традиции предполагали, как известно, определенную меру самостоятельности и независимости, т. е. нестандартности мыслей и чувств индивида. Некоторые американцы вначале увидели в правых ревностных и бдительных защитников «американской традиции» от ее противников. Но затем и они обнаружили, что, реализуя традиционно-индивидуалистические и традиционно-

либеральные установки на свободу и самостоятельность суждений и поступков, рискуют подвергнуться преследованию со стороны маккартистов.

Выступая как носители «духовного наследия Америки», правые экстремисты организовали травлю либералов, особенно тех представителей либеральной интеллигенции, которые были сколько-нибудь последовательны в отстаивании идеи политических свобод в их классически либеральном, буржуазно-демократическом толковании, а также идеи плюрализма, свободной конкуренции взглядов в политике, легальной оппозиции и т. д. Традиционный либерализм стал объектом преследования. Американцев вынуждали прятать либеральные убеждения. Характерный пример: в эти годы был проведен опрос, в ходе которого американцев просили подписать документ, не имевший названия, но на самом деле представлявший собой точную копию «Декларации независимости»; большинство американцев отказались это сделать, оценив данный документ как выражение подрывных идей [12]. Столь печальный факт впоследствии приобрел широкую огласку.

Правый экстремизм способствовал созданию в США огромного репрессивного аппарата: его деятельность приобретала широкий размах. Случалось, что она обращалась не только против сил, выступающих за радикальное социальное преобразование, но и против респектабельных либералов, сторонников буржуазного реформизма. Паразитируя на настроениях неудовлетворенного, упрямого и озлобленного индивидуализма, правый экстремизм развязал открытую войну против всех форм и проявлений подлинного коллективизма. Одновременно он замахнулся и на бюрократический псевдоколлективизм.

Правый экстремизм всячески раздувал миф о якобы постоянно усиливающейся «угрозе советского и мирово-

---

[12] «Что такое лояльность? Трудный вопрос» — так называлась статья, опубликованная в 1974 г. А. Шлесинджером. Автор защищал идеи американизма, антикоммунизма. Но даже и он не мог скрыть, что многие американцы считали разгоревшуюся под влиянием правых экстремистов, сторонников сенатора Маккарти, «охоту за ведьмами» способом «превращения США в тоталитарное государство». А. Шлесинджер писал: «Ситуация требует, чтобы было меньше истерии и больше хладнокровия» (Values Americans Live By, p. 158).

го коммунизма». В итоге миллионы людей в США стали испытывать чувства страха и истерии. Эти чувства способствовали быстрому росту настроений растерянности, паники, т. е. настроений, дисфункциональных по отношению к тем целям, которые преследовали американский милитаризм и «большой бизнес». Они стремились усилить энергию и рвение американцев в производстве, в гонке вооружений, достичь высокой степени подъема «национального духа» и обеспечить единство в стране. Но оказалось, что в атмосфере антикоммунистической истерии многие американцы стали испытывать явную усталость, стремление к успокоению, апатию, другие же воспользовались обстановкой для того, чтобы свести счеты с личными врагами, дали волю зависти, злобе, подозрительности и другим низменным чувствам.

Под влиянием таких факторов у все большего числа американцев, в том числе и из правящего класса, стало возникать разочарование в тех формах правого экстремизма, которые вышли на передний план политической жизни в США в период маккартизма. В конце 50-х годов стало все более четко проявляться двойственное отношение крупных корпораций США и к тому консерватизму, экономическая программа которого представляла лишь инверсию классического либерализма эпохи свободного предпринимательства. Стало заметно, что корпорации снова стали предпочитать неолиберализм.

На определенном этапе корпорации поддержали требования консерваторов о прекращении вмешательства государства в экономику. Но затем в структуре сознания людей, руководивших корпорациями, совершился характерный сдвиг. До маккартизма, в период быстрого усиления неолиберализма, корпоративное сознание начало проявлять беспокойство по поводу государственного вмешательства в экономику, которое руководством корпораций воспринималось как чрезмерное и негативное (высокие государственные налоги и некоторое ограничение свободы корпораций, групповые притязания на богатство и власть со стороны крупных чиновников государства и технократов и т. д.). Затем, когда консерваторы предприняли атаку на неолиберализм, внимание многих руководителей корпораций переместилось на те стороны предшествующей государственной экономической деятельности, которые оценивались ими как позитивные (антикризисные мероприятия, меры стимулиро-

вания бизнеса за счет федерального бюджета, государственные субсидии, военные контракты и т. д.) [13].

Переход от либеральной к консервативной ориентации, а затем снова к либеральной оказался, таким образом, не столь уж сложным. Причина отчасти заключается в характере американских традиций. Еще А. де Токвиль прозорливо заметил, как тесно были связаны в американской жизни либерализм и консерватизм. «Картина, представляемая американским обществом, — писал он, — покрыта, если можно так выразиться, слоем демократического лака, из-под которого время от времени выступают старинные аристократические краски» [14]. Эти краски, четко выступив в начале 50-х годов, затем снова уступают место общелиберальному, точнее, неолиберальному тону.

---

[13] В ходе дискуссии «Что такое либерализм и кто такой консерватор?» известная в США журналистка Е. Ефрон специально подчеркнула, как противоречиво отношение гигантских корпораций к консерватизму и насколько временны его конфликты с неолиберализмом. Когда корпоративный мир, отметила она, становится объектом атаки со стороны сил, выступающих за обновление, он охотно обращается к созданному американской историей «языку свободного предпринимательства», на котором начинают говорить консерваторы. Объясняя возврат симпатий корпораций к неолиберализму, журналистка писала: «Действительно свободный рынок создал бы угрозу для гигантской корпорации, которая находится под мощной защитой государства от всех последствий свободы (речь идет о свободе предпринимательства в классически либеральном плане. — *Ю. З.*), пока оно уступает либерально-бюрократическому (т. е. неолиберальному. — *Ю. З.*) управлению» («Commentary», 1976, Sept., p. 52).

[14] *Токвиль А. де.* О демократии в Америке. М., 1897, с. 34.

Глава IX

Кризис неолиберализма и леворадикальная ориентация в США

Хотя неолиберализм с середины 50-х годов снова утверждается в США в качестве господствующего типа политической ориентации, но уже в конце 60-х годов обозначаются признаки его нового кризиса. Причины и механизмы этого кризиса нельзя понять без анализа его отношения к антикоммунизму, к Советскому Союзу, к проблемам внешней политики.

Если в социально-экономической и внутриполитической областях либеральное сознание, оформившееся после поражения маккартизма, довольно существенно отличалось от получившего развитие в период маккартизма сознания консервативно-традиционалистского или праворадикалистского, то в области внешней политики столь резкого отличия не наблюдалось. Либеральное сознание и в 50-х, и в 60-х годах все еще было сковано стереотипами национализма и шовинизма. Оно сохраняло верность идеям «американской исключительности» и «явного предначертания», согласно которым США рассматривались в качестве идеальной модели и образца для подражания со стороны других государств. Это сознание включало активистско-экспансионистскую и гегемонистскую ориентации; предполагалось, что интересы США, их мощь и влияние, их притязание на руководящую роль в мире должны обеспечиваться всеми средствами: экономическими, пропагандистскими, политическими, военными. Правда, здесь сознание либералов также обнаруживало внутреннюю противоречивость: в нем имела место значительная амплитуда колебаний от установки, требующей в процессе активного обеспечения интересов США учитывать политическую реальность, до ориентации, побуждающей идти на прямые авантюры, подобные военной интервенции в Юго-Восточной Азии.

В рамках либерального сознания значительную роль играл антикоммунизм и антисоветизм. Апелляция к сте-

реотипам антикоммунизма и антисоветизма, ссылки на «угрозу» со стороны СССР, мирового коммунистического движения в 50 — 60-х годах использовались «либеральным истеблишментом» для сдерживания социально-классовых конфликтов внутри страны, для обоснования проявлений экспансионизма и неоколониализма, для подавления национально-освободительных движений в разных регионах, для милитаризации и форсирования гонки вооружений. Однако в структуре антикоммунистических аргументов, используемых неолиберализмом, если их сравнить с аргументами, приводимыми консерваторами-традиционалистами и правыми радикалами, обнаруживались не только общность, но и различие.

Общим был лозунг «защиты» от коммунистической угрозы принципов индивидуализма, частной собственности, свободы частного предпринимательства и других «свобод» в их традиционно американском истолковании. Но одновременно — и в этом своеобразие — антикоммунизм неолиберального толка в 60-х годах нередко обосновывался и некими общими ссылками на потребности «индустриального» или «постиндустриального» общества.

Если антикоммунизм традиционалистского типа преподносился как четкая морально-идеологическая позиция, то антикоммунисты — сторонники концепции «индустриального» или «постиндустриального» общества нередко старались выражать свои взгляды в «деидеологизированной» форме. Перед современным обществом, говорили они, во все большей мере встают чисто технические и практические вопросы — о путях и методах индустриализации; различие в этих путях и методах и определяет, по их мнению, противостояние США и СССР. В сознании антикоммунистов консерваторов и правых радикалов отношение США и СССР представлялось как неизбежно усиливающаяся конфронтация, не допускающая никаких элементов сотрудничества. В либеральном сознании обозначилось большое разнообразие подходов к отношениям этих стран.

Характерной для многих либералов в 60-х годах стала идея «конвергенции», тесно связанная с формированием оптимистических буржуазно-реформистских проектов «единого индустриального» и «постиндустриального» общества. Для либералов, более активных в своем антикоммунизме, идея «конвергенции» означала надежду на внутреннюю «эрозию» реального социализма и коммуни-

стического движения, на их «либерализацию». Это считалось возможным, во-первых, в результате научно-технического развития СССР и других социалистических стран, во-вторых, в результате гонки вооружений и постоянного давления на социализм (экономического, политического, пропагандистского и военного) со стороны экономически развитых капиталистических государств. Но для тех либералов, которые были озабочены серьезными внутренними и внешними проблемами, идея «конвергенции» означала более компромиссную позицию: ориентация на конфронтацию США и стран социализма сосуществовала с признанием возможности определенных форм сотрудничества между ними.

Либеральная ориентация в 60-х годах в вопросах внешней политики и международных отношений четко демонстрировала свою противоречивость и двойственность. С одной стороны, она закрепляла в личности традиционную склонность рассматривать отношения между государствами, представляющими разные системы, как ожесточенную борьбу абсолютно противостоящих друг другу «моральных» начал: «добра» и «зла», «бога» и «дьявола» (конечно же, предполагалось, что США при всех обстоятельствах олицетворяют «добро» и «бога»). С другой стороны, личность ориентировалась на прагматический расчет соотношения сил в мире, возможных прибылей и потерь, что в свою очередь могло способствовать более реалистическому ви́дению международных отношений, учету тех объективных факторов, которые делали необходимым поворот от «холодной войны» к разрядке международной напряженности. Либеральное сознание явно колебалось между «морализмом» и «прагматизмом». К этому сознанию вполне можно отнести меткое замечание известного обозревателя С. Гаррета, подчеркивавшего, что «американцам исторически никогда не удавалось найти удовлетворительный баланс между их моральным чувством и их отношением к политической реальности» [1].

Либералы, представлявшие «истеблишмент» в 60-х годах, как правило, демонстрировали отсутствие готовности отказаться от антикоммунизма и антисоветизма и перестроить внешнюю политику сколько-нибудь последо-

---

[1] *Garret S.* Morality at the Water's Edge. — «Common Wealth», 18 March, 1977, p. 170.

вательно, исходя из реальных исторических потребностей, обусловивших необходимость разрядки международной напряженности. Не случайно США развязали агрессивную войну во Вьетнаме, которая способствовала углублению кризиса в политическом сознании США. Элементы внешнеполитического реализма смогли воплотиться в практических действиях правительства США лишь позднее, когда политическое сознание значительной части американцев стало перерастать рамки либерализма периода «холодной войны», когда обозначились кризис этого либерализма и тенденция к повороту влево.

В конце 60-х годов в США начала подниматься волна настроений социального критицизма, адресованных «либеральному истеблишменту». Разнообразные и разнонаправленные настроения и проявления протеста, накладываясь друг на друга, определили существенное изменение общего идейно-психологического климата в стране. Наиболее массовый характер приобрело движение протеста, вызванное войной во Вьетнаме. Американцы, активно выступившие против этой войны, руководствовались разными мотивами и чувствами. Одни были принципиальными и сознательными противниками империалистической, неоколониалистской и интервенционистской внешней политики. Другие руководствовались демократическими, в том числе и либерально-демократическими, традициями США. Речь идет о тех американцах, которые понимали, что агрессивная война усиливает в самих Соединенных Штатах все противостоящие демократии силы, что война с Вьетнамом — опасная авантюра, чреватая поражением, утратой авторитета в глазах мирового и внутреннего общественного мнения.

Распространившиеся к концу 60-х годов в США требования прекратить грязную войну имели левую направленность и усилили позицию групп, критиковавших Пентагон и весь «либеральный истеблишмент» слева. Дискредитация «либерального истеблишмента», а также системы взглядов и верований, которую он символизировал в глазах многих американцев, была также в значительной мере связана с интенсивным ростом настроений и движений протеста против неравноправия рас, национальных и этнических групп в США. 60-е годы были периодом подъема борьбы за свои права черных американцев. Постепенно усиливаясь, эта борьба заставила «либеральный истеблишмент» в 60-х и в начале 70-х го-

дов пойти на ряд реформ, направленных на ликвидацию наиболее вопиющих форм расовой дискриминации. Но эти реформы, носившие типичный для либерализма компромиссный характер, явно не удовлетворяли интенсивно растущие требования черных американцев. В широких слоях американской общественности возникло убеждение, что вашингтонская администрация и все, кто олицетворял неолиберализм, «не уничтожили расизм, не установили экономического равенства» [2]. И это способствовало углублению кризиса неолиберального сознания в целом.

Этому же способствовал все более четко обнаруживавшийся разрыв между требованиями улучшения уровня и качества жизни, которые предъявляли и государству и правящим группировкам широкие массы рядовых американцев, и реальным экономическим положением этих масс. Росла неудовлетворенность конкретными мерами, осуществленными «либеральным истеблишментом» и так разительно отличающимися от широковещательных программ «государства всеобщего благосостояния», или «великого общества» (так называлась программа президента Л. Джонсона, наиболее широкая из программ, ассоциируемых с неолиберализмом). Возник конфликт между «экономическими» ожиданиями, рожденными нарочито оптимистическими прогнозами, с которыми выступали ведущие идеологи либерализма, и реальным состоянием экономики США. Этот конфликт способствовал нарастанию волны социального критицизма в адрес «либерального истеблишмента» и стимулировал в начале 70-х годов поворот многих рядовых американцев влево, в сторону требований более радикального улучшения условий жизни. Поворот влево во взглядах и настроениях значительного числа американцев также четко проявился в росте протеста против авторитарно-бюрократических организаций, созданных в соответствии со схемами неолиберализма.

В этот же период четко определился особый тип ценностной и политической ориентации личности, которая получила наименование леворадикальной ориентации. В конце 60-х — начале 70-х годов личность, демонстрирующая эту ориентацию, становится очень заметным и реально значимым фактором, активно влияет на духов-

---

[2] «Commentary», 1976, Sept., p. 60.

ный климат и политическую ситуацию в США. Леворадикальная ориентация, даже тогда, когда она обнаруживала себя в наиболее четких и массовидных формах, представляла собой феномен, очень сложный для анализа. Она включала весьма различные установки и реализовала себя с разной степенью последовательности в разных, внутренне противоречивых вариантах. Она была подвержена быстрым изменениям, перестройкам, колебаниям, чередованию подъемов и спадов. Однако сегодня, учитывая солидную традицию марксистского анализа процессов, происходивших в идейной жизни США в те годы[3], можно попытаться дать обобщенную и достаточно многомерную характеристику леворадикальной ориентации личности в тех ее вариантах, которые особенно четко обозначались в США в конце 60-х — в первой половине 70-х годов.

Представители леворадикальной ориентации исходили из наличия в США глубокого и всеохватывающего кризиса, из убеждения, что в целом в стране дела обстоят плохо. Это убеждение, по данным очень обстоятельного опроса, проведенного Д. Янкеловичем в 1971 г. среди студентов, разделяло подавляющее большинство опрошенных (62%). Д. Янкелович констатировал, что молодые люди в своем большинстве давали критическую оценку «политического здоровья нации», указывая при этом на разные симптомы болезни: прежде всего на вьетнамскую авантюру (72%), расовые предрассудки (62%), наличие «бедности» (60%), острые экономические проблемы (71%) и т. п.[4]

Радикально-критическое умонастроение в той или иной мере имело антимонополистическую окраску, по-

---

[3] *См. Замошкин Ю. А., Мотрошилова Н. В.* «Новые левые» — их мысли и настроения. — Философия и современность. М., 1973; *Баталов Э. Я.* Философия бунта (Критика идеологии левого радикализма). М., 1973; *его же.* Противоречия современного «левого» радикализма. «Новое левое» движение и его эволюция. — Борьба идей в современном мире, т. 2. М., 1976; *Мельвиль А. Ю.* «Контркультура», ее эволюция и ее современные критики на Западе. — «Вопросы философии», 1974, № 8; *Новинская М. И.* Исторические традиции и леворадикальное сознание. — «Вопросы философии», 1975, № 5; *ее же.* Студенчество США (Социально-психологический очерк). М., 1977; *Грачев А.* Поражение или урок? (Об опыте и последствиях молодежных и студенческих выступлений 60—70-х годов на Западе). М., 1977, и др.

[4] *Yankelovich D.* The Changing Values on Campus, p. 50.

скольку наличие и углубление общего кризиса в США по праву связывалось с деятельностью крупных корпораций, «большого бизнеса», проводимой в соответствии с такими фундаментальными принципами капиталистической практики, как погоня за прибылью и реализация частного интереса. В ходе того же опроса Д. Янкелович обнаружил: большинство студентов (58%) считали, что «реально управляет страной большой бизнес, а не президент, конгресс или общественность». Одновременно студенты отмечали, что «большой бизнес управляет страной, преследуя собственные интересы, что он использует свою страшную силу, исходя прежде всего не из общественного блага, а из эгоистического мотива погони за прибылью» [5].

Леворадикальная критика монополий и некоторых основных принципов капиталистической практики в США носила гуманистический характер. «Там, где экономика находится в руках частных корпораций, для которых нет других мотивов, кроме извлечения прибыли, — там гуманные соображения, забота о человеке отходят на второй план, а соблюдение общественных интересов и вовсе считается роскошью» [6] — вот характерная для леворадикального сознания идея.

Демонстрируя довольно типичный вариант леворадикальной ориентации, Ч. Рейч характеризовал «американский кризис» как «органический кризис самой структуры общества»; в числе его причин он называл «частную власть», «частное богатство». Рейч предлагал обуздать «логику экономики», обеспечивающую интересы «частного богатства». Чтобы подчеркнуть зависимость государства от корпораций, он использовал понятие «корпоративное государство» и при этом отмечал, что «корпоративное государство успешно используется частным интересом, подчиняется погоне за прибылью» [7].

Важной чертой леворадикальных умонастроений явилось то, что главным объектом критики, недовольства, возмущения и протеста стало именно «корпоративное государство». Это понятие, широко принятое левыми радикалами, фиксировало связь государства и корпораций,

---

[5] Там же, с. 60.

[6] *Lindbeck O.* The Political Economy of the New and Left. N. Y., 1971, p. 32.

[7] *Reich Ch.* The Greening of America, p. 6, 110.

т. е. основного политического института и основного института в экономике. Осознание этой в самом деле фундаментальной для современного капитализма связи явилось показателем качественных сдвигов в сознании критически и радикально настроенных американцев. Ведь привычное для США либеральное сознание, как было показано, исходило из идей о принципиальной обособленности политики от экономики, из представлений о независимости государства от «большого бизнеса» и корпораций.

Основным объектом критики становится «истеблишмент», т. е. система прочно взаимосвязанных основных институтов: политических, экономических, правовых, воспитательных. Эта система обозначалась также понятиями «либерально-корпоративное государство», «либеральный корпоративизм» и т. п. и нередко прямо ассоциировалась с «организованным капитализмом» [8]. «Истеблишмент» отвергался вследствие его отчужденности от интересов рядового американца и общественности в целом. Критическая оценка была, так сказать, «тотальной», т. е. распространялась на все действия государства и других институтов, объединяемых понятием «истеблишмент», в том числе и на такие действия, которые осуществлялись под лозунгом «всеобщего благосостояния» и по замыслу лидеров неолиберализма должны были доказывать «гуманизм» государства и его «верность» интересам общества [9].

Леворадикальная ориентация в ее наиболее распространенных вариантах имела общедемократическую направленность. «Истеблишмент» подвергался резкой критике и решительно осуждался как воплощение бюрократии, т. е. такой организации управления, которая является нарушением принципов демократии и неподконтрольна рядовым американцам, а, наоборот, контролирует их жизнь, действия, мысли и чувства. «Наша страна, — кон-

---

[8] *Aronson R., Cowley J. C.* The New Left in the United States. — All We are Saying. The Philosophy of the New Left. N. Y., 1970, p. 29, 31, 33.

[9] «Реформы, проводимые в соответствии с программой государства всеобщего благосостояния, осуществляемые под частным эгоистическим контролем экономических учреждений, неэффективны, — писал известный представитель левых радикалов Т. Хейден, — ибо они задуманы не самими бедняками, для которых они предназначены» (The New Radicals. N. Y., 1966, p. 276).

статировал Ч. Рейч, — постепенно превратилась в жесткую управленческую иерархию. Демократия утрачивает свою силу по мере того, как власть во все большей степени оказывается захваченной гигантскими управленческими институтами»[10].

«Истеблишмент» рассматривался левыми радикалами как воплощение репрессивности, как прямой, грубой, использующей насилие, так и изощренной, использующей средства идейно-психологической манипуляции мыслями и чувствами американцев. «Истеблишмент» в целом и могущественное корпоративное государство в частности, отмечал известный выразитель леворадикальных настроений Т. Роззак, используют «откровенную брутальность» гигантски разросшегося военно-полицейского аппарата, прибегают к «беззаконию закона» (Lawlessness of Law), к «циничному удушению» движения протеста путем преувеличенного внимания со стороны средств массовой информации, превращающих этот протест в сенсацию, в эксцентричную буффонаду, в чисто внешнюю форму, лишенную действительно радикального и социально значимого содержания[11]. Последнее направление репрессивной деятельности в рамках леворадикального сознания получило наименование «репрессивной толерантности».

Критическая оценка антидемократизма господствующей в США системы управления и власти стала характерной чертой леворадикального умонастроения. Так, по данным Д. Янкеловича, 57—58% опрошенных студентов в начале 70-х годов признавали, что американская «система управления является демократической лишь по названию и лишь благодаря усилиям пропаганды массы людей верят, будто то, чего хочет публика, действительно представляет для этой системы значение»[12].

Личность, принявшая леворадикальную ориентацию, осуждала господствующую в США систему институтов за ее бюрократизм. Отождествление системы с бюрократией означало также, что подвергается критике искусственно разросшийся, дорогостоящий аппарат (оплачиваемый налогоплательщиками, т. е. рядовыми американцами). Бюрократия характеризовалась отсутствием внут-

---

[10] *Reich Ch.* The Greening of America, p. 8.
[11] *Roszack T.* The Making of a Counter Culture. N. Y., 1969, p. 37.
[12] *Yankelovich D.* The Changing Values on Campus, p. 9, 53.

ренней согласованности и иррациональностью действий. И не случайно Р. Тернер, описывая новые и типичные элементы в ориентации американцев, разочаровавшихся в системе основных институтов, выделял такое убеждение: системе присущ беспорядок, «на нее нельзя положиться», она кажется воплощением «произвола» и «искусственности» [13].

Леворадикальная ориентация личности конца 60-х годов включала в качестве важнейшего, пожалуй, даже стержневого элемента резко критическое отношение к экспансионистским империалистическим и колониалистским тенденциям во внешней политике США. Иногда критика поднималась до понимания того, что эти тенденции связаны с сущностными характеристиками современного капитализма. Как писал Р. Такер, для радикала «внешняя политика Америки есть по существу ответ на структурные потребности американского капитализма» [14].

Однако гораздо чаще критическая оценка внешней политики США, главным проявлением и символом которой стала позорная война во Вьетнаме, была выражением общегуманистической и общедемократической позиции. Эта война и аналогичные акты внешней политики США рассматривались также как наиболее очевидный симптом бюрократизации системы принятия важнейших внешнеполитических решений, всего механизма власти, отчуждения власти от интересов и воли рядовых американцев, подчинения ее эгоистическим интересам и воле военщины, корпораций, занятых производством оружия, реакционных элитарных группировок.

Леворадикальные умонастроения включали также решительную критику «холодной войны», осуждаемой прежде всего с тех же позиций гуманизма и демократизма. «Холодная война» осуждалась, ибо несла угрозу «горячей» войны и не только локальной, но и мировой, которая в условиях существования ядерного оружия могла обернуться катастрофой, гибелью цивилизации. «Холодная война» осуждалась также потому, что осознавалась ее связь с усилением антидемократических тенденций в

---

[13] *Turner R.* The Real Self. — «American Journal of Sociology», 1976, V. 81, N 5, p. 1001, 1005.

[14] *Tucker R.* The Radical Left and American Foreign Policy. Baltimore — London, 1971, p. 70.

самих США, наглядно проявившихся в период маккартизма, но сохранивших силу и в последующие годы. «Холодная война», констатировалось в так называемой «Порт-Гуронской декларации» — одном из наиболее ярких документов левого радикализма в США, «отравляла и разъедала все проявления интеллектуальной деятельности. Ей в жертву были принесены все существенные ингредиенты демократического процесса: свободная дискуссия, право на несогласие, политический спор и полемика. В итоге она породила состояние террора, таящее в себе столько риска и опасностей, что в конечном счете всякий интерес и всякая безопасность оказались под угрозой» [15].

Наиболее последовательные левые радикалы высказывали убеждение, что именно США виновны в возникновении и эскалации «холодной войны». Р. Такер, характеризуя внешнеполитические взгляды левых радикалов в начале 70-х годов, отмечал в качестве типичного мнения, что «Америка в первую очередь несет ответственность за навязывание «холодной войны» израненному войной (второй мировой войной. — *Ю. З.*) миру» [16].

Высказавшись против «холодной войны», за разрядку международной напряженности, за прекращение агрессивной войны во Вьетнаме, а также за демократизацию внутренней политической жизни в самих США, левые радикалы не могли не выступить также и против политики, идеологии и психологии антикоммунизма. Они не могли не отмежеваться от оголтелого антикоммунизма. Многие левые радикалы, особенно в начале 70-х годов, обнаружили интерес к более объективному знакомству с социалистической идеологией и реальным социализмом.

Одним из самых главных и существенных элементов леворадикальной ориентации оказалась установка на идейно-психологическое и культурно-нравственное обновление личности. Согласно этой установке, личность должна постоянно и активно работать в плане самовоспитания, радикально перестраивать саму себя, освобождать и очищать свои взгляды, мысли, чувства, эмоции, внутренние побуждения и склонности от тех структур сознания и подсознания, которые критикуются и решительно отвергаются радикалами.

---

[15] The New Left. A Documentary History. N. Y., 1969, p. 173.

[16] *Tucker R.* The Radical Left and the American Foreign Policy, p. 11.

Против каких же структур сознания и подсознания личности выступили левые радикалы? Прежде всего против тех структур, в которых воплотилась привычная для США ценностная жизненная ориентация на «успех» во всех ее основных вариантах. Речь идет о традиционной предпринимательской ориентации, связывающей успех с приобретением капитала и даваемыми им привилегиями: богатством, властью, престижем; о карьеристской ориентации, отождествляющей успех со статусом и постом в бюрократической организации; о потребительской ориентации, делающей мерой успеха человека «престижное потребление».

Для левых радикалов жизнь и духовный мир человека, стремящегося к успеху (во всех перечисленных способах его традиционного для США понимания), — это пример отчуждения и самоотчуждения личности. Личность теряет себя, утрачивает собственное «Я», внутреннюю целостность и свободу, подчиняясь внешней и безлично-отчужденной логике капитала, товаров, технико-механических процессов, бюрократических процедур, императивам моды. Левые радикалы, наиболее последовательные в своих убеждениях, резко и решительно критиковали «товарный фетишизм» (а также фетишизм «вещный» и «технологический»). Они подвергали критике «рыночную ориентацию» и прагматистско-утилитаристское отношение к жизни, отвергали «конкуренцию», или «крысиные бега», а также критиковали «коммерсализацию» продуктов культуры, идей и чувств человека [17] Очень часто осуждаемые ими формы практики и личностной ориентации ассоциировались с буржуазным образом жизни.

Согласно леворадикальной ориентации, активный поиск личностью самой себя, обретение ею внутренней целостности и свободы необходимо предполагают ее постоянное противоборство с мощным влиянием всех традиций, порождаемых буржуазным образом жизни, с изощренной и повседневной манипуляторской деятельностью «истеблишмента». В ходе этого противоборства личность должна воспитать в себе невосприимчивость к идейно-психологическому давлению, оказываемому на нее отвергаемыми ею институтами и формами культуры.

Критика буржуазной культуры как коммерчески-ори-

---

[17] *Reich Ch.* The Greening of America, p. 31.

ентированной, закрепляющей отчуждение и конформизм, играла очень большую роль в движении «новых левых» в США. Она была тесно связана с идеей «контркультуры», составляя ее рациональное зерно. Согласно замыслу американских левых радикалов, личность должна была выработать иммунитет против всех инструментов, при помощи которых осуществлялось отчуждение в сфере идеологии и культуры.

Люди, принявшие леворадикальную ориентацию, видели свою задачу в обновлении всех элементов, составляющих внутреннюю структуру личности. Они хотели, чтобы на всех уровнях духовной и психической жизни личности осуществлялось коренное преобразование, в том числе и прежде всего на уровне чувств. В этом, пожалуй, и состоит рациональное зерно идеи «новой чувственности», с которой выступили многие левые радикалы в США. «Молодежный протест нашего времени... — писал Т. Роззак, — достигает уровня сознания, пытающегося преобразовать самые глубинные чувства, которые касаются «Я», другого человека, среды» [18].

В идее «новой чувственности» отразилось, во-первых, понимание того, что реальные силы, институты, традиции и формы практики, противостоящие поискам подлинного «Я», активно «работали» на уровне не столько «рационально-аргументированной» идеологии, сколько привычек, бессознательных и подсознательных побуждений и инстинктов индивида. Во-вторых, эта идея стала формой осознания того факта, что гуманистические и демократические установки личности, ее стремления к свободе и ответственности (требование личной ответственности было свойственно многим левым радикалам) могут быть действительно прочными только в одном случае: если они интериоризованы личностью, превращены ею в глубинные установки, опираются на всю совокупность чувств индивида, на всю его психическую организацию.

Выступая против демагогии, выраженной в форме внешнерациональных схем и аргументов, против идеологических стереотипов и клише, общих абстрактных категорий, используемых для оправдания любых антигуманистических, антидемократических и империалистических действий, левые радикалы нередко апеллировали к повседневному личному опыту рядового американца, к

---

[18] *Rozzack T.* The Making of a Counter Culture, p. 49, 57.

его непосредственным переживаниям. Они рассчитывали, что этот опыт, эти переживания точнее отразят, передадут действительный смысл отношений, событий, ситуаций, с которыми рядовой американец связан в процессе жизненной практики. Апелляция к повседневному индивидуальному опыту рядового американца нередко имела вполне конкретный политический смысл [19].

Рассмотренные черты леворадикальной ориентации в США явились выражением достаточно глубоких сдвигов в общественном сознании и структуре личности. Некоторые из них можно оценить как положительные, ибо они соответствуют необратимым тенденциям поступательного развития, способствуют гуманизации и демократизации общественных отношений, борьбе за разрядку международной напряженности и оздоровлению идейно-политического климата в США. Однако те варианты леворадикальной ориентации личности, которые получили довольно широкое развитие в США в конце 60-х — начале 70-х годов, были крайне противоречивыми.

Выступая как отрицание традиционных форм сознания, в частности либерального сознания, левый радикализм одновременно нес на себе печать влияния этих форм. По форме радикальное, резкое и гневное, отрицание на деле нередко оказывалось неполным и непоследовательным. Было и так: чем более резко, гневно, «тотально» это отрицание выражалось в словах, эмоциях и даже поступках личности, тем более явственно проступала объективная, глубинная, неосознаваемая самой личностью скованность стереотипами господствующей идеологии, рамками традиционного мировоззрения, мышления и восприятия.

Здесь наглядно проявились специфические механизмы, характерные для той стадии обновления сознания личности, когда она уже не удовлетворена старым и даже возненавидела его, но еще не сумела действительно

---

[19] «Спросите человека, — писал Ч. Рейч, — что он делал в течение последних месяцев. Он ответит: «Я защищал свободу в Юго-Восточной Азии». Спросите его еще раз, и, быть может, он поведает вам, как проходили его дни: он стрелял из автомата, иногда в женщин и детей, он поджигал жилища». Второй ответ, по мнению Ч. Рейча, обладает тем преимуществом, что человек, участвовавший в войне во Вьетнаме, преодолевает стереотипы господствующей идеологии и начинает говорить о том, что реально происходило с ним в жизни (*Reich Ch.* The Greening of America, p. 166—167).

радикально от него избавиться, в том числе и на идейно-психологическом уровне. Личности еще не удалось полностью преодолеть влияние старого и, что самое главное, над ним подняться, перейти на качественно иную, принципиально новую ступень развития. Личность уже осознала свое недовольство старым, в том числе и в себе самой; она уже негативно относится и к тому, что она видит, ощущает в окружающем ее мире, и к тому, как она его видит и ощущает. Иными словами, личность начинает критически относиться к старому мировоззрению, к старому способу «рационализации» своих ощущений, к «старой чувственности». Но она еще не обрела и не развила в себе новых, достаточно целостных и адекватных ее реальным жизненным проблемам форм мировоззрения, рационального мышления, способов ви́дения и ощущения.

Речь идет о начале поиска личностью новых форм и способов жизни и сознания, но этот поиск еще не увенчался успехом. Еще не увязаны между собой структуры и элементы, лишь в совокупности дающие принципиально новый тип личности, которому свойственны были бы не только возмущение по поводу тех или иных сторон реальности, не только стремление к обновлению этой реальности и своего «Я», но и умение сформировать новые формы культуры, идеологии, социальной теории. Тогда личность смогла бы опереться на них, на достаточно развернутые программы объективного преобразования общества и личности, т. е. самой себя, наконец, на новые формы не только индивидуального, но и коллективного, организованного действия.

Пока не сложились и не оформились в виде системы перечисленные предпосылки и элементы, пока они не воплотились в деятельности личности на всех уровнях ее духовной и психической жизни, поступательный процесс обновления личности идет крайне сложно, противоречиво. В нем новое причудливо смешано со старым, новое проявляется в старых формах, а старое — в новых. При этом содержание может оказаться подчиненным форме, на которой сосредоточивается энергия личности.

В этом процессе возникают разные ситуации. Довольно часто складывается такая ситуация, когда старые ценности, ранее игравшие роль основного генератора энергии личности, умирают и теряют силу еще до того, как появляются новые ценности, а значит, и новые источ-

ники личностной энергии. Нередко старые ценности превращаются в «антиценности» и на их отрицание направляется энергия личности. Человек, не будучи в состоянии опереться на новые ценности, может уходить в сторону от главных и реальных жизненных проблем, от основных каналов развития личности. Его энергия растрачивается на псевдопроблемы, направляясь в тупики или наталкиваясь на искусственно созданные препятствия.

В столь противоречивом процессе те или другие элементы личностной ориентации и уровни психической жизни личности (например, чувство или разум) могут изменяться крайне неравномерно: одни элементы обновляются быстрее других; их значимость может абсолютизироваться личностью, и тогда она отрицает значение других элементов или уровней психики. В такой ситуации начинается внутренняя борьба разных элементов личностной ориентации и уровней психики, например эмоций и разума, чувственности и рациональности. Эта борьба приобретает экстремальные формы, которые угрожают целостности личности и ее духовному здоровью. Данные общие наблюдения можно подтвердить, проанализировав некоторые особенности леворадикальных умонастроений в США.

Будучи отрицанием основных вариантов буржуазного индивидуализма (предпринимательского, карьеристского, потребительского), левый радикализм по сути дела остался индивидуалистической ориентацией. Но это индивидуализм особого рода: он очищен от атрибутов прагматизма, утилитаризма, эгоизма, нравственного нигилизма и соединен с гуманистическими и демократическими ценностями. Такое соединение уже имело место в истории в период подготовки и проведения антифеодальных революций. Но если в тот период сплав гуманизма и индивидуализма имел исторические основания, то в современном американском обществе с его многосторонними социальными связями такое соединение не может быть действительно органичным. Между тем очень многие левые радикалы в США проповедовали «персоноцентризм» и отстаивали жесткое, свойственное индивидуалистической традиции дихотомическое противопоставление индивида и общества, индивидуальной личности и любых развитых форм социальной организации. Отношения между ними зачастую рассматривались как отношения «тотального противостояния» и борьбы.

Эти отношения истолковывались в соответствии с моделью «игры с нулевым результатом»: возрастание значимости личности, достижение ею большей свободы, степени самовыражения и развития обязательно предполагало в свете леворадикальных идей ослабление взаимосвязей личности с социальной организацией. И наоборот, усиление и развитие социальных и институциональных связей, как утверждали радикалы, неминуемо означало поражение личности в борьбе за подлинное «Я». В пределах этой схемы дихотомических полярностей личности противостояла любая развитая социальная организация, предполагающая четкое определение дисциплинарных норм и формализацию функций и коммуникаций людей, их ролей в рамках данной организации. Любая организация, обладающая такими характеристиками, автоматически получала наименование бюрократии.

Здесь-то и скрывалась внутренняя — глубинная, подспудная — связь левого радикализма с отвергаемым и осуждаемым им неолиберализмом. Именно неолиберализм еще раньше применил понятие бюрократии ко всем формам развитой организации, включающим сложную систему функциональных зависимостей, формализованных процедур и дисциплинарных норм. В одном случае неолибералы использовали понятие бюрократии, не придавая ему определенного оценочного, или «ценностного», знака и применяя его к современному обществу вообще. В другом — они употребляли его, так сказать, с положительным знаком и с его помощью обозначали организацию, обладающую наибольшей эффективностью. Но и в первом и во втором случаях это понятие у неолибералов служило прежде всего для оправдания и апологетики организации государственно-монополистического капитализма и всех тех форм организации, которые в США стали ассоциироваться с «истеблишментом».

Левые радикалы в отличие от неолибералов выступили, как было показано, с резкой критикой «истеблишмента» и связанной с ним бюрократической авторитарно-иерархической социальной организации. Их недовольство, протест отражали непосредственный и вполне реальный практический опыт миллионов американцев. Однако левые радикалы при выражении своего протеста стали использовать то же понятие бюрократии, что и неолибералы. Они не поднялись выше формально-функционального определения бюрократии, до понимания ее кон-

кретно-исторических, классовых, политэкономических характеристик. Левые лишь «радикально» изменили ценностный знак — с нейтрального или положительного на резко отрицательный. Отрицанию подвергалась любая сложная социальная организация, демонстрирующая четкую систему дисциплины и предполагающая формализацию связей и функций людей. В итоге — тотальное отрицание всякого сложного и развитого управленческого, административного механизма как «бюрократии» и символа отчуждения. Такое отрицание внесло весьма заметный элемент анархизма в американский левый радикализм.

Эта тенденция хорошо описана в литературе США. Например, известный социолог И. Л. Горовиц, хотя и разделяющий предрассудки либералов в отношении левых радикалов, все же был прав, когда утверждал, что в леворадикальном сознании «существует сильный импульс в направлении анархизма, связанный с чувством, что любая организация с четкими внутренними связями будет порождать жесткие негативные последствия» [20]. На анархическую борьбу с любыми формами социальной организации, в том числе и с теми, в которых нуждалось само движение протеста, левые радикалы истратили огромный запас энергии. А ведь протест они могли бы целиком направить на борьбу против реальных и основных врагов демократии: военно-промышленного комплекса, организованного милитаризма, крупнейших монополий, политических организаций правящего класса или организаций массовых коммуникаций, которые оказались в руках реакционных группировок, клик и мафий.

Склонность к анархическому бунтарству, воплощенная в особом типе радикала-бунтаря, естественно, мешала многим левым радикалам выработать действительно альтернативные концепции и сколько-нибудь конкретные программы. Левый радикализм в США смог противопоставить бюрократии чаще всего лишь идею общины, построенной на чисто личностных отношениях и сохраняющей явную печать раннелиберальной или даже консервативно-патриархальной традиции. Альтернативой бюрократии нередко оказывалось также стихийно возникающее объединение масс, лишенное четкой организацион-

[20] *Horowitz I. L.* Ideology and Utopia in the United States. 1956—1976, p. 183.

ной структуры и потому аморфное, подверженное стихии настроений и колебаниям конъюнктурных ситуаций. Реальной и мощной бюрократической организации «истеблишмента» левые радикалы-бунтари противопоставили лишь волю и спонтанный, эмоциональный импульс личности [21].

Левые радикалы в США протестовали против бюрократических организаций, но бюрократию они отождествляли с принципами эффективности и полезности вообще. Активность личности, направленная на саморазвитие и поиски «Я», оказалась искусственно противопоставленной любым видам деятельности, сознательно ориентированной на максимальную эффективность, в том числе деятельности трудовой и политической. Недаром же в сознании многих американских левых радикалов обозначилась дихотомия двух полярных символов-образов: «Прометея» и «Орфея».

«Прометей» стал олицетворением целенаправленной, сознательно ориентированной на пользу людей деятельности, в том числе трудовой. «Орфей» — символ и идеал личности, чья деятельность абсолютно свободна от соображений полезности и является спонтанной «игрой». Специально подчеркивалось, что игра здесь не имеет ничего общего с рационально упорядоченными правилами (что имеет место, скажем, в игре в шахматы) и не подчинена практически поставленным целям, в том числе и стремлению к победе; она подобна играм маленьких детей и сообразуется лишь со стихией внутреннего индивидуального импульса. Орфей, а не Прометей стал положительным символом.

Сам принцип эффективности, т. е. максимальной практической результативности, стал объектом «тотального» отрицания независимо от того, был ли он связан с социально значимыми или эгоистическими целями. «Тотальному» отрицанию подвергся не только принцип организованности и эффективности, но также и принцип рациональности, как таковой. Отвергалась ориентация на целенаправленное составление рациональной программы деятельности, предполагающей логическое и практическое согласование целей и средств, различных этапов, актов и видов деятельности индивида, группы или массы

---

[21] Там же.

людей, объективно объединенных для решения какой-либо задачи.

Ориентация на рациональность в сознании многих левых радикалов представала в механической связи лишь с прагматическим и утилитарным расчетом человека, стремящегося к успеху в его предпринимательском, карьеристском или обывательско-потребительском понимании. Левые радикалы в США привыкли к рациональности дельца или функциональной рациональности бюрократа, не считающегося с потребностями истории, трудящихся масс. В американской действительности им приходилось часто сталкиваться с «рационализацией» эгоистических мотивов (прежде всего мотива частной прибыли) и своекорыстных интересов буржуазного индивида, привилегированных классов. «Рациональными» аргументами апологеты капитализма оправдывали агрессивные войны и другие действия, направленные на антигуманные цели. Так и случилось, что радикалы, сталкиваясь с антигуманными проявлениями принципа рациональности, выступили против идеи рациональности вообще. Они оказались не способными к дифференцированному критическому анализу различных конкретно-исторических типов рациональности. Их резко критическое отношение к принципу рациональности было результатом не зрелого анализа, а лишь эмоционального импульса, стихийно отразившего их специфический частный опыт. Здесь проявилось некритическое восприятие распространенных в США стереотипов обыденного сознания.

В сознании левых радикалов закрепилась дихотомическая схема, в рамках которой противопоставлялись друг другу разум и страсть, рассудок и стихийный эмоциональный импульс, «прометеевская» деятельность, подчиненная законам научного мышления, логики, императивам практики, и «орфеевская» деятельность — «игра», свободная от законов логики и влияния практических задач.

Антирационализм радикально-ориентированной личности в США проявился в разных масштабах и формах. В экстремальных вариантах он нашел выражение в некоторых романтических и утопических проектах «контркультуры», в поисках невербальных (освобожденных от законов языка) способов коммуникации, в культе мистического транса, в использовании наркотиков, стимулирующих и деформирующих эмоции, и т. д. Эти экстре-

мальные варианты левого радикализма в немалой мере способствовали его дискредитации в глазах многих представителей американской общественности.

Антирационализм многих левых радикалов выразился в том, что их реальный социально значимый политический протест оказался лишенным научно обоснованной программы и организационной формы. И. Гаровиц отметил факт «соединения политического радикализма с философским иррационализмом», что в той или иной степени способствовало характерной для многих левых радикалов тенденции к стихийному бунтарству в политике, к авантюристическим действиям, в которых «разум был заменен страстью» [22].

Уже было показано, что в сознании личности, усвоившей постулаты неолиберализма, прочно укоренилось представление, согласно которому господствующие в США формы организации якобы являются продуктом и воплощением «императивов» новой техники. Иными словами, произошло смешение и отождествление целей этих организаций с используемыми ими техническими средствами, подмена целей средствами. Укрепились стереотипы и мыслительные схемы «технологического фетишизма» и «технологического детерминизма», мешающие понять, что одна и та же техника может эффективно служить разным целям — гуманным и антигуманным.

Заслугой американских левых радикалов было то, что они выразили резко критическое отношение не только к авторитарно-бюрократической системе в США, но и к факту активного использования ею новой техники в эгоистических и антигуманных целях. Они выразили критическое отношение к разнообразным отрицательным последствиям НТР в США, а также к идеологии «технологического фетишизма» и «технологического детерминизма» вообще. Однако в этом критическом осуждении левые радикалы не были достаточно глубоки и последовательны.

Они некритически восприняли те способы и структуры мышления, те стереотипы, которые лежали в основании идеологических схем «технологического детерминизма» и «технологического фетишизма». В результате главное направление их критики оказалось перемещенным с социально-классовых, политико-экономических основ отрицае-

---

[22] Там же, с. 180.

мой ими системы использования современной техники на саму современную технику. «Технологическому фетишизму» был противопоставлен «антитехницизм». Последний по сути дела был «превращенной» формой того же «технологического фетишизма», ибо технику радикалы продолжали рассматривать как совершенно самостоятельную силу, якобы детерминирующую все основные социальные характеристики использующего ее общества и человека. Но отношение к ней стало противоположным — не положительным, а резко негативным.

«Антитехницизм» левых радикалов, или «технологический фетишизм», наоборот, имел многие отрицательные последствия. Он, в частности, привел к тому, что протест нередко был направлен на борьбу не с капитализмом и теми классами, которые стоят на его защите, а с современной техникой и теми, кто ее создает и приводит в движение. Этот протест в одних случаях принимал вид бунтарских актов, направленных против новой техники, поиска новых форм «луддитского движения» и т. д. В других случаях создавались романтически-утопические проекты избавления от современной техники, например создание коммун, опирающихся исключительно на труд ремесленного типа и примитивную архаическую технологию (коммуны такого рода и сейчас встречаются в США).

Итак, в сознании левых радикалов действовали механизмы, в конечном счете определившие сужение и деформацию социального протеста, его смещение, т. е. перенесение недовольства с реального и главного противника на противника второстепенного и даже мнимого. Эти механизмы наглядно проявились в отношении левых радикалов к проблемам не только современной техники, но и личного потребления в США. Левые радикалы, как известно, резко и страстно выступили против узкопотребительской жизненной ориентации, объявляющей владение вещами и потребление главной целью, смыслом жизни. Они горячо выступили против «престижного» и «показного» потребления, когда личность принуждается к покупке и потреблению вещей и услуг не потому, что они нужны для развития ее физического и духовного потенциала, а потому, что придают ей в глазах других людей и в ее собственных социальную значимость, ценность и престиж. Они выступили против «крысиных бегов» за символами потребительского успеха, т. е. против конкурен-

ции в сфере потребления, разобщающей людей и деформирующей человеческие отношения. Наконец, радикалы выступили против манипулятивного влияния на личность потребительской рекламы и диктата коммерчески-ориентированной моды, навязывающих личности эталоны потребления и лишающих человека свободы и индивидуальности в его частной жизни.

Однако большинство левых радикалов конца 60-х и начала 70-х годов не сумело дифференцированно подойти к проблемам потребления и потребностей. Они не смогли отделить отчужденные виды потребления от тех, которые были естественным продуктом объективного развития цивилизации и личности современного человека. Они не сумели также отделить потребности деформированные, искусственно форсируемые, связанные с «показным» потреблением и потребительской конкуренцией, от новых потребностей, естественно и спонтанно возникающих у рядовых американцев и проявляющихся в тех устремлениях и действиях трудящихся США, которые направлены на улучшение уровня жизни и качества потребляемых вещей и услуг. Эти требования возникали как протест против фактического классового неравенства в сфере потребления и отражали объективный факт несоответствия между действительными возможностями современного производства в США и реальным материальным положением массы трудящихся.

Одномерное ви́дение проблем потребления и динамики потребностей породило столь же одномерную «тотальную» антипотребительскую установку, характерную для многих американских левых радикалов в конце 60-х — начале 70-х годов. Оказалось смещенным и направление антипотребительского протеста. Главными объектами протеста были не столько неравенство классов в отношениях распределения и потребления, не столько буржуазные способы потребления и капиталистический образ жизни, сколько сами вещи, предметы массового потребления.

Однако в антивещной ориентации левых радикалов в США было и рациональное зерно. В ней объективно получил своеобразное отражение тот факт, что в условиях капитализма нередко производятся вещи, вряд ли нужные современному человеку. Они производятся ради обеспечения высоких прибылей корпораций. Одновременно не удовлетворяются необходимые потребности (на-

пример, не строится достаточное количество школ, больниц, ясель, спортивных площадок, дешевых жилых домов и т. д.). Критика должна была вскрывать социальные и политические причины перепроизводства одних товаров, услуг и недопроизводства других. Но подняться до такой критики большинство левых радикалов не смогло.

Одномерная и «тотальная» антивещная ориентация многих левых радикалов в США зачастую была только «превращенной» формой отрицаемого ими вещного фетишизма: вещи сами по себе превращались в некую самостоятельную силу, хотя и негативно оцениваемую. Потребительски-ориентированное сознание, особенно в его неолиберальном варианте, придавало обладанию вещами и предметами личного потребления роль главного фактора, якобы обеспечивающего прогресс, гуманизацию и социальную гармонизацию капитализма, а также нравственное здоровье и счастье человека. Многие левые радикалы рассматривали обладание вещами как главный источник, чуть ли не первопричину отчуждения, разобщения людей, нравственной и духовной деградации, «обуржуазивания» человека.

Вкусы, формы потребления и быта многих левых радикалов в США часто были проявлением «эпатажа», т. е. нарочитого, демонстративного, чисто эмоционального протеста против привычных эталонов потребления, господствующей моды. Конформизм по отношению к «неконформному» стилю и нетерпимость к индивидуальности у радикалов проявлялись в столь же четкой форме, как и у их оппонентов, представляющих господствующий тип жизни.

Под влиянием типично американских механизмов оценки у них также сложилась привычка считать людей «своими» (или «чужими»), руководствуясь прежде всего внешними, вещными признаками. Только критерий моды изменился: неаккуратно одетый, нетщательно подстриженный «технократ» был их идеалом; властно заявил о себе новый, экстравагантный стиль моды, жизни и поведения. И радикалы следовали ему не менее строго, чем их противники-технократы бюрократически заданным «эталонам» одежды, стилю жизни и общения.

Ограниченность и одномерность антипотребительской ориентации и смещение главного направления антипотребительского критицизма имели серьезные негативные

последствия. К ним относятся: недоверие радикалов к экономическим формам борьбы американских рабочих за свои права; непонимание проблем развития реального социализма, значения программ, рассчитанных на улучшение уровня жизни в странах социализма. Более того, известно, что левые радикалы в США в некоторых случаях даже проявляли склонность к маоистской демагогии.

Следует учитывать, что антипотребительская ориентация левых радикалов в США была одним из частных проявлений их общего негативистского отношения к конкретным проблемам экономики. В годы подъема левого радикализма, т. е. в конце 60-х и начале 70-х годов, фундаментальные экономические проблемы мало волновали левых радикалов. Их не очень беспокоили такие вопросы, как объем производства и производительность труда, проблемы ресурсов и энергии, инфляция, безработица и низкий уровень материального благосостояния (исключение составляют, пожалуй, лишь проблемы безработицы среди некоторых групп интеллигенции и откровенной бедности цветных американцев, живущих в этнических, расовых «гетто»). Их главное внимание привлекали вопросы, непосредственно с экономикой не связанные: прекращение войны в Юго-Восточной Азии, ликвидация расовой сегрегации, демократизация образования, борьба с авторитарно-бюрократическими тенденциями за автономию личности и возможности ее самовыражения. Вопрос о «стиле жизни» волновал их гораздо больше, чем проблема обеспечения материально-экономических условий существования больших масс населения. Здесь отчасти сказался тот факт, что левые радикалы в своей значительной части представляли слои интеллигенции, служащих, т. е. те слои, которые объективно занимали средние ступени на лестнице доходов. Но еще большую роль здесь сыграл тот факт, что в этот период общая экономическая ситуация в стране характеризовалась относительной стабильностью.

Говоря об отношении леворадикального сознания к экономическим проблемам, важно учитывать (что делается редко) то глубокое влияние, которое оказывала на общественное сознание, и в том числе на сознание левых радикалов, либеральная идеология 60-х годов, ее оптимистические и утопические прогнозы в отношении настоящего и будущего экономики США. Ведь американцу

долгое время твердили, что он живет в самом высокоразвитом «индустриальном» обществе и вступает в «постиндустриальное» общество — общество «массового потребления», что он — член «великого общества», государства «всеобщего благосостояния» и т. п. Многие левые радикалы, критически относящиеся к либеральной идеологии, вместе с тем некритически восприняли в общем радужную информацию о состоянии дел в области экономики, которая годами внедрялась в сознание американцев пропагандистским аппаратом «либерального истеблишмента». Они приняли ее за реальную. Они полагали, что в сфере экономического роста и научно-технического развития существующая в США система работает «эффективно».

Ч. Перроу, сторонник и одновременно серьезный исследователь левого радикализма в США, констатировал, что «левые радикалы, критически оценивая систему большого бизнеса в США, слишком часто предполагали, что имеют дело с внутренне согласованной, целостной и рациональной системой» [23]. Д. Янкелович в ходе опросов общественного мнения обнаружил, что многие леворадикалистски настроенные студенты в начале 70-х годов воспринимали быстрый и бесперебойный экономический рост и рост общего благосостояния как постоянные характеристики страны, как нечто «гарантированное» [24].

Хорошо известно, что в общей критической оценке, в общем ви́дении положения дел в США многие американские левые радикалы в целом обнаруживали явный негативизм и даже пессимизм. Однако за этим негативизмом и пессимизмом нередко скрывался глубинный и неосознаваемый самой личностью «оптимизм» прежде всего в отношении перспектив экономического роста и подъема благосостояния: здесь-то и сказывался тот факт, что на веру принималась та картина экономической жизни в США, которая была создана в 50 — 60-х годах неолиберальной идеологией [25]. Пессимизм и оптимизм в оценках причудливо переплетались. Левые радикалы нередко счи-

---

[23] *Perroy Ch.* The Radical Attack on Business. N. Y., 1972, p. 267.

[24] *Yankelovich D.* The Changing Values on Campus, p. 92, 95.

[25] Правда, скрытый «оптимизм» радикалов нередко сопровождался неким чисто эмоциональным и еще смутным ощущением зыбкости видимого экономического благополучия, предчувствием его временности, но эти ощущения и предчувствия не опирались на конкретный анализ фактических тенденций в экономике страны.

тали: личности, стремящейся к самовыражению, к неотчужденному общению, потому так «плохо», что слишком «хорошо», слишком «эффективно» работает система экономики, система власти, система подавления, слишком «хорошо» обстоят дела у презираемых и ненавидимых ими представителей «истеблишмента».

И все же нельзя недооценивать той эмоциональной «встряски», которую вызвало распространение леворадикальных идей в США. Средние американцы привыкли слышать об «эффективности» и «организованности» своего общества. По существу они впервые услышали, притом от своих собственных детей, негативную оценку всего того, что всегда было предметом их гордости. Нигилизм критических леворадикальных деклараций разительно контрастировал с традиционной верой в исключительность Соединенных Штатов Америки.

Левые радикалы не питали надежды на то, что объективные тенденции развития производства, экономики смогут укрепить перспективу обновления общества. Они возлагали надежды не на основное ядро производителей — рабочий класс, а на люмпен-пролетариат и люмпен-интеллигенцию, которые оказались за пределами активной хозяйственной жизни. Они нетерпеливо и страстно мечтали о «тотальном» обновлении общества, но не умели вести кропотливую повседневную организованную борьбу за революционизацию масс трудящихся, за их насущные практические интересы, в том числе и прежде всего в сфере экономики. Поэтому они возлагали основные надежды на случай, а порой и на катастрофу.

Левые радикалы наивно полагали, что катастрофа, т. е. резкое углубление кризиса прежде всего в политике, а также в экономике, сама по себе вызовет желаемое революционное преобразование, желаемую «мутацию» общества. Как ни парадоксально, но радикал иногда даже страстно приветствовал любые кризисные явления, любое реальное ухудшение положения, в том числе экономического, массы людей, ибо мыслил по схеме «чем хуже, тем лучше». В среде левых радикалов можно обнаружить личность с бунтарско-экстремистской ориентацией, обуреваемую авантюристическими намерениями. Такая личность готова даже спровоцировать революционный взрыв при помощи авантюристических действий, в том числе направленных на разрушение производства, его технической и организационной базы, на дезоргани-

зацию хозяйственной и экономической жизни. Естественно, что подобная ориентация, проявившаяся у части левых радикалов, отталкивала от них значительное число промышленных рабочих и представителей тех слоев, которые тесно связаны с производством, непосредственно и больше всего страдают от кризисов в экономике и потому заинтересованы не в углублении кризиса, а в улучшении положения дел в хозяйстве США.

Здесь надо учесть следующее важное обстоятельство. Пока экономическое положение США было относительно благополучным, леворадикалистская критика неолиберального «экономизма», неолиберальных расчетов на бесперебойный экономический рост и товарно-вещное «изобилие» могла восприниматься как один из симптомов их критицизма. В этих условиях леворадикальные настроения «антиэкономизма», «антитехницизма», «антирационализма», «антипотребленчества» и «антивещизма» воплощали оправданное критическое недовольство и могли восприниматься как показатель страстной и радикальной критики существующего порядка.

Но в 70-х годах в США началось быстрое нарастание трудностей и кризисных процессов в экономике (реальный спад производства, рост безработицы и инфляции), все более острой и пугающей стала проблема энергетического кризиса и т. д. И тогда стали более заметными негативные стороны пренебрежения экономическими проблемами. Такая ориентация левых радикалов стала раздражать большое число американцев, реально сталкивающихся не с «чрезмерным потреблением», а с действительным ухудшением бытовых условий и падением уровня потребления, не с «рациональностью» и «эффективностью» экономической системы США, а с фактами ее дезорганизации и внутреннего кризиса.

Когда положение дел в экономике стало на самом деле значительно хуже — и это непосредственно ощутили на себе миллионы американцев, — тогда лозунг «чем хуже, тем лучше» был явно дискредитирован. Здесь одна из причин дискредитации левого радикализма в целом, и прежде всего его романтико-утопического, а тем более бунтарски-экстремистского вариантов. Более четко выявился отрыв идеологии левого радикализма от реальных трудностей и проблем, с которыми столкнулись миллионы рядовых американцев в сфере экономики, труда и быта.

В начавшемся с 1972 г. процессе спада движений социального протеста в США существенную роль сыграл и тот факт, что леворадикальная ориентация часто сама себя обозначала как ориентация немногих профессиональных групп. Это были группы людей, занятых духовной деятельностью, а также студенты. Иными словами, речь шла о сегодняшней и завтрашней интеллигенции, преимущественно гуманитарной. Подчеркивалось и выделялось положение молодежи как особой возрастной группы, являющейся носителем леворадикальной ориентации. Специфические проблемы этих групп и их роль в обществе нередко абсолютизировались, одновременно они противопоставляли себя другим профессиональным или возрастным группам, например «поколению отцов» или промышленному пролетариату.

В результате левый радикализм в глазах многих американцев, не принадлежащих к молодежи, студентам и интеллигенции, стал ассоциироваться либо с «молодежным», либо с «интеллигентским синдромом». Правда, в леворадикальной критике «поколения отцов» было много рационального, правильно были отмечены и осуждены ориентации на успех, прагматизм, конформизм и приспособленчество; было много рационального и в постановке вопроса о требованиях учащейся молодежи, а также интеллигенции, вопроса о характере духовного творчества, т. е. проблем, очень значимых и реальных для современной Америки. Однако искусственное, настойчиво декларируемое противопоставление разных поколений и представителей различных видов труда в значительной степени способствовало внутреннему кризису и падению влияния левого радикализма в США.

Весьма важную роль здесь сыграли экстремистские формы этого течения, в частности бунт против общественных ограничений в сфере морали, в том числе и самых элементарных ее норм. Демонстративное акцентирование проблематики сексуальных отношений, открытое обращение к таким формам половых отношений, которые явно противоречили многовековым обычаям, принятым нормам, а иногда законам социальной гигиены, здравому смыслу; столь же демонстративное употребление наркотиков — все это не могло не вызывать недовольство у широких слоев американского населения. Очень многие американцы стали обнаруживать недоверие к левому радикализму в целом.

Говоря о причинах спада леворадикального движения, нельзя не учитывать и ту активную борьбу, которую развернули против него весь официальный «истеблишмент» и правящие классы. Арсенал орудий, направляемых против левого радикализма современным капитализмом США, весьма разнообразен. Он включает и акции грубого полицейского подавления, кампании травли, и разжигание среди обывателей своеобразного «антимолодежного расизма», и «мягкие» приемы частичных уступок и реформ в различных областях жизни.

К бунтующей молодежи применялись и применяются весьма тонкие методы духовного приручения вроде известной «репрессивной терпимости», предполагающей «абсорбцию» капиталистическим обществом и коммерчески-ориентированной культурой некоторых внешних признаков протестующей личности ради выхолащивания сути этого протеста. Например, наиболее ловкие американские бизнесмены нажили миллионы на тех атрибутах моды, которые были свойственны поколению молодых радикалов. Широко поставленная практика подавления, «интеграции» или дискредитации леворадикального движения и его идеологии, а также леворадикального «стиля жизни» явилась одним из важных факторов, способствовавших спаду движения социального протеста в США к 1972 — 1973 гг.

Глава X

Личность и идейно-политическая ситуация 70-х годов в США

Спад леворадикального движения протеста в США не означал, однако, спада критических настроений: в стране все более настойчиво заявляло о себе вновь назревающее недовольство. Социальный критицизм захватывал теперь тех американцев, которых в США принято называть рядовыми, в численном отношении они составляют большинство населения страны.

Этот процесс отразил спонтанную, непосредственную и очень типичную реакцию рядового американца на объективное и явное ухудшение положения дел в стране, на многочисленные симптомы углубления кризиса в политике, экономике и морали. Среди них были и поражение во Вьетнаме, и провалы других внешнеполитических авантюр, и «уотергейтское дело», и распространение коррупции в верхах, и рост насилия, преступности, наркомании в стране. Тут сыграли огромную роль спад производства, интенсивное возрастание инфляции и безработицы, обострение энергетических проблем.

Резкое усиление настроений недовольства и критицизма среди рядовых американцев с начала 70-х годов — факт общепризнанный, отмеченный многочисленными наблюдателями и исследователями в самой Америке. Например, Д. Янкелович в 1975 г. констатировал, что все обследования общественного мнения регистрировали сдвиги, «подобные взрыву», в самочувствии большинства американцев. «Лишь несколько лет назад, — замечал он, — большинство американцев заявляло о доверии к нашим институтам, принимало на веру то, что говорили наши лидеры, и более сурово осуждало критиков нашего общества, чем само общество. И тем не менее к середине 70-х годов это большинство переменило свое отношение и стало демонстрировать позиции, напоминающие о той

радикальной критике страны, с которой настойчиво выступали молодежь в колледжах и черные американцы в 60-х годах. Если мы должны верить обследованиям, то общественность в общем и целом, бывшее «молчаливое большинство» демонстрируют поворот от благожелательного и автоматического принятия наших институтов к критицизму, смешанному с беспокойством». Д. Янкелович признает далее: «Трудно представить себе что-либо более разительное, чем контраст состояния умов и чувств американцев в 1975 г. по сравнению с 60-ми годами»[1].

Об общей тенденции роста настроений недовольства в США наглядно говорят и опросы, проведенные организацией Л. Харриса[2]. Если в 1966 г. среди опрошенных «недовольные» составляли 29%, то к 1974 г. их число возросло до 59%[3]. Наиболее характерной чертой состояния умов и чувств недовольных американцев оказался рост недоверия к правящей верхушке, к тем, кто стоит во главе основных институтов в политике, экономике и общественной жизни США, и прежде всего федерального правительства и «большого бизнеса». Так, по данным Мичиганского университета, недоверие к федеральному правительству начало интенсивно возрастать с 1968 г., когда число недовольных составило 27%, и к 1973 г. достигло 51%. В этот период недоверие к «большому бизнесу», по свидетельству Д. Янкеловича, росло еще интенсивнее: с 30% недовольных в 1968 г. до 70% в 1975 г. В 1975 г. 91% опрошенных американцев в общей форме выразили недоверие к тем, «кто находится у власти»[4].

В принципе аналогичные данные приводит и Л. Харрис в следующей таблице[5]:

---

[1] *Yankelovich D.* The Status of Ressentiment in America. — «Social Research», 1975, N 4, p. 760.

[2] «The Harris Survey», 25 March, 1976.

[3] Приводя здесь и далее данные, полученные в результате опросов общественного мнения, мы исходим из того, что общенациональные опросы, осуществленные наиболее солидными институтами (Д. Янкеловича, Л. Харриса, Дж. Гэллапа и т. п.), при всей мировоззренческой, теоретико-идеологической ограниченности их организаторов являются важными источниками информации, позволяющими судить о направлении и масштабах сдвигов в мнениях и настроениях американцев, в идейно-психологическом климате страны. Более подробное обоснование этой точки зрения см. «Американское общественное мнение и политика». М., 1978.

[4] *Yankelovich D.* The Status of Ressentiment in America. — «Social Research», 1975, N 4, p. 761.

[5] «The Harris Survey», 22 March, 1974; 8 Dec., 1977.

Основные институты	Степень доверия (в %)			
	1966 г.	1974 г.	1975 г.	1976 г.
Военные	62	33	24	23
Верховный суд	50	40	26	22
Ведущие организации в сфере бизнеса	55	21	19	16
Исполнительная власть	41	28	13	11
Конгресс	42	19	13	9

Стремясь выявить и конкретизировать внутреннюю структуру, основные параметры ощущаемого рядовыми американцами недовольства, некоторые организаторы опросов общественного мнения (Д. Янкелович и др.) выработали ряд типичных формулировок и предложили опрашиваемым высказать согласие или несогласие с ними. Получены следующие результаты: с формулировкой «Люди, наделенные властью, не вызывают больше доверия» согласились 82% опрошенных; с высказыванием «В стране наблюдается низкий уровень морали, и он падает все ниже» — 73; «Правительство отбирает у людей свободу» — 62; «Слишком большое внимание уделяется группам, отражающим интересы меньшинства населения» — 48; «Нет справедливости для бедных» — 47% населения [6].

В общенациональных опросах, проводимых Л. Харрисом, в качестве основных параметров проявления недовольства употреблялись несколько иные, хотя в чем-то сходные высказывания. В результате выявлены следующие мнения недовольных американцев [7] (см. табл. на с. 203).

Не только опросы общественного мнения, но и более углубленные исследования, выполненные социологами-профессионалами, систематически регистрировали аналогичные параметры самочувствия рядовых американцев. Так, в ходе обстоятельного исследования, проведенного в 1974 г. Национальным центром по изучению общественного мнения при Чикагском университете, 65,7% согласились с высказыванием: «Большинство официальных лиц (лиц, занимающих посты, которые имеют обще-

[6] «Time», 26 August, 1974, p. 30.
[7] «The Harris Survey», 27 June, 1974; 8 Dec., 1977.

Высказывания*	1972 г.	1977 г.
	В % к числу опрошенных	
Богатые становятся богаче, а бедные беднее	67	77
«Группы специальных интересов» ** получают от правительства больше, чем простые люди	Опрос не проводился	76
Законы о налогах помогают богатым, а не простым людям	74	73
Большинство людей на выборных постах занимаются политической деятельностью для того, чтобы извлечь личную выгоду	Опрос не проводился	65
Тому, что думаете Вы, не придают большого значения	51	61
Людей, руководящих страной, мало заботит, что происходит с Вами	48	60
Большинство людей, находящихся у власти, стараются извлечь выгоду из таких людей, как Вы	36	60
Люди, руководящие правительством в Вашингтоне, не имеют контакта со страной	Опрос не проводился	59

* Опрашиваемому предлагается выразить согласие или несогласие по каждому из этих высказываний.

** «Группами специальных интересов», или «группами давления», обычно называют в США ассоциации или организации, оказывающие воздействие на государственные органы и на конгресс с целью получения для себя желаемых результатов. К их числу относятся объединения и союзы предпринимателей, профсоюзы, различного рода политические организации (меньшие по размеру, чем партии), организации, объединяющие этнические и национальные группы, религиозные организации, разнообразные добровольные общества. В США большинство рядовых американцев обычно не ассоциируют себя с данными объединениями и не рассчитывают на их помощь. Это относится даже к ведущим профсоюзам, которые в США, как известно, включают меньшинство рабочего класса и руководство которых очень часто выступает не за улучшение жизни всех трудящихся или реализацию общих целей социального прогресса, а в защиту групповых интересов своих членов.

ственную значимость) реально не интересуются проблемами рядового человека» [8].

Состояние сознания и самочувствия, характеризуемые указанными параметрами, высказываниями и мнениями, получило в США наименование «политического отчуждения». Личность, в четкой форме демонстрирующая такое самочувствие и сознание, стала называться «политически отчужденной». Понятие «политического отчуждения» начали широко применять не только исследователи,

[8] *Taylor D. G.* The Srole Anomic Data. — «Social Change Trend Report» (Chicago University), N 38, April 1975, p. 1.

но и многие журналисты при оценке состояния общественного мнения в стране, а также сами рядовые американцы при оценке собственных чувств и взглядов [9]. И хотя это понятие не соответствовало сколько-нибудь адекватно содержанию теоретической концепции отчуждения, оно все же довольно точно характеризовало реальное состояние личности, остро ощущающей свое отчуждение от основных институтов, группировок и лиц, контролирующих политику в США.

Речь шла о личности, осознающей тот факт, что «большая» политика в США делается за ее спиной, что те, кто ее делают, преследуют свои эгоистические цели и не считаются с интересами, проблемами и мнениями рядовых американцев. Миллионы американцев, по выражению Д. Янкеловича, «чувствовали себя изолированными и отстраненными от политического процесса». В середине 70-х годов, отмечал он, многие американцы ощущали себя «забытыми и бессильными». Они «убеждены в том, что их мнение не имеет реального значения». Они чувствуют себя объектами «манипуляции и использования со стороны тех, кто управляет страной». Они «опасаются», что этих людей «не заботит» то, что волнует большинство американцев [10].

Понятие «политическое отчуждение» характеризовало личность, разочаровавшуюся в существующей в США политической системе и тех символах, которые традиционно использовались для объяснения и оправдания политических действий. П. Бергер в этой связи писал: «Во всевозрастающей степени... народ начал чувствовать свое «отчуждение» от политической реальности и ее символов». Политические институты стали восприниматься как «нечто формальное и отчужденное с точки зрения конкретных параметров жизненного опыта индивидуума» или «совсем с ним связи не имеющее» [11].

---

[9] Характерно, что понятия «отчуждение» и «политическое отчуждение» получили в США широкое распространение первоначально в конце 60-х годов в среде интеллигенции и учащейся молодежи. Они возникли как результат знакомства (хотя зачастую и весьма поверхностного) с работами К. Маркса и Ф. Энгельса, с европейской философской литературой. К середине 70-х годов этими понятиями стали широко пользоваться и «средние» американцы, которые порой весьма критически относились к левым радикалам.

[10] *Yankelovich D.* The Status of Ressentiment in America. — «Social Research», 1975, N 4, p. 762.

[11] *Berger P.* a. o. The Homeless Mind, p. 183, 184.

«Политическое отчуждение» переживалось большинством граждан США крайне болезненно. Это связано с тем, что, во-первых, многие американцы традиционно верили в возможности их воздействия на политику и, во-вторых, среди широких слоев населения страны росло понимание того, что судьба индивида все в большей степени зависит от общеполитических решений. Л. Ченовез, характеризуя самочувствие «средних» американцев, специально подчеркивал «растущую фрустрацию». «Мы верим, что индивид имеет важное значение, но мы чувствуем себя не имеющими никакого значения. Мы полагаем, что индивид может контролировать жизнь в демократическом обществе, но мы чувствуем себя бессильными повлиять на наши политические и экономические институты» [12].

Отчуждение и недовольство американцы испытывали по отношению не только к ведущим политическим, но и экономическим институтам страны. Распространение недовольства в США в середине 70-х годов было тесно связано с быстрым ростом беспокойства по поводу крайне тревожного положения дел в экономике. Начиная с 1973 г. это беспокойство возрастало непрерывно и интенсивно. Опросы, проведенные в 1974 — 1975 гг., показали, что очень многие американцы всерьез боялись наступления общего экономического кризиса, аналогичного кризису 30-х годов. Осенью 1975 г. газета «Нью-Йорк таймс», проводя очередной опрос населения по экономическим проблемам, пришла к выводу, что впервые с 1959 г. (т. е. с момента, когда начали проводиться подобные опросы) большинство американцев «почувствовало, что экономическая почва уходит у них из-под ног в результате действия сил, не поддающихся контролю» [13]. В ходе опроса, организованного Д. Янкеловичем в марте 1975 г., выяснилось, что 77% американцев считали, что «дела в экономике складываются плохо» [14].

Конечно, уровень оценки положения дел в экономике постоянно колебался вследствие колебаний экономической конъюнктуры и обещаний правительства. Но тем не менее он оставался высоким. В январе 1976 г., когда в экономике наступило некоторое оживление, 79% опро-

---

[12] *Chenoweth L.* The American Dream of Success, p. VII.
[13] «International Herald Tribune», 27 Oct., 1975.
[14] «Time», 17 March, 1975, p. 26.

шенных американцев продолжали считать, что экономика страны по-прежнему находится в состоянии спада; 72% констатировали более быстрый рост цен, чем год назад; 53% были обеспокоены проблемой безработицы и ожидали увеличения числа безработных [15]. Беспокойство и страх по поводу симптомов экономического кризиса в той или иной мере явились важной стороной, важным показателем «политического отчуждения» американцев. Низкая оценка положения дел в экономике часто влекла за собой и низкую оценку деятельности основных политических институтов, и прежде всего федерального правительства.

Углубление трудностей в экономике стимулировало критическое отношение к крупнейшим корпорациям, которые в сознании американцев уже выступали как ответственные за кризисное состояние экономики. Опрос, организованный «Народной комиссией по празднованию 200-летия США», в частности, показал, что 58% опрошенных высказали убеждение: «Крупные американские корпорации господствуют в Вашингтоне и определяют действие властей», а 57% утверждали: «Как демократическая, так и республиканская партии действуют в интересах большого бизнеса, а не среднего трудящегося» [16].

Как показали опросы, рядовые американцы выражали растущее беспокойство и недовольство по поводу роста налогов. В 1977 г. 87% опрошенных американцев согласились с мнением, что «тяжесть высоких налогов ложится на плечи бедных»; 85% — что «политики до избрания в должность обещают снижение налогов, а после избрания не выполняют обещания»; 73% — что «люди, стоящие у власти, не знают, насколько сильно налоги заставляют страдать таких, как я»; 73% — «я возмущен тем, как правительство тратит мои деньги» [17].

Чтобы в полной мере представить себе уровень личного беспокойства и недовольства, испытываемого рядовым американцем в связи с кризисными тенденциями в экономике, надо вспомнить, что еще в конце 60-х — начале 70-х годов этот американец часто был уверен в постоянном и неуклонном экономическом росте и повышении материального благосостояния. Правда, в сознании некоторых людей, особенно пожилых, еще жили страхи,

---

[15] «The Harris Survey», 29 January, 1976.
[16] «Congressional Records», 10 Sept., 1975, p. E-4648.
[17] «The Harris Survey», 14 April, 1977.

связанные с воспоминанием о кризисе 1930 г. Но в 60-х годах, по свидетельству многих исследователей, и в частности Д. Янкеловича, эти страхи в основном уступили место «новой психологии» — «психологии благосостояния». В середине 70-х годов страхи возникли снова, и у большинства американцев. Перелом в сознании был очень болезненным для личности.

В этой связи следует принять во внимание, что мера недовольства и беспокойства, испытываемых личностью, зависит не только от глубины и масштабов реальных трудностей, с которыми на практике она сталкивается, но и от уровня ожиданий и притязаний, которые она усвоила. Человек с низким уровнем жизненных ожиданий и притязаний реагирует на неожиданно возникшие трудности зачастую менее болезненно, чем человек, у которого этот уровень весьма высок.

Ожидания и притязания очень многих американцев в отношении экономического роста и перспектив подъема благосостояния на рубеже 60 — 70-х годов были, как никогда, высокими. Характерно, что даже в 1975 г. Д. Янкелович обнаружил, что 56% опрошенных американцев выразили точку зрения, согласно которой они «по праву могут притязать на постоянно возрастающий уровень жизни». Одновременно большинство американцев (тоже 56%) заявили, что «находятся в очень тяжелом экономическом положении: не могут поспевать за ростом стоимости питания, квартплаты, страховок; их сбережения поглощаются инфляцией; они боятся потерять работу» [18]. Здесь-то и обращает на себя внимание резкий разрыв, даже контраст, между ожиданиями, притязаниями миллионов рядовых американцев и оценкой ими своего реального экономического положения, связанного с общим состоянием дел в экономике США. Этот контраст во многом объясняет очевидный взрыв настроений и чувств беспокойства, неудовлетворенности, критицизма.

Резким переменам и в самочувствии рядового американца, и в оценке им положения дел в стране способствовало также быстро возраставшее ощущение того, что в США отсутствует социальная справедливость. В результате проведенных опросов Д. Янкелович обнаружил, что от 60 до 85% американцев чувствовали, что сущест-

---

[18] *Yankelovich D.* The Status of Ressentiment in America. — «Social Research», 1975, N 4, p. 762.

вуют, как он весьма осторожно выразился, разрывы, или «разломы», в системе социальной справедливости в их стране. Д. Янкелович пояснял свой вывод: «Люди стали чувствовать, что те, кто работают много и живут по правилам, оказываются забытыми, отодвинутыми назад и эксплуатируемыми, в то время как те люди, которые игнорируют правила и демонстративно нарушают социальные нормы, получают все блага». «Подавляющее большинство в стране, — продолжал Д. Янкелович, — приходит к заключению, что система награждает не тех людей и не за те действия; при этом они имеют в виду, что нормы, посредством которых достигается согласие и авторитет, не работают, как должно» [19].

Как видно, речь идет не о том понимании социальной справедливости, которая опирается на социалистическую идеологию, а о той концепции «социальной справедливости», которая традиционно внушалась каждому американцу господствующей идеологией. Как известно, многие американцы приняли эту концепцию. Они поверили в существование в США системы «социальной справедливости», в рамках которой упорный труд и примерное поведение обеспечивают награды, а паразитизм, лень и нарушение существующих норм влекут за собой наказание. Но в середине 70-х годов наступило массовое разочарование в идеях, которые утверждались в США на протяжении всей их истории и, казалось, должны были укорениться в массовом сознании. Теперь же очень многим американцам США представлялись страной, в которой нет справедливости и властвуют моральный релятивизм и цинизм.

Личность, недовольная и критически оценивающая общее положение дел, в середине 70-х годов оказалась в США статистически доминирующей. Это означало, что данный тип личности можно было обнаружить (хотя и в разной мере) в различных группах и классах. Исследования подтвердили данный факт. Правда, национальные меньшинства, а также американцы с низким уровнем годового дохода в наибольшей мере были не удовлетворены своим положением. Опросы показали, что среди черных американцев в 1975 г. было 75% недовольных; в группах населения с низким годовым доходом — 66; в группе квалифицированных рабочих — 63%.

[19] Там же, с. 763—764.

Однако и среди американцев, относящихся к группам, занимающим более привилегированное положение, недовольные также составили большинство: в группе людей с высшим образованием — 56%, в среде служащих и чиновников — 58%. И даже среди тех, чей годовой доход составлял 15 тыс. долл. и более, недовольных насчитывалось 58%. «Тень отчуждения, — констатировал известный социолог М. Симэн, — сегодня пересекает классовые линии». «Изменения в распределении отчуждения, — писали социологи Дж. Хауз и У. Мейзон... — в удивительно одинаковой степени захватили весь американский электорат» [20].

В результате массового распространения настроений отчуждения и недовольства в первой половине 70-х годов в стране широко и быстро распространялись «самокритические» (в отношении США) суждения. Тема кризиса в политике, идеологии и морали, в практике управления в целом стала все чаще и чаще звучать в научной и художественной литературе, периодической печати. Она усилилась даже в выступлениях многих политических деятелей самой различной ориентации. Все чаще и чаще делался обобщенный вывод, что США являются «больным» обществом.

Вот некоторые типичные заявления. Сенатор Э. Кеннеди: «Где бы я ни путешествовал, я обнаруживаю, что рядовой американец — бедный, принадлежащий к «средним» классам, или богатый; белый, черный или коричневый; живущий в городе, на ферме или в пригороде — демонстрирует глубокую неудовлетворенность своим образом жизни». Сенатор Э. Маски: «Что-то чудовищно не так сложилось в современной Америке. Мы достигли пункта, где люди готовы скорее умереть, чем жить в Америке еще один день». Г. Харт, руководитель предвыборной деятельности Макговерна в 1977 г., рекламируя своего кандидата в президенты, говорил об Америке как об обществе, «блуждающем где-то очень близко от края морального банкротства и распада». П. Дракер, авторитетный в США специалист по технологии управления (этой теме в 60-х годах были посвящены многие его работы, находящиеся в русле неолиберализма): «Сегодня людей беспокоит то, что жизнь в этой стране распа-

---

[20] «Annual Review of Sociology», v. 1. Polo Alto, (Calif.), 1975, p. 97.

лась...» Журнал «Тайм», весьма близкий к «истеблишменту»: «Существует неясное беспокойство, что машина XX-го века начинает выходить из-под контроля». Ш. Маклейн, популярная кинозвезда: «В настоящий момент социальная душа Америки столь больна, что даже переворот в политическом режиме может быть недостаточен» [21].

Характеризуя все эти настроения, Б. Уоттенберг, бывший советник президента Л. Джонсона, в 1974 г. констатировал: «Поражение и вина, кризис и отчаяние стали стилем мышления в Америке» [22]. И хотя можно предположить, что для многих журналистов и политических деятелей заявления о кризисе и болезни американского общества были данью моде и «конъюнктурным» стереотипом, тем не менее не случаен сам факт частых заявлений о «болезни» и кризисе общества. Этот факт отражал общую идейно-психологическую ситуацию, которая сложилась в США к середине 70-х годов.

Такая ситуация, казалось, могла свидетельствовать о том, что в стране сложились условия для нового подъема политического движения протеста, на этот раз уже действительно массового. Однако такой подъем не наступил, что, видимо, не случайно. Настроения недовольства, социального критицизма и «политического отчуждения», ставшие типичными для большинства американцев, были крайне противоречивыми. В значительном большинстве случаев они еще не опирались на готовность к активному политическому действию. Такие настроения были свойственны десяткам миллионов людей, но между ними не оказалось тех внутренних связей и того идейного единства, которые могли бы стать основой массового коллективного политического действия.

Переживаемое многими американцами «политическое отчуждение» выразилось в особой форме: оно стало отчуждением не только от правящей верхушки, стоящей во главе основных институтов, но и от политики в целом. Кризис доверия к «тем, кто стоял у власти», нередко переходил в кризис доверия к любым институциональным формам социально преобразующего политического действия. Он перерастал в недоверие ко всем окружающим людям, к их мотивам и поступкам (75,7%

---

[21] Цит. по: *Wattenberg B.* The Real America. N. Y., 1974, p. 14, 15, 20, 21.

[22] Там же, с. 7.

американцев согласились с суждением: «В наши дни человек не знает, на кого он может положиться», а 59,3% присоединились к высказыванию: «Большинство людей в действительности не заботятся о том, что происходит с человеком, находящимся рядом»[23]). Следовательно, кризис доверия к тем, кто стоит во главе основных политических институтов, у многих американцев перерастал в убеждение, будто имеет место кризис активного и массового политического действия, способного радикально и к лучшему изменить положение дел в стране.

Рост настроений «политического отчуждения» нередко сопровождался усилением чувства бессилия — бессилия личности и общества в целом устранить все то, что вызывает критику и недовольство. Соединение настроений «политического отчуждения» с чувством бессилия давало разные варианты внутренней структуры и поведения личности. Например, возникла личность, которая была резко критически настроена по отношению к основным институтам, но в своих практических повседневных делах осталась конформистской. Мелкий, будничный прагматизм и даже цинизм могли сосуществовать с высокой степенью неудовлетворенности.

Возникли и другие типы личности. Так, у личности, ощущающей бессилие и склонной к интровертным реакциям, неудовлетворенность могла выражаться в неврозах, в стремлении забыться при помощи алкоголя и наркотиков. У личности, склонной к экстравертным реакциям, внутренняя неудовлетворенность легко перерастала в раздражение и озлобленность, которые вследствие непонимания смысла общесоциальных процессов могли смещаться, переноситься на любых конкретных людей, особенно тех, кто послабее, а также на другие народы и страны, на любые внешние объекты, которые в силу идеологических влияний оказались в роли «козлов отпущения». Весьма типичным и массовидным следствием того, что в личности соединялись чувства «политического отчуждения» и бессилия, оказался спад политической активности на уровне государства[24].

---

[23] *Taylor D. G.* The Srole Anomie Scale Data. — «Social Change Trend Reports», 1975, N 38, p. 1—2.

[24] Например, Дж. Д. Райт, обобщая различные исследования, пришел к выводу, что в США существует «большое число тех, кто является отчужденными..., но чьи действия являются минимальны-

Ограниченность настроений «политического отчуждения» состояла в том, что они зачастую не опирались на проект коренного преобразования общества. Рядовой американец — хоть он и был недоволен, разочарован в господствующих формах идеологии и политики, прежде всего либеральных, — в подавляющем большинстве случаев еще не обрел действительно альтернативной идеологии и программы политического действия. У него часто вообще не было альтернативной модели будущего развития общества, а в оптимистических и утопических картинах-прогнозах, созданных неолибералами в 60-х годах, он разочаровался [25].

Американец разуверился в правительственных программах 60-х годов (вроде программы «великого общества» президента Л. Джонсона), а новых общесоциальных программ ему не предлагалось. Журнал «Общественный интерес» замечал: «Наше поколение утратило ту почти безграничную веру в правительственные программы, которая существовала в 30-х годах и даже еще в первой половине 60-х годов, ничто не заняло место этой веры. Кажется, что альтернативы не существует» [26].

Недовольные и «политически отчужденные» американцы в середине 70-х годов часто испытывали смятение и страх [27] перед будущим. Смятение и страх перед будущим, столь характерные для «недовольного большинства» Америки 70-х годов, у одних людей вызывали фаталистические настроения (будущее, рассуждали они, само о себе побеспокоится; дела как-нибудь и когда-ни-

---

ми по масштабам и в основном конвенциональными». Он также обратил внимание на американцев, чья неудовлетворенность проявлялась в стремлении к уходу от большой политики («Political Science Quaterly», 1977, № 1, р. 113, 114). М. Симэн приводит многочисленные данные, свидетельствующие о том, что соединение отчуждения и самоотчуждения с бессилием часто рождает политическую апатию («Annual Review of Sociology», v. 1, 1975, p. 96, 97).

[25] Социолог Р. Ингльхарт указывал: «Мы не имеем модели будущего», и для большинства американцев быстрые изменения — а они ощущались в 70-х годах особенно ярко — есть «прыжок в неизвестное» (*Inglehart R.* The Silent Revolution, p. 6).

[26] «The Public Interest», 1976, N 42, p. 45—46.

[27] Эти настроения очень хорошо переданы в книге О. Тофлера «Шок от будущего», приобретшей огромную популярность в описываемый период и выдержавшей много изданий (*Toffler O.* The Future Shock. N. Y., 1970).

будь образуются сами собой[28]), у других перерастали в общее ощущение приближения грядущей катастрофы, предотвратить которую, казалось, не в состоянии ни отдельные люди, ни общество в целом. Смятение и страх перед будущим могли порождать и породили — особенно во второй половине 70-х годов — склонность к идеализации и романтизации прошлого.

Настроения пессимизма нередко были связаны с тем, что утрачивалась вера в целостность исторического процесса, его закономерное развитие. Следствием явилось возникновение особого мировосприятия у некоторых американцев: в их сознании и представлениях как бы «распадалась связь времен». Собственная жизнь воспринималась ими как чередование, сосуществование дискретных эмпирических ситуаций, отдельных проблем, отдельных мгновений, не связанных никакой объективной логикой. Для такого человека, по наблюдению Д. Янкеловича, «само время теряет свою четкую последовательность, превращаясь в лишенную какого-либо порядка серию квантов-скачков от одного состояния чувств к другому»[29]. Д. Янкелович, обобщая данные опросов «недовольного большинства», подчеркивал тенденцию к рассредоточению (compartmentalization) чувства недовольства[30]. Чувство недовольства как бы направлялось на многие институты, воспринимаемые вне их взаимосвязи, на различных лиц, на неоднородные проблемы. Оно не сосредоточивалось в едином порыве критической энергии, направленной против государственно-монополистической системы в целом.

Чувство недовольства, которое испытывали многие рядовые американцы, нередко теряло точный адрес, приобретало абстрактный характер. Объектами недовольства и критического отношения становились такие крайне общие, абстрактные, неопределенные для личности феномены, как «современная жизнь», «современная цивилизация», «человеческое общество»[31].

---

[28] Такие типы сомочувствия описаны, например, в уже цитированной книге Х. Хендина (*Hendin H.* The Age of Sensation, p. 304).

[29] *Yankelovich D.* The Changing Values on Campus, p. 173—174.

[30] *Yankelovich D.* The Status of Ressentiment in America. — «Social Research», 1975, p. 767.

[31] Вот типичные заявления: «Кажется, что мы находимся в одном из тех периодов, когда цивилизация переживает состояние упадка» (журнал «Нью-Репаблик»). Или: «Существует веское сви-

Отсутствие адекватной идеолого-теоретической базы — при одновременном влиянии индивидуалистической традиции — нередко вело к тому, что глубокое недовольство рядовых американцев оказывалось адресовано не столько основным социальным и политическим институтам, сколько конкретным людям, стоящим во главе этих институтов[32]. Напомним, что индивидуалистическая идеология и психология приучили американца концентрировать внимание на личностях и личностном факторе в общественной жизни, а не на объективных (в этом смысле «безличных») характеристиках социальной системы и входящих в нее институтов.

Ограниченность и внутренняя противоречивость недовольства, которое испытывало большинство американцев в середине 70-х годов, проявились еще в одном факте, вызвавшем острые споры в американской литературе. Как мы уже знаем, очень многие американцы признавали, что «дела в стране обстоят плохо». Но когда этих же американцев спрашивали о положении дел в их личной жизни, то ответ зачастую был иным: здесь, говорили они, все обстоит благополучно. В 1975 г. 79% опрошенных американцев считали, что «страна идет к черту», и одновременно 83% заявили, что «лично у них дела складываются неплохо»[33].

В США развернулась дискуссия о том, как интерпретировать столь явное противоречие. Некоторые авторы, такие, например, как Б. Уоттенберг, использовали это противоречие, чтобы поставить под сомнение значимость негативных оценок рядовыми американцами общего положения дел в стране. Рядовой американец, поучал Уоттенберг, может судить со знанием дела лишь о проблемах личной жизни. Но он не может знать, как обстоят дела в стране в целом. И когда он судит об общем положении дел в стране, то он, полагает Уоттенберг, просто вспоминает и некритически повторяет мнения

детельство, что человеческое общество находится на стадии явно заметного распада» (*Wattenberg B.* The Real America, p. 15).

[32] Характерно, что опросы общественного мнения, в ходе которых американцам задавался вопрос о «доверии к людям, стоящим во главе институтов» (Л. Харрис), показывали обычно гораздо более низкий уровень доверия, чем те опросы, организаторы которых ставили вопрос о доверии к институтам как таковым (Дж. Гэллап).

[33] The General Mills American Family Report. 1974—1975. Minneapolis (Minn.), 1975.

тех журналистов, писателей, политических деятелей, которые в 70-х годах много писали о кризисе системы в целом.

С подобной точкой зрения не согласились наиболее крупные американские специалисты в области общественного мнения. Как писал Дж. Гэллап, «средний гражданин», хотя он часто и не имеет четкого представления о том, что происходит в экономике страны в целом, тем не менее чутко воспринимает малейшие изменения в ней. Поэтому общие мнения рядовых американцев он счел достаточно «прочным барометром» реальных тенденций, имеющих место в стране в целом [34].

Но как же объяснить зафиксированное выше противоречие, которое было выявлено опросами общественного мнения? Видимо, следует учитывать влияние традиционной индивидуалистической идеологии и психологии. Ведь в течение 200 лет рядовому американцу внушалось: если у него лично дела идут плохо, то в этом виноват исключительно он сам, следовательно, у него отсутствуют воля, упорство, трудолюбие, предусмотрительность, ум и т. п. Естественно, что американец не хочет казаться неудачником ни самому себе, ни другим, в том числе и интервьюерам, проводящим опросы общественного мнения. В результате многие рядовые американцы весьма неохотно определяют свое личное положение при помощи негативных оценок [35]. Но когда их спрашивают о положении дел в стране в целом или у других людей, тогда и вырывается наружу их беспокойство, недовольство, критицизм.

Однако для объяснения столь явного расхождения даваемых многими американцами оценок их личного положения и общего положения в стране надо принять во внимание еще одно очень важное обстоятельство. «Недовольное большинство» середины 70-х годов объединяло представителей разных классов, социальных групп и слоев населения; их объективное положение, прежде всего экономическое, было весьма различным. В число «недовольных американцев», конечно, входили те слои населения, которые, по свидетельству их представителей,

---

[34] «The Gallup Poll», 5 January, 1975.

[35] Д. Янкелович, обсуждая вышеуказанное противоречие, предупреждал, что люди неохотно признаются в том, что они не справляются со своими личными проблемами («Social Research», 1975, N 4, p. 767).

непосредственно испытали влияние ухудшения положения в экономике.

Но в число «недовольных» входили и слои населения, чье экономическое положение, согласно обследованиям, пока еще оставалось на прежнем уровне. Эта часть населения США более остро переживала вьетнамскую авантюру и громкие политические скандалы. Она сталкивалась с ростом преступности и наркомании, с распадом семей и другими показателями нравственно-психологического кризиса. Вот почему и у них возникало чувство недовольства общим положением дел. Таким образом, внутренняя неоднородность «недовольного большинства» проявлялась в том, что разные группы концентрировали внимание на разных проблемах и сторонах общего кризиса.

В некоторых случаях обнаруживалось единство мнений — в основных интересах и точках наибольшего недовольства. Но и тогда за общими данными о явном недовольстве «средних» американцев скрывались фактически разные способы объяснения социальных проблем и в конечном счете разные политические ориентации. Приведем характерный пример. Известно, какой взрыв массового недовольства в США вызвала вьетнамская авантюра. В одном опросе, проведенном после ухода американских войск из Вьетнама, выяснялись мнения американцев о главнейшей причине поражения. Оказалось, что первое место в численном отношении заняла группа, члены которой рассматривали в качестве такой причины коррупцию южновьетнамского правительства, т. е. по сути дела искали конъюнктурные, а не существенные причины. На втором и третьем местах были американцы, считавшие, что США потерпели поражение вследствие воли к борьбе вьетнамского народа, а также в результате помощи ему других социалистических стран, и прежде всего СССР. И лишь четвертое место заняли американцы, указавшие на неправильность того внешнеполитического курса, который привел к войне во Вьетнаме, а затем и к поражению США[36].

Это факт наряду с рядом других показывает определенную неразвитость и незрелость критического сознания многих американцев. Глубокое недовольство и

---

[36] *Yankelovich D.* The Status of Ressentiment in America. — «Social Research», 1975, N 4, p. 769.

явный критицизм, столь характерные для «среднего» американца, зачастую не опирались на понимание главных причин, вызвавших кризисные процессы в экономике, внешней и внутренней политике, общественной жизни и морали. Типичные для него состояния недовольства и «политического отчуждения» определялись прежде всего эмоциями. Эти состояния отличались фрагментарностью, эклектичностью, а потому были весьма неустойчивыми и обнаруживали тенденцию к колебаниям, к быстрым подъемам и спадам, к шараханью из стороны в сторону.

Это была, так сказать, «плазма» чувств и настроений, находящаяся в процессе постоянного брожения, кипения, изменения и превращения. Ее структурализация и кристаллизация шли в разных направлениях, вызывая к жизни различные варианты личностной ориентации. Огромную роль здесь играла расстановка сил в политике и идеологии, та борьба, которую вели наиболее влиятельные в США группировки и организации, целенаправленно занятые выработкой политических и идеологических позиций, лозунгов и их систематическим внедрением в сознание рядовых американцев. Очень большое значение имела деятельность профессионалов-идеологов, создающих инструменты массовой пропаганды и манипуляции умами и чувствами рядовых американцев. Вот почему следует хотя бы кратко охарактеризовать те тенденции, которые в середине 70-х годов обнаружились в расстановке основных сил в политике и политической идеологии США.

Как известно, в начале 70-х годов в Америке заметно усилили свои позиции прогрессивные движения и организации, прежде всего Коммунистическая партия. Явно возрос интерес к социализму и марксизму-ленинизму. Заметные позитивные сдвиги происходили во внешней политике и связанных с нею формах идеологии. Значительные успехи были достигнуты в разрядке международной напряженности и нормализации отношений между США и СССР. Имел место существенный пересмотр идейно-политического арсенала «холодной войны», хотя следует отметить, что в США он произошел не столько в рамках господствующей идеологической теории, сколько в повседневной внешнеполитической практике.

Антисоциалистическая и антисоветская пропаганда в

начале 70-х годов продолжала оставаться в США постоянным элементом господствующей идеологии. Тем не менее наблюдалось некоторое снижение ее агрессивного тона и сокращение масштабов. В этот же период в среде идеологов и политиков либерального толка стали заметны разброд и брожение. Здесь имел место рост тех же настроений беспокойства и общего критицизма, которые были характерны для среднего американца, причем многие либералы — профессиональные идеологи и политики — зачастую не поднимались выше того уровня сознания, который был характерен для «недовольного большинства». Их высказывания и мнения были очень противоречивы. Нередко весьма заметный, так сказать, «остаточный» оптимизм соседствовал с констатациями общего кризиса, распада и отсутствия ценностей, провалов и поражений в тех или иных сферах политики. Технократические и бюрократические схемы соседствовали с явными уступками леворадикальному бунтарству, особенно в сфере духовной жизни личности, культуры и «частной жизни» (например, в сфере половых и межличностных отношений).

1975—1976 годы были в США переломными. Именно в эти годы в сфере идеологии и политики начинается заметная активизация правых и консервативных группировок. В системе идеологических и политических отношений США начинают постепенно задавать тон люди, выступающие под флагом традиционализма. В сфере политической идеологии наиболее активную роль начинает играть своеобразный блок, основное ядро которого составляют, во-первых, вчерашние либералы, сдвинувшиеся вправо и получившие в США наименование неоконсерваторов, и, во-вторых, представители традиционной правоконсервативной мысли, приспособившие консервативную традицию к задачам консолидации власти, закона и «порядка», которые столь остро встали перед правящим классом США [37]. Именно с этим фактом связано укрепившееся в литературе США представление, что в 1975—1977 гг. начинается новая «весна американского

---

[37] Типичные представители неоконсерватизма и консерватизма: Р. Липсет, Д. Мойнихен, Н. Глейзер, М. Даймонд, И. Кристол, Д. Белл, Р. Нисбет, Н. Подгорец, Д. Бурстин, С. Хантингтон, Р. Керх, Э. Вогелин, П. Витонский. О взглядах этих идеологов см. подробнее: *Замошкин Ю. А., Мельвиль А. Ю.* Между неолиберализмом и неоконсерватизмом. — «Вопросы философии», 1976, № 11.

консерватизма», в результате чего «центр политической жизни переместился слева направо»[38].

В чем конкретно проявилась тенденция консолидации консервативных и правых группировок в политической идеологии США? Прежде всего началось активное наступление на все формы социального критицизма внутри страны. Критика внутренних критиков — таков лейтмотив выступлений и публикаций, которые с 1975 г. становились все более многочисленными. Вновь выдвинулись на первый план апологеты. Они стали призывать всех работников сферы идеологии, массовых коммуникаций и культуры к быстрейшему изживанию «комплекса поражения, неудач и кризиса»[39], к преодолению того идейно-политического и социально-психологического состояния, которое получило в их работах и выступлениях наименование «расстройства нервов»[40]. В стране все чаще начали появляться статьи и книги, в которых сам феномен «политического отчуждения» большинства американцев ставился под сомнение. Более того, авторы таких работ приходили к выводу: понятие «отчуждения», «импортированное» из Европы левыми радикалами, якобы вовсе неприменимо к ситуации, сложившейся в США.

---

[38] *Tonsor S.* The Second Spring of American Conservation. — «National Review», 30 Sept., 1977, p. 1107.

[39] Типичный пример — книга Б. Уоттенберга «Реальная Америка», получившая очень широкую рекламу в 1975—1976 гг. Она построена по простой схеме. Под рубрикой «Комплекс вины и неудачи» собраны различные критические высказывания, авторам которых Уоттенберг бросает прямое обвинение в распространении психологии пораженчества и национальной неполноценности, в идейном разоружении и моральной дезорганизации рядовых американцев. Он стремится внушить читателям, что настроения недовольства якобы свойственны в США лишь узкой прослойке левых «интеллигентов» и критиканов, создавших моду на критику, и тех «безответственных» журналистов и политиков, которые стали следовать этой моде. «Господствующая сегодня риторика, — писал он, — это риторика неудачи, вины и кризиса. Объективные же данные говорят о прогрессе, экономическом росте и успехе» (*Wattenberg B.* The Real America, p. 8).

[40] В 1975 г. журнал «Комментари», совершивший к тому времени переход от либеральной позиции к консервативной (редактор Н. Подгорец), устроил большую дискуссию под названием «Америка сегодня: «нервное расстройство»?». С апологетическими, оптимистически бодряческими и шовинистическими призывами выступили З. Бжезинский, П. Бергер, Ч. Френкель, Г. Кан, И. Кристол, С. Липсет, Р. Нисбет, Р. Такер и др. («Commentary», 1975, July).

Настойчивая апологетика американского капитализма и стремление приуменьшить значимость переживаемых страной кризисных процессов сочетались с идеализацией и романтизацией прошлого, истории США. Большую роль в этом плане сыграла широкая идеологическая, пропагандистская, рекламная кампания, связанная с празднованием 200-летия США, в ходе которой акцент делался на «восстановление контактов с прошлым страны». В юбилейной кампании очень активно проявилось стремление к восстановлению и реабилитации «традиционных американских ценностей». Если идеологи и политики, представлявшие существовавшую ранее консервативную политическую идеологию, начали откровенную пропаганду традиционализма, то вчерашние либералы, ставшие неоконсерваторами, перенесли акцент на «возврат к традиционным ценностям», в то же время пытаясь приспособить их к новым потребностям современного государственно-монополистического капитализма.

Во второй половине 70-х годов все больше ведущих идеологов, политиков и журналистов выступали с открытой рекламой капитализма, частной собственности, буржуазного предпринимательства и рынка [41]. Капитализм, частная собственность и рынок все чаще и откровеннее объявлялись основной и главной предпосылкой развития экономики. Открыто консервативные идеологи требовали «освобождения» частнокапиталистической деятельности от вмешательства со стороны государства. Они считали, что на либеральные проекты «всеобщего благосостояния» также ложится ответственность за кризисные явления в экономике и рост инфляции. «Либеральная экономическая теория произвела инфляцию, — заявлял И. Кристол. — Экономическая активность, вероятно, улучшится, если ею будет командовать рынок, а не правительство. Таков исходный тезис подлинного консерватизма» [42]. Более «умеренные» консерваторы стремились сочетать апологию частнокапиталистического рынка с признанием регулирующей роли государства, которую они считали уже постоянным и необходимым фактором

[41] Примером являются статья У. Бизарди «Снять наручники с капитализма» в журнале «Форчун» («Fortune», 1975, April) и выступление Д. Бишопа на дискуссии «Капитализм, социализм и свобода», организованной журналом «Комментари» в апреле 1978 г. («Commentary», 1978, April, p. 47).

[42] «Public Opinion», 1978, Sept. — Oct., p. 10

экономики, особенно в условиях роста кризисных процессов [43].

Консервативные идеологи стремились взвалить ответственность за инфляцию прежде всего на рядовых американцев, которые якобы предъявляют «чрезмерные» притязания, требуя повышения зарплаты и уровня жизни. Д. Белл, например, много писал о «деструктивном» характере «революции растущих притязаний», которая, по его мнению, происходит в США [44]. Он имел в виду тот факт, что рядовые американцы, и прежде всего те, которые «находятся на нижней ступени пирамиды доходов», стали выдвигать требования реального экономического равенства, адресуя их государству и привилегированной верхушке правящего класса. Этим требованиям консервативные идеологи противопоставили традиционную индивидуалистическую идею «равенства возможностей», практическая реализация которой в США неизбежно выливается именно в действительное неравенство экономического «статуса» и доходов.

В последние годы консервативные идеологи все чаще призывают рядовых американцев к «умеренности» и «скромности» в жизненных ожиданиях. Усилилась традиционно-консервативная критика «гедонизма» и «чрезмерного материализма». В консервативной литературе очень настойчиво звучит сегодня идея о принципиальной невозможности добиться «всеобщего благосостояния». «Предположение, что нельзя преодолеть состояние «относительной бедности», является, вероятно, самым серьезным коррективом к либеральной риторике, столь распространенной в Америке в послевоенные годы» [45], — заявляет П. Клецак.

Современные консерваторы США, следуя общей традиции американского индивидуализма, выступают с апологией «прав инидивидуальной личности». Эта апология сочетается нередко с критикой бюрократии федерального правительства. Характерно, что, критикуя «вашинг-

---

[43] «Кризис и последующее государственное вмешательство — таков теперь наш образ жизни»,—констатирует Р. Майлс (*Miles R.* (jr) Awakening from the American Dream. N. Y., 1976, p. 173).

[44] *Bell D.* The Revolution of Rising Entitlements. — «Fortune», 1975, April; *Bell D.* The Future World Disorder. — «Foreign Policy». 1977, Summer, p. 135.

[45] *Clecak P.* Crooked Paths: Reflections en Socialism, Conservatism and the Welfare State. N. Y., 1977, p. 124.

тонскую бюрократию», они одновременно выступают за усиление таких явно бюрократических органов центральной власти, как ФБР, ЦРУ, Пентагон. Борьбу за «восстановление» индивидуальных свобод и прав в их традиционно-буржуазном понимании правые ведут под лозунгом «демократии». «Демократия» в их работах снова четко и прямо связывается с частной собственностью, конкуренцией в экономике и политике, т. е. с капитализмом [46]. Эта тенденция наглядно проявилась, например, в ходе организованной журналом «Комментари» в 1978 г. дискуссии: «Капитализм, социализм и демократия» в выступлениях У. Баррета, Дж. Бакли, М. Фридмена, И. Кристола и др. [47] Консервативные идеологи, отождествляющие демократию с капитализмом, естественно, лидируют в развязанной в США антисоциалистической и антисоветской кампании, в которой широко используется проблема «прав человека».

Официальная идеология США обнаружила явное стремление переместить центр острых идейных дискуссий о демократии, так сказать, вовне, отвлекая американцев от пугающих их антидемократических тенденций внутри страны путем форсирования кампании непрерывных обвинений, которые направлены против реального социализма, и прежде всего против СССР. Одновременно внутри США правоконсервативные идеологи предприняли массированную кампанию, рассчитанную на фактическое ограничение демократии. Она идет под традиционным лозунгом «укрепление национального единства» перед лицом якобы усиливающейся «угрозы коммунизма», «угрозы СССР». Распространяются идеи о необходимости «сдерживания демократии» внутри страны. Известный политолог С. Хантингтон пишет: «Уязвимость демократического правительства в США проистекает... скорее от внутренней динамики демократического процесса. Существуют предпочтительные пределы расширения политической демократии; демократия была бы более жизнеспособной, будь она более сдержанной» [48].

---

[46] «Существует высокая степень положительной корреляции между капитализмом и демократией... — говорил П. Бергер. — Все демократические общества — капиталистические» («Commentary», 1978, April, p. 33).

[47] «Commentary», 1978, April.

[48] *Huntington S.* The Democratic Distemper. — «The Public Interest», Fall 1975, N 41, p. 5, 36.

Рядовым американцам, действительно стремящимся к расширению демократии в США, правоконсервативные идеологи адресуют призывы к усилению социальной дисциплины, социального и политического конформизма. В «драматическом росте демократического пыла в Америке», как выражается С. Хантингтон, правоконсервативные идеологи видят реальную угрозу внутреннего «кризиса власти» [49]. Они пугают американцев «кризисом гражданственности», который якобы обязательно наступит, если они усилят критицизм в отношении основных органов власти, если утратят «чувство долга». Той же цели служит усиленная правоконсервативная пропаганда «закона и порядка»: американцев учат строго повиноваться «нормам-рамкам», создаваемым авторитарно-бюрократической организацией США.

Для официальной идеологии современной Америки характерно резкое усиление адресованного рядовому американцу морализаторства, выдержанного в духе традиций классического консерватизма. В этом отношении существует контраст между американской социально-политической литературой сегодня и публикациями конца 60 — начала 70-х годов.

Правые и консервативные группировки в США особенно активно начали выступать по вопросам внешней политики. Их главные усилия были направлены на преодоление того состояния, которое во многих работах американских авторов получило название «кризиса духа». «Кризис духа, — пояснял З. Бжезинский, — был стимулирован вьетнамской войной и конституционным моральным кризисом Уотергейта». Кроме того, «кризис духа», признает он, возник оттого, что американцы столкнулись с «широко распространенным глобальным феноменом антиамериканизма» [50].

Стремясь преодолеть «кризис духа», правоконсервативные идеологи призывают к восстановлению «чувства уверенности и оптимизма», к формированию «нового духа». Именно с такими призывами начиная с 1975 г. постоянно выступает З. Бжезинский [51]. На самом деле «но-

---

[49] См. *Печатнов В. О.* О «кризисе власти». — «США — экономика, политика, идеология», 1978, № 3.

[50] *Brzezinski Z.* The Priorities of U. S. Foreign Policy. — «Dialogue», 1978, N 2, p. 49, 50.

[51] «Commentary», 1975, Jule, p. 27; «Dialogue», 1978, N 2, p. 49—50.

вый дух», глашатаем которого являются консервативные группировки, есть новый вариант националистически-экспансионистской идеологии. Он связан с традиционной идеей «превосходства» США над другими странами.

Консервативные идеологи и политики спекулируют на чувстве страха, которое многие американцы испытывают в связи с угрозой ядерной войны, и пытаются направить его в русло антисоветизма и милитаризма, заставляя США снова форсировать гонку вооружений. Постоянные разговоры о военном превосходстве СССР используются милитаристскими группировками для подготовки общественного мнения к новым внешнеполитическим ситуациям, при которых правящие круги могут снова счесть необходимым использование военной силы для защиты интересов американского империализма. Как отмечает сенатор Макговерн, милитаристские группировки в США, «боящиеся», что общественность «не готова заплатить цену за следующий «Вьетнам»», стали говорить о наличии «болезни» — ослаблении «национальной воли» — и предлагать в качестве лекарства «сильные дозы пугающих рассказов» о военной слабости США и военной силе СССР[52].

Раздувая миф о «советской военной угрозе», консервативные идеологи и политики приложили немало усилий для торможения и срыва переговоров об ограничении стратегических вооружений. Они предприняли активное наступление на группы в США, которые проявили политический реализм, отстаивая курс на разрядку международной напряженности. Консервативные идеологи и политики активизировали противодействие процессу разрядки международной напряженности. Стремясь дискредитировать успехи, достигнутые в деле разрядки, они апеллируют к стихийным настроениям определенной части американцев, которые напуганы внутренними кризисными процессами, имевшими место в США в 70-х годах, но по большей части не понимают действительных причин этих процессов. Им стремятся внушить ложную идею, будто разрядка, особенно успешно развивавшаяся в те же годы, способствовала кризису, будто для США она была подобна «улице с односторонним движением» (т. е. давала преимущества только СССР и странам социализма). Отсюда настойчивые требования правых, чтобы в отношениях с СССР проводился более

[52] «Public Opinion», 1979, March-May, p. 20.

«жесткий курс» с целью обеспечения преимуществ для США.

Наконец, консервативные идеологи и политики, стремясь снова активизировать экспансионистскую и гегемонистскую политику США в Азии, Африке и Латинской Америке, запугивают рядовых американцев угрозой экономического и сырьевого кризиса. А эта угроза, как известно, становится все более реальной для США— страны, население которой, составляя лишь 6% мирного населения, потребляет, если верить американской печати, 40% мировых ресурсов. Осознание этого факта вызывает у рядовых американцев весьма противоречивые чувства. «Новые правые» пытаются использовать их для пропаганды экспансионизма и империалистического «активизма» на международной арене, а также для распространения антикоммунистических и антисоветских настроений. Рядовым американцам, не всегда разбирающимся в международных отношениях, постоянно внушается мысль, что СССР, Куба и другие социалистические страны угрожают «американским интересам» в Африке, Азии, Латинской Америке, в том числе стремлению США обеспечить себя нефтью и другим необходимым сырьем.

При характеристике современной идеологии и политики США надо учитывать обостряющуюся борьбу различных сил, в частности то противодействие стремлениям «новых правых» к полному господству в идеологии и политике, которое оказывают группы и прогрессивные организации, выступающие за разрядку, за социально значимые внутренние реформы. И все-таки приходится констатировать, что в последние годы произошла активизация правых и консервативных группировок в области идеологии и политики, а также, что очень важно, в деятельности средств массовых коммуникаций. Налицо усиление влияния правых консерваторов не только на процесс принятия важнейших политических решений, но и на общественное мнение, на политические ориентации многих рядовых американцев. Масштабы этого влияния вызывают споры. Консерваторы склонны их всячески преувеличивать[53]. Что касается либералов, то некоторые из них, например Р. Гиллем, согласны с тем, что в 70-х

---

[53] «Public Opinion», 1978, Sept.-Oct. (выступление И. Кристола и др.).

годах в США имела место «неоконсервативная реакция»[54]. Другие либералы этот вывод оспаривают.

Какие же процессы, затрагивающие структуру личности, систему ее социально-политических ориентаций, происходили в США в самые последние годы? В какой мере эти процессы отразили влияние правоконсервативных группировок? Следует отметить, что предпринятая консервативными идеологами, политиками и средствами массовых коммуникаций массированная кампания по обработке умов и чувств рядовых американцев сыграла свою роль. Национальные опросы общественного мнения во второй половине 70-х годов показывают, что довольно большое число американцев зачисляет себя в ряды консерваторов. Так, по данным Л. Харриса, в 1978 г. 35% опрошенных отнесли себя к консерваторам (по сравнению с 21% объявивших себя сторонниками либерализма). При этом 44% заявили, что они занимают «среднюю», или «центристскую», позицию по отношению к консерваторам и либералам[55].

Вероятно, этот факт свидетельствует о разочаровании многих американцев в либерализме, точнее, в либерализме 60-х годов. Ряд исследований показывает, что в глазах многих рядовых американцев «либерал»—это бюрократ-карьерист, который в 60-х годах разбогател и получил власть, который сверху вниз смотрит на «простых людей» и не считается с их мнением[56]. Здесь-то и сказывается узость и одномерность той схемы, или шкалы, альтернативных идеологических позиций, которая предлагается американцу и которая ограничивает его выбор только между либерализмом и консерватизмом. Личность, разочаровавшуюся в либерализме и не желающую идентифицировать себя с ним, тем самым побуждают к идентификации с консерватизмом или к определению своей позиции как «серединной», или «центристской». И многие рядовые американцы подчиняются, поддаются влиянию этой традиционной дихотомической идеологической схемы, хотя на самом деле весьма смутно представляют себе реальное содержание и либеральных и консервативных позиций и программ.

---

[54] *Gillem R.* Intellectuals and Power. — «The Center Magazine», 1977, May-June, p. 15.

[55] «Public Opinion», 1978, Sept.-Oct., p. 33.

[56] Об этом, например, говорит исследование, проведенное известным психологом Р. Коулзом («Commentary», 1976, Sept., p. 49).

Следует учесть, что в рамках дихотомической схемы-шкалы идеологических позиций, навязываемой личности в США, отношения личности к разным сугубо конкретным проблемам часто формализуются так, что четко «привязываются» либо к либерализму, либо к консерватизму. Например, в США имеет широкое хождение такой стереотип рассуждения: если ты выступаешь за разрешение абортов, значит, ты либерал, а если настаиваешь на необходимости смертной казни за убийство, то ты обязательно консерватор. Если ты выступаешь за более решительные меры в борьбе с преступностью, за большую дисциплину, за прочность и последовательность моральных принципов, значит, ты склонен к консерватизму (ведь именно консерваторы в США традиционно делали больший, чем либералы, акцент на этих проблемах и чаще использовали лозунг: «Закон и порядок»). Но ведь настроения американцев, выступающих за «закон», на деле могут не иметь ничего общего с позициями консерватизма.

Так, для многих черных американцев, борющихся за свои права, борьба за соблюдение «закона» означает требование последовательно выполнять те законы о равноправии, которые уже приняты в США, но очень часто нарушаются. Протест рядовых американцев против роста преступности, аморализма и нравственной распущенности вполне понятен, оправдан и естествен. Он может не иметь ничего общего с политической идеологией консерватизма, да и вообще с дихотомией «консерватизм—либерализм».

Жесткая схема «либерально-консервативного континуума» мешает самим американцам правильно оценить свои стремления, отношения, идейно-психологические позиции. Она мешает изменению их социально-политических ориентаций, придавая этому процессу характер маятникообразных колебаний лишь между либерализмом и консерватизмом. «Центристская», «серединная» позиция на деле нередко означает неспособность или нежелание личности идентифицировать себя ни с либерализмом, ни с консерватизмом, разочарование и в том и в другом при неумении выйти за рамки самой дилеммы.

Консерваторам в какой-то мере удалось в 1975—1976 гг. сбить волну социально-критических настроений, явно нараставшую до 1974 г. Многие американцы, вы-

ражавшие такие настроения, приняли в качестве средства «психологической защиты» апологетически-бодрящую риторику, получившую в эти годы широкое распространение в американской литературе и материалах массовой пропаганды. Некоторые надежды были также связаны с приходом в Белый дом нового президента. Сказалось здесь и некоторое улучшение экономической конъюнктуры, имевшее место в эти годы.

Однако уже с мая 1977 г. исследователи и наблюдатели зафиксировали в США начало новой волны настроений недовольства. В 1979 г. эта волна достигла очень большой высоты: уже в феврале, по данным Гэллапа, 69% американцев выразили неудовлетворенность положением дел в стране, а к августу число неудовлетворенных увеличилось до 84% (соответственно количество удовлетворенных сократилось с 26 до 12%)[57].

В 1978 г. опросы зафиксировали новое падение доверия к основным институтам власти, и прежде всего к институтам политической власти — к государству и федеральному правительству. Американцы проявляли явное недовольство всевластием государственной бюрократии: 69% заявили, что «правительство имеет слишком большую власть»[58]. Одновременно правительство рассматривалось как «ужасающе неэффективное» — такой вывод сделал один из самых крупных специалистов по общественному мнению США — Э. Лэдд[59].

Известный обозреватель Р. Новак, констатируя поразительно высокий уровень «отчуждения» в политике, отметил: американцы убеждены в том, что именно правительство «ответственно за многие их беды»[60].

Сравнивая уровень доверия к правительству и руководящим политическим деятелям в конце 1976 г. (когда консерваторам-апологетам удалось оказать определенное влияние на умы и чувства рядовых американцев) и в конце 1978 г., П. Каделл обнаружил следующую картину[61] (см табл. на с. 229).

Как видно, в последние годы в США вновь происходило заметное увеличение числа американцев, демонстрирующих «политическое отчуждение» и разочарование

---

57 «The Gallup Poll», 9 August, 1979.
58 «Public Opinion», 1978, Sept.-Oct., p. 34.
59 Там же, с. 33.
60 Там же, с. 4.
61 «Public Opinion», 1979, Aug.-Sept., p. 3.

Вопросы	1976 г. (декабрь)		1978 г. (декабрь)	
	Согласны	Не согласны	Согласны	Не согласны
	В процентах			
Согласны ли Вы с мнением, что люди вроде Вас не могут повлиять на то, что делает правительство?	40	55	57	35
Согласны ли Вы с мнением, что большинство политических деятелей сегодня столь похожи друг на друга, что не так уж важно, кто оказывается избран?	39	57	48	43

в действенности тех механизмов политической жизни и тех институтов, апологетика которых составляет суть консервативной идеологии.

Тем не менее консервативная идеология повлияла на этот процесс. В результате он стал базой очень противоречивых тенденций. Так, многие рядовые американцы начали терять интерес к «большой» политике, т. е. политике, осуществляемой на уровне федерального правительства, и возлагать надежды на политику, делаемую на местном уровне. Более популярна, чем раньше, стала идея о децентрализации власти и усилении роли частнопредпринимательских инициатив в решении многих острых проблем. Такие тенденции и идеи еще укладываются в русло традиции, и их всячески поддерживают консерваторы.

Но глубокая неудовлетворенность деятельностью правительства и других политических институтов приводит многих рядовых американцев к выводам совершенно иного рода. Она способствует выдвижению предъявляемых к государству, к центральным органам политической власти требований, которые противоречат консервативной традиции. Как вынужден констатировать Э. Лэдд, в США «возрастает склонность использовать правительство как источник социальных услуг и в целом как инструмент решения проблем»[62]. По сути дела речь идет о сравнительно новой — очень важной и явно

[62] «Public Opinion», 1978, Sept.-Oct., p. 33.

долговременной — тенденции: об укреплении в сознании американцев убеждения, что основные, и прежде всего экономические, проблемы должны решаться на уровне общегосударственной политики, о росте требований к государству, что свидетельствует о политизации сознания рядовых американцев. Эта тенденция решительно противостоит консервативной традиции и привычным для США индивидуалистическим буржуазным представлениям о путях решения основных жизненных проблем, встающих перед человеком. Следует отметить, что предъявляемые к государству и правительству требования нередко сосуществуют с отсутствием реальной веры в то, что современное государство и правительство удовлетворят эти требования, например предпримут необходимые и эффективные меры в отношении инфляции и налогов. Только 11% американцев считают принятие таких мер делом «очень вероятным»[63].

Американцы все больше понимают необходимость создания политического механизма для обеспечения основных социальных прав человека: права на труд, права на медицинскую помощь и т. п. Например, 74% опрошенных в 1978 г. американцев высказали мнение, что «правительство должно гарантировать работу каждому американцу», 81% — что «оно должно помочь людям получить медицинскую помощь и доступ в больницы за низкую плату». Интересно, что эти идеи в равной степени разделяют не только те американцы, которые идентифицируют себя с либералами (81 и 91%), но и те, которые причисляют себя к консерваторам (71 и 82%), что еще раз подтверждает условность подобной идентификации[64].

Когда консерваторы хвастают своим влиянием в США, они часто ссылаются на недовольство правительственными программами помощи беднейшим слоям и неграм (а также правительственными постановлениями о выделении определенного числа рабочих мест и мест в учебных заведениях для негров и представителей других наименее обеспеченных групп). Это недовольство распространено главным образом среди американцев из числа мелкой буржуазии, а также служащих и отчасти среди рабочих средней и высокой квалификации.

---

[63] «Public Opinion», 1979, August-Sept., p. 4, 54.
[64] «Public Opinion», 1978, Sept.-Oct., p. 35, 39.

Подобные настроения отмечены у американцев с наименее развитым социально-политическим сознанием, что прежде всего и объясняется активной пропагандой правоконсервативных сил. Появлению таких настроений в немалой степени способствует и развитие кризисных тенденций в экономике. Многие американцы, в том числе и среднеоплачиваемые, столкнулись с реальной угрозой ухудшения уровня жизни, что испугало их и резко обострило конкуренцию между группами и индивидами. Правые группировки стремятся использовать страх, испытываемый американцами, и направить его в русло антинегритянских настроений. Они спекулируют на том, что правительство, вынужденное пойти на некоторую помощь черным американцам и беднейшим слоям, по сути дела ничего не предприняло, да и не предпринимает для помощи белым рабочим и служащим средней квалификации, которые все больше ощущают беспокойство, недовольство, испытывают нужду в помощи. Кроме того, государство переложило плату за такие программы помощи на плечи налогоплательщиков, основную массу которых составляют трудящиеся США.

В качестве примера приведем интервью с рабочим-строителем в Нью-Йорке: «Какое дело до меня Линдсею (тогдашний мэр Нью-Йорка. — *Ю. З.*)? Ему наплевать, есть ли у моего парня обувь, получит ли он в подарок к пасхе новый костюм, есть ли у меня что-нибудь в банке. Никому из политиков до этого дела нет. Их беспокоят только ниггеры, и для ниггеров они делают все. Ниггеры получают школы, новые площадки для игр, причем получают все это, не работая. А я вот работаю сварщиком на стройке. Когда ухожу на работу, не знаю, вернусь ли. Моя жена все время живет в страхе за меня. Если там, наверху, сильно дует ветер или леса обледеневают, один неверный шаг — и все, меня нет. Кто будет кормить мать и ребенка, если я разобьюсь? Линдсей? Ведомство по помощи бедным? Вы-то ответ знаете: никто... Из моего кармана текут денежки, и отдают их какому-то лентяю, бездельнику. Но я вам вот что скажу: хватит! Теперь есть много людей, которые этого терпеть не будут»[65].

---

[65] The White Majority Between Poverty and Affluence. N. Y., 1970, p. 12.

Отчетливо видно, как переплетены в сознании этого рабочего расовые предрассудки с естественными, законными притязаниями, как оправданный гнев и недовольство против всех «политиканов» перерастает в протест против даже частных уступок, отвоеванных беднейшими слоями населения США.

И все-таки факты говорят о том, что все большее число американцев освобождается от расистских предрассудков. В отношении рядовых американцев к борьбе черных американцев за свои права наблюдаются позитивные сдвиги. Так, 84% белых американцев заявили, что будут голосовать за черного американца — достойного кандидата в президенты США; 93% белых отмечают: «Черные имеют право жить везде, где они хотят». Подавляющее большинство американцев считает, что «правительство должно гарантировать достойную работу и жилье для черных»[66].

Факты свидетельствуют о том, что в США идет процесс развития общедемократического сознания, несмотря на очевидную активизацию правоконсервативных группировок. Можно упомянуть в данной связи успехи американской общественности в борьбе за освобождение уилмингтонской десятки и ряда других жертв расизма. Можно напомнить об усилившейся борьбе против всевластия ФБР, против антидемократической системы слежки и преследования инакомыслящих. Правда, нельзя упускать из виду и сложный характер данного процесса.

Активизация идеологов-традиционалистов в последние годы в какой-то мере способствовала тому, что некоторые американцы снова стали трактовать проблему прав и свобод человека в традиционно-индивидуалистическом духе. Определенное число американцев под влиянием реакционных сил, которые развязали шумную антикоммунистическую кампанию по поводу прав человека в СССР и странах социализма, отвлечено от активной борьбы за права человека внутри США. И все же в общенациональных опросах общественного мнения можно найти свидетельство роста демократического сознания.

Например, даже в условиях заметного оживления правоконсервативных тенденций в идеологии (в 1977 г.)

---

[66] «Public Opinion», 1978, Sept.-Oct., p. 37, 38.

62% опрошенных американцев (в сравнении с 37% в 1954 г.) выступили против тех, кто хотел запретить атеистам вести публичную антирелигиозную и антицерковную пропаганду. 76% высказались против требования запретить социалистам вести публичную пропаганду своих идей[67]. Свидетельством роста демократического сознания являются требования «открытого правительства», все действия которого были бы доступны контролю общественности и в работе которого участвовали бы широкие массы американцев.

Поскольку в США господствует буржуазная идеология, а в последние годы происходит активизация консервативно-традиционалистских групп, постольку не вызывает удивления тот факт, что большинство рядовых американцев продолжают считать «частную собственность» и «свободу предпринимательства» устойчивыми ценностями[68]. Это показывают некоторые обследования общественного мнения, особенно если вопросы задаются в самой общей форме и если они преследуют цель выявить отношение американцев к общим идеологическим понятиям. Но как только вопросы ставятся конкретно, как только возникает возможность оценить различные аспекты сегодняшней частнособственнической практики, рядовые американцы демонстрируют все более явные критические настроения. Даже консерватор Э. Лэдд вынужден признать, что «критицизм по отношению к некоторым сторонам предпринимательской практики возрос в течение последнего десятилетия»[69]. Пожалуй, заметнее всего растет недовольство американских трудящихся деятельностью крупных корпораций. На них американцы все чаще возлагают ответственность за безработицу и рост цен, за создание форм авторитарной бюрократии, за ухудшение качества товаров, за хищническое использование естественных ресурсов и обострение экологических проблем и т. д.

Это недовольство проявляется в различных типах политической ориентации личности. В последние годы в США снова наблюдается усиление традиционалистско-популистских ориентаций. Их разделяют прежде всего представители мелкой буржуазии, «люмпен-буржуазии»

---

[67] Там же.
[68] «Public Opinion», 1978, March-April, p. 49.
[69] Там же, с. 49.

и люмпен-пролетариата, а также те американцы, в чьем сознании укрепляется и находит проявление неудовлетворенный, разочарованный традиционный индивидуализм. Носители такого сознания рассматривают крупные корпорации как врагов «свободного индивидуализма» — мелкого и среднего предпринимательства, как противников традиционных идеалов «независимости» личности. Критика в адрес крупных корпораций, часто очень страстная и радикальная, ведется от имени «предпринимателей — производителей», которые отождествляются с «народом» в целом (отсюда термин «популизм»). «Право начинать мелкий бизнес поддерживает демократию, освобождая людей от страха перед единым режимом, контролирующим и экономику, и политику»[70] — так формулирует эту иллюзию Д. Рисмен. «Традиционалист-популист» в его наиболее экстремистских вариантах принимает многие тезисы праворадикалистских или ультраправых группировок.

Недовольство корпорациями особенно интенсивно проявляется в сознании рабочих, непосредственно сталкивающихся с крупными корпоративными формами собственности. О глубоком распространении этого недовольства можно судить уже по тому, что оно зреет даже в сознании людей, причисляющих себя к консерваторам. Р. Коулс рассказывает о своей беседе с рабочим-текстильщиком, который живет в маленьком провинциальном городе на юге страны и принадлежит к наиболее низкооплачиваемым слоям рабочего класса. На фабрике, где он работает, владельцам удалось помешать созданию профсоюзной организации и внушить недоверие к профсоюзам. Рабочий называет себя консерватором. Однако он четко высказывает следующую мысль: «Почему не мы должны владеть некоторыми из этих фабрик вместо тех акционеров, которые никогда не были здесь, а загребают все прибыли, которые производим мы, выжимая из себя соки в течение долгих часов работы?»[71]

Р. Коулс считает такое настроение типичным. А это значит, что в США возникают тенденции, противостоящие господствующей традиции, тем более ее консервативному варианту. Рост недовольства крупными корпорациями в США выходит за рамки мелкобуржуазных,

---

[70] «Commentary», 1978, April, p. 67.
[71] «Commentary», 1976, Sept., p. 49.

«популистских» иллюзий и привычек, он создает предпосылки для формирования антимонополистического сознания американских трудящихся.

Антимонополистические настроения особенно наглядно проявляются тогда, когда американцы говорят о необходимости ограничения прибылей крупных корпораций. Росту этой тенденции не смогла помешать даже активизация правоконсервативных групп. Развитие антимонополистического сознания в довольно четких формах происходит в среде американских рабочих. Именно здесь получает особенно широкое распространение мнение: «Богатые становятся богаче, а бедные беднее», что фиксируют опросы общественного мнения (в 1977 г., по данным Л. Харриса, его разделяли почти 80% опрошенных). Именно в среде рабочих постепенно укрепляется идея о несправедливости фактического экономического неравенства классов. Даже такой апологет консерватизма, как И. Кристол, вынужден признать: «Существует очень много людей в этом обществе, которые полагают, исходя из моральных оснований, что перераспределение — превыше всего, что оно есть политическая необходимость». Кристол считает, что вокруг этого требования сложилась особая идеология [72].

Все большее число американских рабочих начинают понимать тесную связь верхушки корпорации и государства: «Богатые и правительство действуют заодно, чтобы обманывать все остальное население страны» [73]. Рабочие все чаще и четче выражают скептическое отношение к тем обещаниям, которые раздаются в ходе избирательных кампаний (как известно, Дж. Картер был особенно щедр на такие обещания в 1976 г.). Даже на страницах таких журналов, как «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», появляются высказывания рабочих вроде следующего: «Помощь из Вашингтона? Забудьте об этом... Я все еще должен работать на двух работах, чтобы сводить концы с концами» [74].

Растущее недовольство иногда направляется в адрес существующей в США системы в целом. «Люди думают, что дело в системе, — делает вывод исследователь общественного мнения М. Филд. — Они не счита-

---

[72] «Public Opinion», 1978, Sept.-Oct., p. 58.
[73] *Warren P. I.* The Radical Center. N. Y., 1976, p. 1.
[74] «U. S. News and World Report», 8 May, 1978, p. 23.

ют, что можно изменить что-либо голосованием за того или другого кандидата»[75].

Конечно, рост недовольства в США далеко не всегда сопровождается формированием антимонополистических и демократических ориентаций, политизацией сознания людей. Зачастую он сосуществует с усилением растерянности, пессимизма в отношении будущего, неверия в перспективы улучшения положения дел в стране. Волна таких настроений в 1978—1979 гг. снова достигла очень значительной высоты. Это вынужден был признать и президент США Дж. Картер. 15 июля 1979 г., обращаясь к американцам, он говорил, что в стране нарастает «кризис веры в будущее». «Это кризис, который поражает сердце и душу каждого американца, дух и волю нации, — сказал он. — Эрозия нашей веры в будущее угрожает разрушить ткань социальной и политической жизни Америки». Ряд журналистов в США отметили, что это была самая низкая оценка внутренней ситуации в стране, которую давали президенты на протяжении всего периода новейшей истории[76].

Дж. Картер опирался на данные опроса общественного мнения, проведенного П. Каделлом, постоянно осуществляющим такого рода обследования для президента. П. Каделл, оценивая уровень самочувствия американцев, пользовался приемом, разработанным еще в 50-х годах Л. Фри и Х. Кэнтриллом. Опрашиваемым предлагалась шкала (от 1 до 10), на которой они должны были отметить позицию, соответствующую их оценке того положения дел, которое существовало в стране 5 лет назад, существует сегодня и, по их мнению, сложится в будущем, через 5 лет. Если эти оценки в совокупности дают кривую, идущую снизу вверх, давшие эти оценки люди считаются оптимистами, если сверху вниз — пессимистами.

По данным, полученным П. Каделлом, средняя оценка, даваемая американцами в 1979 г. прошлому, составила 5,7, настоящему — 4,7, будущему — 4,6. Пессимистов оказалась 48%, оптимистов — всего 16%. Одновременно П. Каделл обнаружил рост пессимистического отношения американцев к перспективам не только развития страны в целом, но и их личной жизни. Обычно опросы

[75] «News Week», 6 Nov., 1978, p. 53.
[76] «Public Opinion», 1979, August-Sept., p. 2.

общественного мнения в США обнаруживали резкое различие в оценках, даваемых американцами положению дел в стране и в их личной жизни. Хотя и сегодня многие опросы выявляют это противоречие, однако чаще появляются данные, свидетельствующие о том, что все большее число американцев готово открыто признать наличие кризисных ситуаций в своей индивидуальной судьбе. П. Каделл обнаружил, что за год (с осени 1978 г.) число людей, пессимистически оценивающих свою личную жизненную ситуацию, удвоилось, впервые достигнув 32%[77].

Новый подъем волны пессимистических настроений, неверия в перспективы улучшения положения дел в стране в ближайший обозримый период времени отметили многие организаторы опросов в США. По данным, полученным в 1978—1979 гг. Д. Янкеловичем, количество американцев, демонстрирующих эти настроения, достигло 67%, по данным службы опросов телекомпании Си-би-эс — 77%[78]. Аналогичные настроения выявляются и в ходе более углубленных систематических социологических исследований. Известные социологи П. Кольман и Л. Рейноутер, проводившие исследования в ряде городов США, обнаружили усиление «общего пессимизма в отношении будущего Америки». Люди, явившиеся объектом исследования, связывали будущее с уменьшением шансов на социальную мобильность и усилением конкуренции, с понижением жизненного уровня рядовых семей, ростом безработицы, инфляции, с углублением энергетических проблем, даже с «развалом системы» и «распадом общества». Недаром авторы исследования назвали главу, суммирующую эти настроения, «Впереди более тяжелые времена: подъем падающих ожиданий»[79].

Настроения пессимизма, крушение надежд, падение веры в возможность выхода из кризиса создают особую психологическую ситуацию. В этой ситуации довольно типичными оказываются состояния депрессии, нервного напряжения, уныния. Обнаружение личности, переживающей все эти состояния, дало американскому психологу Дж. Клерману основание для характеристики последне-

[77] Там же, с. 3.
[78] Там же, с. 3—4.
[79] *Coleman P., Rainwater L.* Social Standing in America. N. Y., 1978, p. 241—243.

го периода истории США как «эры меланхолии». По его убеждению, «эра меланхолии» сменила «эру беспокойства». Клерман считает, что беспокойство (anxiety) может сочетаться с верой человека в возможность контролировать свою судьбу, со стремлением к самостоятельным и активным действиям, в том числе и в сфере политики. Состояние меланхолии наступает тогда, когда «беспокойство уступает место депрессии и отчаянию как доминирующим настроениям современного человека»[80]. А. Шлессинджер, характеризуя в 1978 г. идейно-политический климат в США, признал распространенность «политической депрессии», «политической хандры» (political doldrums), «нервного истощения» вследствие накопления проблем нерешенных и явно нерешаемых. Он говорил о «скверном настроении» (aquiscence) многих американцев[81].

Личность, которой свойственны эти состояния и настроения, которая их болезненно переживает и которую буржуазной пропаганде удается изолировать от влияния прогрессивной идеологии, раскрывающей перспективы позитивного обновления мира, — такая личность может быть предрасположена, с одной стороны, к политической пассивности, с другой — к воздействию реакционных демагогов, которые выступают под флагами традиционализма, национализма, «ура-патриотизма». Депрессия, нервное напряжение, отчаяние могут создавать психологическую почву, относительно благоприятную для нарочито бодряческой, шовинистической пропаганды.

Здесь следует учесть и тот факт, что американцы в течение длительного времени демонстрировали веру в американскую исключительность, в превосходство США по отношению к другим странам, в особую историческую миссию США. Эта вера родилась непосредственно в ходе буржуазной революции и в тот момент выражала отношение к феодальным порядкам, все еще сохранявшимся в большинстве стран мира. В XIX в. эта вера воплощала самоуверенность молодого и очень интенсивно развивавшегося американского капитализма. В эпоху империализма эта вера воплотилась в имперские притязания, откровенно шовинистические, «джингоистские» настрое-

---

[80] *Klerman G. L.* The Age of Melancholy. — «Psychology Today», 1979, N 12, p. 37, 42, 88.

[81] «Public Opinion», 1978, Sept.-Oct., p. 8—10.

ния, сочетающиеся с идеологией «холодной войны». В течение двух веков эта вера в различных вариантах жила в сознании весьма большого числа американцев.

События конца 60-х и 70-х годов нанесли по этой вере очень сильный удар[82]. У одних американцев это способствовало формированию новой политической ориентации — ориентации на уважение других стран и народов, их суверенитета и прав, на мирное сосуществование государств с разными социальными системами, разрядку международной напряженности и взаимовыгодное сотрудничество, на участие в конструктивном решении глобальных проблем, на бескорыстную помощь развивающимся странам.

У других американцев традиционные верования как бы отступили на задний план, оказались подавленными или «вытесненными в сферу подсознания», но не разрушились и не исчезли. Возникли болезненные чувства оскорбленной «национальной гордости», «национального унижения», «национальной неполноценности», нередко соединенные с обидой, раздражением и даже озлоблением против всего мира. Чувства эти накладывались на столь же болезненные чувства нервного напряжения, депрессии, уныния, страха, вызванные углублением кризиса в экономике страны, во внутренней политике, в сфере морали. Они, эти чувства, жили, искали выхода, идеологического и психологического оправдания. Реакционные группировки в американской идеологии и политике сознательно обращаются к этим чувствам, усиливают, обостряют их и, разжигая настроения антикоммунизма и антисоветизма, направляют в русло «ура-патриотизма», национализма и шовинизма[83].

Под влиянием империалистической пропаганды немалое число американцев стало вновь более охотно слу-

---

[82] По данным ряда опросов общественного мнения, проведенным в конце 70-х годов, 58% опрошенных американцев считали, что США пользуются меньшим уважением в мире, чем 10 лет назад, а 56% — что они уступают Советскому Союзу в силе и влиянии. Характерно также, что в качестве главной причины уменьшения силы и влияния США на международной арене 40% опрошенных указали на «политическую коррупцию США» («Public Opinion», 1979, March-May, p. 22, 41).

[83] Использование чувства оскорбленной «национальной гордости» шовинистическими группами не раз встречалось в истории. В свое время В. И. Ленин отмечал, что шовинизм в России начала века «явился как реванш за поражение в войне с японцами» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 220).

шать и воспринимать речи о «мировой миссии» США, рассчитанные на оправдание гегемонистских притязаний наиболее реакционных группировок правящего класса [84]. На сознание многих американцев не может не оказывать влияние непрерывно ведущаяся клеветническая кампания о «военной угрозе», якобы исходящей от СССР и стран Варшавского Договора. Смысл этой кампании ясен. «...Те, кто сейчас подогревает на Западе надуманную кампанию о «советской военной угрозе», — говорил Л. И. Брежнев, — в действительности думают о другом. Они не желают примириться со сложившимся примерным равновесием в соотношении военных сил сторон и хотят добиться превосходства» [85]. Влияние милитаристских группировок в США, естественно, порождает смятение в мыслях и чувствах американцев; в последнее время, согласно опросам общественного мнения, большее число людей поддержало идею о том, что США должны обеспечить себе «превосходство над СССР в военной мощи».

В результате активизации противников разрядки отношение к расходам на вооружение за последние десять лет претерпело в США заметное изменение. Если в 1969—1973 гг. (период войны во Вьетнаме) 52—49% опрошенных считали, что на военные нужды тратится слишком много средств, то опросы, проведенные весной 1979 г., показывают, что так думает только 16%. Соответственно число тех, кто считает, что тратится слишком мало, возросло с 8—13 до 32% [86]. Осенью 1979 г. 58% опрошенных американцев высказались за увеличение военного бюджета, 30% — за его сохранение и лишь 9% — за его уменьшение [87].

Известное влияние на общественное мнение в США оказали массированные и шумные антисоветские кампании, предпринимаемые реакционными группировками в США. Эти кампании приобрели новый, еще более широкий размах в конце 1979 — начале 1980 г. Правящие круги стремились отвлечь внимание общественного мне-

---

[84] 55% опрошенных американцев согласились, что «Соединенные Штаты должны в будущем играть более важную роль в качестве мирового лидера» («ABC News — Harris Survey», 12 Febr., 1979).

[85] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 7. М., 1979, с. 311.

[86] «Public Opinion», 1979, March-May, p. 25.

[87] «ABC News — Harris Survey», 29 Oct., 1979.

ния от сложных проблем, с которыми сталкивается экономика США, провалов во внешней политике (события в Иране, на Ближнем и Среднем Востоке и т. д.). Они стремились компенсировать кризисные процессы и болезненные чувства в психической жизни многих американцев (рост депрессии, уныния, нервного напряжения, пессимизма, потеря веры в перспективы развития страны), искусственно создать новые формы «национального единства» по рецептам «холодной войны». В какой-то мере эти цели удалось реализовать.

Как же развиваются сегодня те позитивные тенденции, которые в той или иной мере обнаружили себя в политических и внешнеполитических ориентациях американцев почти на всем протяжении 70-х годов, в том числе и в самые последние годы? Многочисленные общенациональные опросы показали относительно устойчивую поддержку общественным мнением разрядки международной напряженности. Число американцев, высказывающихся в поддержку разрядки, хотя и колебалось, но оставалось высоким (в течение 1978 г. оно составляло примерно 70%). Столь же значительным было число американцев, выступавших за заключение нового соглашения с СССР об ограничении стратегических и наступательных вооружений: по данным Л. Харриса в феврале 1979 г. — 74% опрошенных [88].

Поддержку идеи разрядки международной напряженности и договора об ограничении стратегических вооружений можно рассматривать как проявление достаточно устойчивой тенденции в сфере внешнеполитических ориентаций. Эта тенденция выражалась также во все более четком и полном осознании многими миллионами американцев растущей угрозы и вероятных гибельных последствий ядерной войны. Данная тенденция хорошо показана, например, в серьезных и крупномасштабных исследованиях М. Яновица.

Растущий страх перед ядерной катастрофой может воплощаться в разных ориентациях. М. Яновиц говорил, что непосредственным следствием этого может быть рост апатии и стремления психологически «отвлечься» и «убежать» от угрозы ядерного катаклизма. Однако он подчеркивал, что систематическое изучение опросов общественного мнения доказывает: в массовом сознании

[88] «ABC News — Harris Survey», 13 Febr., 1979.

страх перед атомной войной все отчетливее связывается с «отрицанием использования ядерного вооружения в целях военной интервенции».

Правые и консервативные группировки стремились помешать развитию этой тенденции. Они пытались убедить американцев в необходимости все более интенсивной гонки ядерных вооружений в целях психологического и политического «устрашения» других стран. Под влиянием милитаристской пропаганды часть американцев, настойчиво отрицающих фактическое использование ядерного оружия, вместе с тем принимали его как «элемент устрашения». Это, в частности, обнаружило и исследование М. Яновица, но оно же показало, что даже те американцы, которые поддались пропагандистскому влиянию доктрины «устрашения», одновременно выражали требования «политических шагов в направлении контроля над вооружениями» [89].

Опросы общественного мнения также неоднократно подтверждали, что, несмотря на возрастающую активность сторонников гонки вооружений, большинство американцев считали «контроль над вооружениями очень важной внешнеполитической целью» (в начале 1979 г. — 64%) [90]. Несмотря на усиление милитаристской пропаганды во второй половине 70-х годов, довольно большой процент опрашиваемых американцев не соглашался на увеличение военного бюджета. Причем, когда предлагалось сравнить военные расходы с расходами на другие цели, число выступающих против увеличения военных расходов повышалось. Ряд наиболее серьезных социологических исследований также показал, что, несмотря на наличие довольно резких колебаний, четко выделяется тенденция к ослаблению поддержки американцами военных расходов. Она характерна для динамики политических ориентаций в США по крайней мере на протяжении последних 25 лет [91].

Вопреки антисоветским кампаниям, систематически проводимым в США во второй половине 70-х годов, подавляющее большинство опрашиваемых американцев (в начале 1979 г. — 75%) было убеждено, что СССР яв-

---

[89] *Janowitz M.* The Last Half-Century. Social Change and Politics in America. Chicago Press, 1978, p. 206—207.

[90] «American Public Opinion and U. S. Foreign Policy» (Chicago), 1979, March.

[91] *Janowitz M.* The Last Half -Century, p. 211, 212.

ляется «страной, представляющей жизненно важный интерес для США с точки зрения политики, экономики и безопасности». В пользу расширения советско-американской торговли в 1978 г. высказывалось около 70% американцев, 68% выступали за совместные с СССР усилия в области решения энергетических проблем [92].

Хотя усиление националистических настроений и элементов «имперской» интервенционистской психологии в США во второй половине 70-х годов — общепризнанный факт, тем не менее ряд авторитетных наблюдателей и исследователей подчеркивали, что данные настроения и особенности психологии все же существенно отличаются от аналогичных настроений и установок, бытовавших в 50-х годах, т. е. в годы особенно интенсивной «холодной войны». Анализируя подобные настроения и установки, видный американский журналист Р. Прангер отмечал, что в них отсутствует тот «интервенционистский энтузиазм», который имел место в период «холодной войны», а, наоборот, присутствует более слышная «нота реализма» [93].

М. Яновиц на основе систематического многолетнего изучения динамики внешнеполитических ориентаций американцев счел возможным говорить о долговременной и устойчивой тенденции, связанной с «коммулятивным эффектом» поражения во Вьетнаме и провала ряда других военных интервенций. Этот «эффект» проявляется, по его наблюдению, в понижении уровня готовности американцев поддержать любое использование военной силы [94].

Трудно предположить, что все указанные выше позитивные тенденции, настойчиво заявляющие о себе в течение довольно длительного времени, полностью сойдут на нет. Эти тенденции могут как бы уйти с поверхности общего потока общественного мнения, тем более что этот поток обычно оказывается видимым сквозь призму опросов, организаторы которых естественно испытывают давление господствующей идеологии и массовой пропаганды. Данные тенденции могут стать глубинным слоем общественного мнения, а затем снова выйти на поверхность и обрести новые силы.

---

[92] «American Public Opinion and U. S. Foreign Policy», 1979, March.

[93] «Public Opinion», 1978, July-August, p. 25.

[94] *Janowitz M.* The Last Half -Century, p. 211, 212.

Масштабы их действий, их удельный вес и значимость могут колебаться вместе с колебаниями в соотношении сил, выступающих с позиций реализма, разрядки международной напряженности, и сил, представляющих милитаризм, гегемонизм и антисоветизм. Эти колебания могут быть значительными и весьма опасными. Однако есть основания полагать, что, даже утратив прежние темпы развития и интенсивность проявления, позитивные тенденции в политических ориентациях рядовых американцев все же будут жить и оказывать влияние.

Нельзя не учитывать, что объективные причины и факторы, делающие мирное сосуществование и разрядку международной напряженности исторически необходимыми, не исчезают, а, наоборот, заявляют о себе с большей настойчивостью. Не прекращается активная деятельность миролюбивых сил в современном мире и внутри США. Все это не может в конце концов не повлиять на динамику политических ориентаций массы американцев.

Заключение

Мы попытались исследовать разнонаправленные противоречивые процессы, происходящие в сфере ценностных и политических ориентаций рядовых американцев. Многие из этих тенденций и процессов являются следствием углубления общего кризиса капитализма.

Под влиянием объективного и необратимого процесса развития экономических, политических, социальных и идеологических отношений в международном и национальном масштабах совершается процесс обновления личности в Америке, ее сознания и чувств. Этот процесс реализуется через противоборство различных, разнонаправленных ценностных и политических ориентаций. Ориентации на успех в частнопредпринимательском, бюрократически-карьеристском и узкопотребительском вариантах противостоит ориентация личности на саморазвитие, на проявление инициативы и творчества в общественно полезном труде и социально значимой деятельности. Личность, стремящаяся к индивидуальности, постепенно освобождается от своей привязанности к традициям буржуазного индивидуализма.

Ориентации на конкуренцию противостоит ориентация на сотрудничество и человеческое общение, на создание форм такой коллективности, развитие которой необходимо предполагает развитие индивидуальности. Конформистской ориентации противостоит ориентация на активность личности, на превращение ее в действительный субъект истории и политики, на борьбу за расширение демократии. Прагматизму, мелкоутилитарному расчету, бюрократической рациональности противостоят поиски личностью новых форм рациональности, которые помогли бы понять объективные потребности и тенденции развития современной истории и современного человека.

Мифологии, фетишизму, утопии и иллюзии противостоит реализм в отношениях личности к обществу и к самой себе, в вопросах внутренней и внешней политики. Традиционализму, ностальгии по прошлому, страху перед социальными переменами, перед будущим противостоит ориентация на глубокое осмысление перспектив истории. Национализму, шовинизму, внешнеполитическому экспансионизму и милитаризму противостоит ориентация на мирное сосуществование, разрядку международной напряженности и равноправное сотрудничество с другими государствами и народами.

Ход и конкретные результаты противоборства данных ориентаций зависят от многих обстоятельств и факторов: от соотношения сил на мировой арене и изменения этого соотношения в пользу социализма, мира и разрядки международной напряженности, от дальнейшего развития экономической, политической, идейной и духовной жизни США, от размаха классовой борьбы трудящихся.

В ходе этого противоборства обозначаются существенно различающиеся между собой типы личности, воплощающие сложные и нередко противоречивые комбинации тех или иных ориентаций. Обнаруживаются и сменяют друг друга различные состояния умов и чувств и опирающиеся на них различные многовариантные формы поведения. Возможными и реальными становятся зигзаги и колебания в настроениях людей, многообразные конфликты и симптомы кризиса в системе ценностных и политических ориентаций.

Поскольку эти процессы и состояния становятся массовыми, постольку они могут оказывать и оказывают влияние на динамику исторического развития США, на идейно-политический климат, на внутреннюю и внешнюю политику страны. Вот почему важен углубленный, детализированный анализ сложных процессов, происходящих в личности, причин, их вызывающих, механизмов, ими управляющих. Он позволит лучше понять диалектику и перспективы развития политических и идеологических отношений внутри США, а также внешнеполитических отношений и идеологической борьбы между этой страной и странами социализма.

Попытка реализовать эти цели и была предпринята автором данной книги. Насколько она удалась — судить читателям.

Оглавление

Замошкин Ю. А.

З-26 Личность в современной Америке: Опыт анализа ценностных и полит. ориентаций. — М.: Мысль, 1980. — 247 с. — (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма).

В пер. 1 р.

Работа представляет собой социологическое и социально-психологическое исследование личности в США. В ней даются социально-типологические характеристики личности, исследуются внутренние проблемы, жизненные конфликты и болезненные состояния личности, которые возникают в связи с углубляющимися противоречиями в экономике, сфере труда и быта, политике и идеологии США. В книге также рассмотрен вопрос о соотношении кризисных явлений и прогрессивных тенденций в сознании и поведении личности, в идейно-психологической и нравственной жизни современной Америки.

З $\frac{10506-175}{004(01)-80}$ БЗ-7-3-80

32И
ББК 66.3 (7 США)

ИБ № 1291

Замошкин Юрий Александрович

ЛИЧНОСТЬ
В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКЕ

Опыт анализа ценностных
и политических ориентаций

Заведующая редакцией **В. Е. Викторова**
Редактор **М. А. Рыжова**
Младший редактор **Е. С. Дых**
Оформление художника **В. П. Григорьева**
Художественный редактор **Т. В. Иваншина**
Технический редактор **О. А. Барабанова**
Корректор **З. В. Одина**

Сдано в набор 20.03.80. Подписано в печать 11.07.80. А 02078. Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печатных листов 13,02. Учетно-издательских листов 13,62. Тираж 15 000 экз. Заказ № 458. Цена 1 р.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Хохловский пер., 7.

